

**МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ — МСХА ИМЕНИ К. А. ТИМИРЯЗЕВА**

РГАУ-МСХА
имени К.А. Тимирязева

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Выпуск 1

Сборник переводных статей

Москва, 2023
Издательство «Перо»

УДК 111(075.8)
ББК 87.12 +87.3(4)
С56

**Тяньхао Хоу, Аади К. Кришна, Натаниэль Пьютерер,
Анна Л. Питерс, Иян Чен, Мелисса Падрон,
Эстебан А. Санчес, Янгдал Кейли**

С56 Современная зарубежная философия. Сборник переводных статей. Выпуск 1. – М.: Издательство «Перо», 2023. – 113 с. – МБ [Электронный ресурс]

ISBN 978-5-00218-735-5

Предлагаем вашему вниманию первый выпуск зарубежных переводных статей из серии «Современная зарубежная философия».

О чем пишут современные молодые ученые в мире? Какие темы считают актуальными и злободневными? В чем видят будущее философской науки?

Перевод статей (2021-2023 гг) был выполнен коллективом кафедры философии и кафедры педагогики и психологии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева. Перевод осуществлен Кортунковым Вадимом Вадимовичем, Панноковым Александром Ивановичем, Котусовым Дмитрием Вячеславовичем, Донских Ксенией Юрьевной, Мамедовым Азером Агабала оглы, Панноковой Юлией Геннадьевной, Григорьевым Сергеем Леонидовичем.

Ответственные редакторы, составители и научные руководители:

кандидат философских наук **Котусов Дмитрий Вячеславович** (ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет - МСХА имени К.А. Тимирязева»)

кандидат философских наук **Донских Ксения Юрьевна** (ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет - МСХА имени К.А. Тимирязева»)

Рецензенты:

– доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) Шиповская Людмила Павловна,

- доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «МЭИ» в г. Волжском Шелекета Владислав Олегович

УДК 111(075.8)
ББК 87.12 +87.3(4)

ISBN 978-5-00218-735-5

© Авторы, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

BIOLOGIZATION OF CAPITAL AND CAPITALIZATION OF BIOPOWER: CONNECTING FOUCAULT AND MARX Tianhao Hou БИОЛОГИЗАЦИЯ КАПИТАЛА И КАПИТАЛИЗАЦИЯ БИОВЛАСТИ: СВЯЗЬ ФУКО И МАРКСА Тяньхао Хоу Перевод Ксении Донских	5
DECONSTRUCTING SOCIAL CLASSIFICATION AND MOBILITY: THE HINDU VARNA SYSTEM, PLATO'S MAGNIFICENT MYTH, AND THE BRITISH CASTE SYSTEM Aadi C. Krishna ДЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ: ИНДУИСТСКАЯ СИСТЕМА ВАРН, ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ МИФ ПЛАТОНА И БРИТАНСКАЯ КАСТОВАЯ СИСТЕМА Аади К. Кришна Перевод Азера Мамедова	15
ETHICS OF THE FAR FUTURE: WHY LONGTERMISM DOES NOT IMPLY ANTI-CAPITALISM Nathaniel Peutherer ЭТИКА ДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО: ПОЧЕМУ ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПОДХОД НЕ ПОДРАЗУМЕВАЕТ АНТИКАПИТАЛИЗМ Натаниэль Пьютерер Перевод Дмитрия Котусова	33
EUTHANASIA AND CONSENSUAL HARM: EVALUATING THE MORAL AND LEGAL ASYMMETRY OF SELF- AND OTHER-REGARDING ACTS Anna L. Peters ЭВТАНАЗИЯ И ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПО ОБОЮДНОМУ СОГЛАСИЮ: ОЦЕНКА МОРАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ АСИММЕТРИИ ДЕЙСТВИЙ, КАСАЮЩИХСЯ СЕБЯ И ДРУГИХ Анна Л. Питерс Перевод Юлии Панюковой	49
RECONSTRUCTING RUIN AS FUTURE: RETHINKING THE SPATIOTEMPORALITY OF RACE AND GENDER IN GLISSANT AND SPILLERS' MIDDLE PASSAGE Iyang Chen РЕКОНСТРУКЦИЯ РУИН КАК БУДУЩЕГО: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ РАСЫ И ПОЛА В "СРЕДНЕМ ОТРЫВКЕ" ГЛИССАНТА И СПИЛЛЕРСА Иян Чен Перевод Александра Панюкова	72

GENDER THEORY VS. PRAGMATISM: A POINT OF DIVERSION BETWEEN JUDITH BUTLER'S GENDER PERFORMATIVITY AND THE PSYCHOSOCIAL LIMITATIONS OF GENDER CONSTRUCTION

Melissa Padron

ГЕНДЕРНАЯ ТЕОРИЯ ПРОТИВ ПРАГМАТИЗМА: ТОЧКА СОПРИКОСНОВЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ ДЖУДИТ БАТЛЕР И ПСИХОСОЦИАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ГЕНДЕРНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Мелисса Падрон

Перевод Вадима Кортунова 85

UNITY IN VIRGINIA WOOLF AND HANNAH ARENDT: CREATING REALITY IN THE IN-SENSITIVE AND INACCESSIBLE

Esteban A. Sanchez

ЕДИНСТВО У ВИРЖИНИИ ВУЛЬФ И ХАННЕ АРЕНДТ: СОЗДАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В БЕСЧУВСТВЕННОМ И НЕДОСТУПНОМ

Эстебан А. Санчес

Перевод Вадима Кортунова 91

THE SELF-COGNIZANT IDEA AND THE METHODOLOGICAL TRANSFORMATION OF HEGEL, MARX, AND DITLTHEY'S HISTORIOGRAPHY

Youngdahl Kaylee

ИДЕЯ САМОСОЗНАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕГЕЛЯ, МАРКСА И ДИЛЬТЕЯ

Янгдал Кейли

Перевод Сергея Григорьева103

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
 Тяньхао Хов

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx

Tianhao Hou
graduated in 2021 with a Bachelors degree
in Sociology from University of Chicago in Chicago, IL.

KEYWORD: Biopower, Foucault, Capitalism, Philosophy, History, Critical Theory, Marxism

ABSTRACT

Foucault raised the concept of biopower in the first volume of *The History of Sexuality* and placed its emergence in the context of capitalism, but he did not fully tackle the relationship between biopower and capitalism. In this article, the author fills this gap through a careful reading of Foucault and Marx, arguing that perpetual spirals are formed between biopower and capitalism and their techniques intersected on the human body. The author first traces the definitions of each concept in order to show that they can be discussed and drawn connection with each other. After that, he expands upon Foucault's story of the importance of capitalism for biopower to view capitalism as the historical presupposition of the emergence of biopower and discusses the previously neglected importance of biopower for capitalism in the realms of productivity, population, and differentiation. Finally, their alliance and intertwinement are examined.

Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Тяньхао Хоу
 окончил Чикагский университет в Чикаго, штат Иллинойс,
 в 2021 году со степенью бакалавра социологии.

Ключевые слова: биовласть, Фуко, капитализм, философия, история, критическая теория, марксизм

Аннотация.

В первом томе «Истории сексуальности» Фуко поднимает концепцию биовласти и помещает ее появление в контекст капитализма, не затрагивая при этом отношения между биовластью и капитализмом. В данной статье автор заполняет этот пробел через внимательное прочтение Фуко и Маркса, аргументируя, что между биовластью и капитализмом формируются постоянные спирали, методы которых пересекаются на человеческом теле. Автор прослеживает определения каждого концепта, желая показать, что они могут быть обсуждены во взаимосвязи друг с другом. Он расширяет рассказ Фуко о

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
Тяньхао Хов

важности капитализма для биовласти, чтобы рассмотреть капитализм как исторический аспект появления биовласти и обсуждает важность биовласти для капитализма в области продуктивности, населения и дифференциации. В завершении, рассматривается их союз и взаимосвязь.

В первом томе «Истории сексуальности» Фуко поднял концепцию биовласти, которую он рассматривал как историческую трансформацию технологий власти, превратившуюся в управление телами. Он поместил возникновение биовласти в контекст капитализма и объяснил, как капитализм способствовал появлению биовласти, которая представляла собой аутосексуализацию буржуа. Однако, поскольку Фуко сосредоточил свой анализ на самой биовласти, он не дал полного описания взаимосвязи между биовластью и капитализмом, включая характеристики биовласти, которые позволили поместить ее в контекст капитализма, предпосылки и важность биовласти, а также союз биовласти и переплетение с капитализмом. В этом эссе я изложу, как каждый из вышеупомянутых аспектов соотносится с биовластью и капитализмом, основываясь на оригинальном анализе Фуко, и попытаюсь показать, как их методы пересеклись на человеческом теле и сформировали вечную спираль биовласти и капитализма.

Биоэнергетика

Прежде чем обсуждать взаимосвязь, я хотел бы сначала разобрать концепции биовласти и капитализма, используемые Фуко. Фуко определил биовласть как «управление телами и расчетливое управление жизнью» (Фуко, 1978, с. 140). В этом определении делался упор на «администрирование» и «менеджмент»; иными словами, биовласть принимала форму управления в противоположность абсолютному запрету. Чтобы прояснить это раз-

личие, Фуко противопоставил биовласть суверенной власти. Суверенная власть выражала себя через действие в качестве абсолютной и окончательной детерминанты, отнимающей жизни, или, по словам Фуко, как «право захвата: вещей, времени, тел и, в конечном счете, самой жизни» (Фуко, 1978, с. 136), что сделало смерть проявлением ее могущества и вездесущности. Биовласть, напротив, гораздо меньше заботилась о захвате и дедукции, чем о «работе по подстрекательству, усилению, контролю, мониторингу, оптимизации и организации подчиненных ей сил» (Фуко, 1978, с. 136). Другими словами, вместо «забирать жизнь или позволять жить другим» стратегией биовласти стало «поощрение жизнь или ее запрет вплоть до смерти» (Фуко, 1978, с. 138). Более конкретно, она была направлена на умножение и процветание жизней и стремилась управлять ими как живыми существами, а не просто вычитать и запрещать.

Эта существенная особенность биоэнергетики подразумевала, что она нашла новый способ управления живыми существами. Фуко разработал методы биовласти с помощью двух концепций: анатомополитики и биополитики, обе из которых были формами биовласти. Анатомополитика рассматривала «тело как машину» (Фуко, 1978, с. 139) на уровне индивидов. Она установила нормативный и желаемый стандарт человеческого тела и манипулировала каждым его сегментом, с головы до ног, чтобы соответствовать своему стандарту; поступая таким образом, он поработал и дисциплинировал тело таким образом, что обеспечивалась его послушность, оптимизи-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
Тяньхао Хов

ровались его возможности, максимизировалась его полезность. Биополитика, с другой стороны, имела дело с «организмом вида, телом, пронизанным механикой жизни и служащим основой биологических процессов» (Фуко, 1978, с. 139) на уровне популяции. Оно стремилось контролировать «размножение, рождаемость и смертность, уровень здоровья, ожидаемую продолжительность жизни и долголетие» (Фуко, 1978, с. 139), чтобы оно могло регулировать население в целом и, таким образом, управлять его изменениями во всех аспектах.

Стоит отметить, что эти две основные формы биовласти не были противоположными, но «представляли собой два полюса развития, связанные вместе целым промежуточным кластером отношений» (Фуко, 1978, с. 139), которые могли быть отмечены их взаимными усилиями по нормализации. Анатомополитика нормализовала специфическое поведение и набор действий каждого индивидуума путем внедрения нормативных стандартов и манипулирования сегментами тела. Биополитика нормализовала характеристики населения, вмешиваясь в его политические и экономические детерминанты. Их объединенные силы управляли телами и жизнями как на микроскопическом, так и на макроскопическом уровнях, что позволяло жизням процветать повсеместно, а биоэнергетике управлять изнутри.

Капитализм

Поскольку аргументация Фуко сосредоточена на биовласти, он не дает четкого определения капитализма. Однако концепция капитализма может быть выведена из его объяснений. Во-первых, Фуко утверждал, что развитие капитализма требовало корректировки «производственного механизма и... экономических процессов» (Фуко, 1978, с. 141), а так-

же «стабильной и компетентной рабочей силы» (Фуко, 1978, с. 126), что предполагает, что капитализм обозначил различие в способах производства и в экономической системе. Его материальной основой и экономической предпосылкой были частная собственность и наемный труд. Более того, то, что капитализм был «развитием», подразумевало, что капитализм не был ни естественным, ни всегда присутствующим, но развивался и конституировал себя в истории человечества. В-третьих, Фуко указывал, что в капитализме существуют два класса: буржуазия и пролетариат (Фуко, 1978, с. 126), указывая на то, что политическая особенность капитализма заключается в антагонизме между этими двумя классами, в котором первые нанимают вторых и доминируют над ними. Более того, Фуко утверждал, что «биовласть — незаменимый элемент в развитии капитализма» (Фуко, 1978, с. 140-1), что предполагает, что капитализм был более всеобъемлющей схемой, чем биоэнергетика, которая охватывала каждый аспект человеческой жизни. Подводя итог, Фуко рассматривал капитализм как политическую, экономическую и социальную систему, основанную на частной собственности, производстве рабочей силы и классовой оппозиции, развившейся в истории.

Особенности биоэнергетики: основа последующих обсуждений

Однако, хотя он и поместил биоэнергетику в контекст капитализма и рассматривал ее как «незаменимый элемент», не объяснил при этом, какие черты биоэнергетики позволяют обсуждать ее применительно к капитализму. Я хочу восполнить этот пробел двумя способами. Прежде всего, биовласть имела конкретное историческое происхождение: «начиная с семнадцатого века, эта власть над жизнью эволюционировала...» (Фуко, 1978, с. 139). Иными словами, биовласть возникла в опре-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
Тяньхао Хов

деленном историческом контексте, была создана в определенных социально-исторических условиях и формировалась определенными историческими силами. Это не было, как утверждал Агамбен (1998), вечной и неизменной формой власти. Такая историческая конституция позволяла противопоставлять ее капитализму, который также был исторически конституирован; причины, следствия, процессы, изменения, действия и силы их возникновения и развития можно было исследовать в истории. Стоит отметить, что понятие Фуко «биовласть», как уже упоминалось, возникло в XVII-м и XVIII-м веках, в тот же период времени, когда возник капитализм, что означает, что обсуждение биовласти уже предполагало контекст капитализма. И их общий исторический период означает, что между ними существовали возможные взаимодействия и/или взаимные причинно-следственные связи. Более того, биовласть имела дело с технологиями, стратегиями и техниками власти, в то время как капитализм — с политическими, экономическими и социальными системами. Они не были противоположными концепциями, которые не соответствовали друг другу, но касались различных уровней и аспектов социального режима. Это означает, что они могли бы обсуждаться в одном контексте и быть связаны друг с другом.

Важность капитализма для биовласти: история Фуко

Как упоминалось ранее, Фуко выделил несколько важных новых особенностей сексуальных технологий и биовласти, включая светские институты, педагогику, медицину и демографию, но не объяснил, как эти особенности стали реализовываться. Я считаю, что ни одна из этих новых черт биоэнергетики не была бы возможна иначе, как при капитализме, и, таким образом, капитализм был истори-

ческой предпосылкой появления биоэнергетики. Прежде всего, капитализм организовал производство на уровне человеческого существования. С одной стороны, наемный труд при капитализме имел непосредственное отношение к человеческому телу. В соответствии с универсальным принципом частной собственности пролетарии не могли бы обеспечить себе пропитание, если бы сами не поступили на работу и не получали плату за свой физический труд. Таким образом, их тела были полностью подчинены контролю со стороны фабрик, сборочных линий, тейлоризма и стремления повысить производительность. Используя слова Фуко, капитализм действовал посредством «контролируемого внедрения тел в производственный механизм» (Фуко, 1978, с. 141). Таким образом, контроль над телом в капиталистическом производстве позволил сформировать такую власть, которая непосредственно манипулировала человеческими телами и подчиняла их себе. С другой стороны, капиталистическое производство следовало только принципу личной заинтересованности и рыночного обмена и было направлено исключительно на накопление капитала и эксплуатацию прибавочной стоимости. Такая простая и однозначная цель разрушила всю «сентиментальную завесу», покрывавшую «феодальные, патриархальные, идиллические» и семейные, религиозные, профессиональные отношения, и свела их к «простым денежным отношениям» (Маркс и др., 1972, с. 476). Как выразился Маркс, «все твердое растворяется в воздухе, все святое оскверняется» (Маркс и др., 1972, с. 476). Историческое ухудшение некапиталистических отношений, вызванное капиталистическим способом производства, освободило власть от религиозных основ. Оба аспекта капиталистического производства разрушили прежние фиксированные и замороженные социальные условности, осо-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
Тяньхао Хов

бенно религиозные институты, и открыли новое пространство для прямого манипулирования человеческим телом с помощью светских режимов.

Разделение труда, вызванное развитием капитализма, было предпосылкой педагогики и медицины. Хотя разделение труда начало развиваться давным-давно, капитализм резко усилил его во всех аспектах жизни общества. Капиталистическое производство, во-первых, требовало разделения труда в чрезвычайной степени, чтобы достичь высочайшей производительности, которая выражалась в индивидуальных работах на сборочных линиях и разделенных профессиях. Поскольку материальное производство было разделено, другие сферы общества, включая социальное, культурное и идеологическое производство и воспроизводство, также начали эволюционировать в сторону разделения. В частности, специфические области знаний и академические дисциплины, которые были взаимно независимыми, заменили общий и единый способ общественного воспроизводства. Именно в этом контексте возникли специализированные научные области, такие как педагогика, которая специально занималась воспитанием детей, и медицина, которая автономно предписывала проблемы человеческого организма. Такое появление независимых областей позволило власти интегрироваться в специализированные сферы общественного воспроизводства и выражать себя в профессиональном, научном дискурсе, тем самым внедряя своеобразные методы управления для контроля над человеческим телом и человеческой жизнью.

Капитализм также привел к появлению концепции народонаселения, которая является предпосылкой демографии. Поскольку фабрики не могли работать без большого количества рабочих, капиталистическое произ-

водство требовало скопления людей. Движимые экономическими интересами, связанными с заработной платой и накоплением капитала, многие люди начали переезжать из сельской местности в города, где товарообмен был гораздо более удобным, а рынки - гораздо более развитыми. Это центроостремительное движение было обеспечено, облегчено и интенсифицировано «средствами коммуникации, созданными современной промышленностью», чтобы люди могли достичь уровня централизации, на достижение которого «бюргерам средневековья... требовались столетия», «за несколько лет» (Маркс и др., 1972, стр. 476). Что еще более важно, такое скопление людей можно было легко разделить на различные группы, в частности на буржуазию и пролетариат, что позволяло дифференцировать население и детально анализировать его. Этот вид народонаселения, привнесенный капитализмом, породил дисциплину демографии, которая анализировала, проводила расчеты по группам людей и, таким образом, позволяла биовласти изучать и предписывать различные аспекты народонаселения, включая его увеличение и уменьшение, рождаемость и смертность, здоровье и болезни, тем самым подчиняя его себе в целом.

Короче говоря, новые черты биовласти, упомянутые Фуко, — светские институты, педагогика, медицина и демография — не могли бы существовать без развития капитализма и его производства. Таким образом, капитализм является исторической предпосылкой биовласти и, следовательно, существенен и незаменим для биовласти. Стоит отметить, что здесь я не собираюсь оспаривать аргумент Фуко о происхождении биовласти, согласно которому буржуазия изобрела новые технологии биовласти и применила их в первую очередь к себе, а лишь стремлюсь дополнить его рассказ,

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
Тяньхао Хов

показав, что капитализм предполагал элементы биовласти, которые он идентифицирует.

Важность биоэнергетики для капитализма

Помимо своего основного аргумента, приведенного выше, Фуко также указал, что «эта биоэнергетика, без сомнения, была незаменимым элементом в развитии капитализма; последнее было бы невозможно без» (Фуко, 1978, с. 125-6) первого, что предполагало, что отношения между капитализмом и биоэнергетикой не были однонаправленными, но взаимовыгодными. Биоэнергетика, хотя и не была предпосылкой, как это было при капитализме, все же была решающей и фундаментальной для капитализма. Однако Фуко лишь очень кратко, в двух абзацах, сформулировал важность биовласти для капитализма. Я сведу его идею к трем пунктам, то есть к обеспечению производительности, контролю численности населения и дифференциации, а также объясню и разработаю их в деталях.

Сразу после того, как Фуко сделал это заявление, он сказал, что капитализм «был бы невозможен без контролируемого внедрения тел в производственный механизм» (Фуко, 1978, с. 141), что указывало на то, что одним из наиболее важных вкладов биоэнергетики было максимизация производительности. Это правда, что капитализм с его универсальным принципом частной собственности и наемного труда уже заставил людей поступать на работу, «но это было не все, что требовалось» (Фуко, 1978, с. 141). Оно требовало абсолютного соответствия человеческого тела наряду с увеличением производительности, что требовало «методов власти, способных оптимизировать силы, склонности и жизнь в целом, в то же время не затрудняя управление ими». (Фуко, 1978, с. 141) Биовласть, особенно анатомополитика внутри нее, выполнила эту ис-

торическую задачу. Неопределенные линии проникновения, например, касались сексуальности детей, особенно мастурбации. С одной стороны, они проникли в детское поведение, связанное с мастурбацией, «проследив их до их источника, проследив их от истоков до последствий, выискивая все, что могло бы вызвать их или просто позволить им существовать» (Фуко, 1978, с. 42), одним словом, тщательно исследуя действия тела. С другой стороны, они преобразовали определенные институты, включая педагогизацию в начальных классах и наблюдение со стороны родителей, поставив объект под постоянный контроль. Таким образом, мастурбация была проанализирована, исследована и нормализована. Каждое действие находилось под контролем, и человек учился действовать в соответствии с общепринятыми стандартами. Такая техника линий проникновения применялась не только в области сексуальности, но и в производстве. Анатоми-политологи, используя ту же технику, проанализировали, осмотрели, пронаблюдали, нормализовали рабочие органы. Тела рабочих были приспособлены к ускоряющимся сборочным линиям, длительному рабочему времени и строгим требованиям к качеству. Следовательно, как постулировал Фуко, требования максимизации производительности были выполнены: были достигнуты доступность и послушание тела, сформирована стабильная и компетентная рабочая сила.

Другим основным требованием капиталистического производства был «рост человеческих групп» (Фуко, 1978, с. 141), то есть контролируемое население. Это было связано с тем, что продолжающееся увеличение капитала и масштабов производства требовало дополнительной рабочей силы. Конечно, это означало не чистый прирост населения, а регулируемое увеличение вместе с надлежащим управлением, чтобы элементы населения

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
Тяньхао Хов

могли полностью соответствовать «расширению производительных сил и дифференцированному распределению прибыли», которые «частично стали возможны благодаря осуществлению биоэнергетика во многих ее формах и способах применения.» (Фуко, 1978, с. 141) Биополитика вмешивалась и регулирующим образом контролировала «все условия [жизни населения], которые могут вызывать [ее] изменения» (Фуко, 1978, с. 139). Она контролировала уровень рождаемости и смертности населения таким образом, чтобы количество людей, то есть численность рабочей силы, можно было корректировать в зависимости от потребностей производства. Она непосредственно управляла состоянием здоровья населения, чтобы было достаточно людей, способных работать. Оно создало различные институты — «университеты, средние школы, казармы, мастерские» (Фуко, 1978, с. 140), чтобы любая проблема населения могла быть эффективно решена, любое потенциальное восстание могло быть ликвидировано, а видоые органы обладали достаточными знаниями, навыками и возможностями для работы. В результате население, находившееся под полным контролем биовласти, идеально соответствовало требованиям капитализма.

Фуко также говорил о еще одном требовании капитализма — «сегрегации и социальной иерархизации» (Foucault, 1978, с. 141). Как упоминалось ранее, капитализм был основан на классовом различии между буржуазией и пролетариатом, а также на трудовых отношениях между ними. В такой системе буржуазия стремилась «гарантировать отношения господства и последствия гегемонии» (Фуко, 1978, с. 141) на протяжении поколений. Для этого буржуазия должна была, во-первых, отделить себя от других путем присвоения и достижения отличительных характеристик, во-вторых, создать социальные институты, оп-

равдывающие такие характеристики, и в-третьих, предотвратить заражение. Первая задача, как упоминалось ранее, была выполнена с разворачиванием сексуальности, посредством которой буржуазия самоутверждалась и самоидентифицировалась. Биоэнергетика помогла решить две другие задачи. Для оправдания, профессионализм педагогики и медицины идеологизировал и политизировал различия между классами, включая их различия по полу, телосложению и физическому состоянию, посредством научных и нормализованных дискурсов, которые служили превращению политических и экономических преимуществ в евгеническую, врожденную и неизменную природу человека. Что касается предотвращения загрязнения, biopower применила свой опыт в области демографии для разделения населения на группы (классы) людей. Она стремилась закрепить разные классы в разных районах проживания, что было направлено на физическое разделение «классовых» тел, предоставление неравного медицинского обслуживания, которое влияло на здоровье и продолжительность жизни разных классов, и организацию стратифицированных образовательных учреждений, которые могли превратить временное богатство в категорическое неравенство. Следовательно, социальная иерархия была вызвана и стабилизирована биовластью и обеспечила надлежащие социальные условия для развития капитализма, то есть гегемонию буржуазии.

Исходя из этих трех пунктов, мы можем видеть, что функции биоэнергетики были необходимы в ходе развития капитализма. Как выразился Фуко, «вложение сил в тело, его повышение ценности и распределительное управление его силами были в то время необходимы» (Фуко, 1978, с. 141). Подводя итог, можно сказать, что биоэнергетика и капитализм были важны друг для друга: социальные

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
Тяньхао Хов

устройства, создаваемые последним, были предпосылкой первого; первое, в свою очередь, гарантировало и поддерживало второе. Ни один из них не смог бы выжить без другого. Я хочу еще раз подчеркнуть, что их взаимодействие сосредоточено вокруг человеческого тела. Капитализм изменил способ использования тела: он эксплуатировал тело как экономически выгодный объект и обозначил тело как эмблему политического класса. Биовласть изменила способ манипулирования телом: она рассматривала тело как живое существо, которым нужно управлять, а не как вещь, которую можно уменьшить или уничтожить, и подчинила тело как в индивидуальном, так и в популяционном масштабе. Юрисдикции капитализма и биовласти, экономическая и политическая система, а также технология власти пересеклись в человеческом теле. С этой точки зрения мы можем углубиться в их взаимоотношения и увидеть, как они объединяются в области человеческого тела.

Союз и переплетение между биоэнергетикой и капитализмом

Их союз мог бы быть отражен в их истинном дискурсе о теле. Они вместе навязали набор социальных дискурсов, которые казались чем-то правдивым и оправдывали их обоим. Капитализм превратил методы биоэнергетики и ее проникающий контроль над телом в рыночный принцип, а именно: наемный труд является добровольным; все накопления капитала являются общественными и справедливыми ценовыми механизмами. Маскируя формы власти под экономические процессы, она ограничивала разногласия и восстания против контроля биовласти, тем самым сводя к минимуму ее стоимость. Биовласть также создала дискурс, в котором нормальный образ жизни, нормальное состояние человеческого тела и нормальный характер классов

были определены таким образом, что отчужденные тела в капиталистическом производстве рассматривались не как несчастные, а как нормальные и даже желанные. Таким образом, социальные дискурсы, навязанные капитализмом и биовластью, которые обозначали нормализованное и кажущееся правдивым понятие тела, интерактивно помогали скрывать ужасные условия и порабощение, которые они приносили.

Более того, они продвинули процесс объективации человеческого тела на уровне социальной системы в целом. Капитализм распространил свое господство частной собственности на каждый отдельный аспект общества, включая и особенно на человеческое тело, которое стало товаром, экономически выгодным и подчиняющимся рыночным принципам, подлежащим торговле, заключению контрактов и обмену. Биоэнергетика рассматривала человеческое тело также на уровне объектов: оно сводится к цифрам в демографической статистике, сосудам манипулирования и подчинения, загадке, которую необходимо исследовать и раскрыть. Их совместные усилия объективировали человеческое тело, лишив его существенной характеристики, то есть воплощения человеческих мыслей, и его существенной эволюции, то есть свободного и полномасштабного развития.

И последнее, но не менее важное: капитализм и биовласть переплетались друг с другом: происходил процесс капитализации тела и биологизации капитала. Дело было не только в том, что тело было товаром, но и в том, что тело вместе с его функциями, личной информацией и потенциальными возможностями само стало капиталом. Это предмет, который нужно не только укреплять, подстрекать, оптимизировать, но и кодировать, умножать, предавать гласности, раскрывать с целью приращения капитала. Таким образом, начала

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
Тяньхао Хов

зарождаются торговля информацией не только о человеке, но и о теле, а также сделки не только по труду, но и по будущей жизни. С другой стороны, капитал шагнул в сферу биоэнергетики и преобразовал себя в биокапитализм, в котором особое внимание уделялось биоиндустрии и биотехнологиям. Учитывая направленность этого эссе, я просто приведу здесь краткий пример. В литературе показано, что многочисленные транснациональные компании использовали свои монополизированные биотехнологии для добычи биоресурсов в Африке путем эксплуатации местного населения (Kirkpatrick & Nixon, 1981). Эти транснациональные компании были наглядным примером того, как было капитализировано человеческое тело и биоматериалы.

Вывод

Подводя итог, Фуко выдвигает концепцию биовласти как силы управляющей телом и жизнью вместо того, чтобы предавать смерти. Из концепции биовласти Фуко вытекало несколько основополагающих следствий, включая ее историчность и концептуальное пространство, которые позволяли обсуждать биовласть во взаимосвязи с капитализмом. Он говорил о биоэнергетике в контексте капитализма и успешно показал, что капитализм, особенно буржуазия, породили биоэнергетику для

того, чтобы утвердить и расширить гегемонию буржуазии. Исходя из этого, я систематизировал его разрозненные аргументы об их взаимосвязи и продемонстрировал, что капитализм был исторической предпосылкой биовласти и что биовласть была важнейшим стабилизатором капитализма. Их практики пересеклись на человеческом теле и превратили его в объект порабощения. Наконец, я углубился в их отношения и выяснил, что их взаимодействие не ограничивалось временным периодом их работы, но значительно усилилось впоследствии. Они объединились друг с другом, действовали для достижения общих целей, используя взаимосвязанные методы, и достигли капитализации и биологизации общества. Существовали не только «вечные спирали власти и удовольствия» (Фуко, 1978, с. 45), но и вечные спирали биовласти и капитализма, непрерывно интегрирующие и консолидирующие друг друга. Разумно предположить, что в будущем будет более сложное и изощренное взаимодействие биовласти и капитализма, которое может оказывать влияние на человеческое тело более замаскированными и манипулятивными способами.

Чикаго, 2022 год
 Перевод Ксении Донских.

Литература:

1. Агамбен Г. и Хеллер-Роазен Д. (1998). Homo sacer: Суверенная власть и голая жизнь. Стэнфорд: Издательство Стэнфордского университета.
2. Дэвидсон, А. (2001). Возникновение сексуальности: историческая эпистемология и формирование концепций. Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета.
3. Фуко, М. (1978). История сексуальности: Том I - Введение. Нью-Йорк: «Пантеон Букс».
4. Фуко, М. & Лотрингер, С. (1996). Фуко в прямом эфире: (интервью, 1961-1984). Нью-Йорк, Нью-Йорк: Семиотекст.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Biologization of Capital and Capitalization of Biopower: Connecting Foucault and Marx
Биологизация капитала и капитализация биовласти: связь Фуко и Маркса

Tianhao Hou
Тяньхао Хов

5. Фуко, М. & Рабинов, П. (1997). Этика: субъективность и истина. Лондон: Аллен-Лейн.
6. Киркпатрик, К., и Никсон, Ф. (1981). Транснациональные корпорации и экономическое развитие. Журнал современных африканских исследований, 19(3), 367-399. doi:10.1017/S0022278X00014932
7. Маркс К., Энгельс Ф. и Такер Р. К. (1972). Читатель Маркса-Энгельса. Нью-Йорк: Нортон.
8. Мамедов, А. А. Тоталитаризм и интеллектуальная свобода / А. А. Мамедов, А. А. Мамедов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 6(38). – С. 27-32. – EDN NBNRR.
9. Григорьев, С. Л. Философский анализ процесса обучения, как способа освоения культуры : специальность 17.00.08 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Григорьев Сергей Леонидович. – Москва, 1995. – 14 с. – EDN ZKAGWV.
10. Григорьев, С. Л. Манипулятивные технологии экранной культуры: к постановке проблемы / С. Л. Григорьев // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Т. 13, № 4-2. – С. 198-204. – DOI 10.12731/2077-1770-2021-13-4-2-198-204. – EDN RRAGAC.
11. Grigoryev, S. L. Screen culture ontology: towards the problem statement / S. L. Grigoryev // Communication. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – P. 57-68. – DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-2-57-68. – EDN FDCFPI.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth, and the British Caste System

Aadi C. Krishna
*graduated in 2022 with a concentration in Philosophy
 from Shiv Nadar School in Noida, India.*

KEYWORD: Plato, Hinduism, Comparative Philosophy, Caste System, British Colonialism, Social Class, India

ABSTRACT

This research elucidates the striking parallelism between the Hindu Varna System and Plato's Magnificent Myth through an unorthodox view of their class-based classification, social mobility, and meritocracy while arguing that these stem from the Arguments from Division of Labor and Biological Determinism. Furthermore, it establishes that the Caste System introduced in India by the British in the 18th Century fundamentally differs from the systems followed in ancient India and Athens and investigates the fundamental forces and the motivations behind its implementation. Lastly, the paper conducts the first rigorous comparative study of the three systems by proposing a new framework to explore the transformation from a class-based high mobility Hindu society to a rigid caste-based society during colonialism and illustrate the true nature of each system.

Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн, Великолепный миф Платона и британская кастовая система

Аади К. Кришна
*окончил в 2022 году школу Шив Надар в Нойде,
 Индия, по специальности "философия".*

Ключевые слова: Платон, Индуизм, Сравнительная философия, Кастовая система, Британский колониализм, Социальный класс, Индия

Аннотация.

Это исследование проливает свет на поразительный параллелизм между индуистской системой варн и Великолепным мифом Платона через неортодоксальный взгляд на их классовую классификацию, социальную мобильность и меритократию, утверждая, что они проистекают из аргументов разделения труда и биологического детерминизма. Кроме того, в нем устанавливается, что кастовая система, введенная в Индии британцами в 18 веке, принципиально отличается от систем, которым следовали в Древ

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

**Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...**

**Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна**

ней Индии и Афинах, и исследуются фундаментальные силы и мотивы, стоящие за ее внедрением. Наконец, в статье проводится первое тщательное сравнительное исследование трех систем, предлагается новая структура для изучения трансформации от классового высокоподвижного индуистского общества к жесткому кастовому обществу во времена колониализма и иллюстрируется истинная природа каждой системы.

Изучение сходства между восточной и западной мыслью насчитывает более 100 лет, начиная с книги Сарвапалли Радхакришнана «Восточные религии и западная мысль», статьи А.Н. Марлоу «Индуизм и буддизм в греческой философии» и Б.Р. Амбедкара «Философия индуизма». Эти работы, среди немногих других, подчеркивают сходство индуистской системы варн и Великолепного мифа, но либо рассматривают структуры как жесткие кастовые системы, либо косвенно комментируют в работах эпохи, предшествовавшей обретению независимости. В небольшом количестве исследований исследуются параллелизмы между двумя системами, основанные на классовом признаке и поощряющие равенство возможностей, поэтому такой анализ необходим для понимания систем по отдельности.

Цель этого исследования - разделить две принципиально разные системы социальной классификации, существовавшие в истории Индии до и после наступления 19-го века, на подвижную индуистскую систему варн и социально неподвижную авторитарную британскую кастовую систему, которые часто рассматриваются как взаимозаменяемые. В результате исследования проводится первый тщательный параллельный анализ трех систем, которые были предложены, а некоторые и реализованы в разные периоды истории, а именно: индуистская система варн, Великолепный миф Платона и британская кастовая система.

В части А исследование иллюстрирует сходство между двумя старыми классовыми

системами через неортодоксальную призму структур, поощряющих социальную мобильность и равенство возможностей. Это еще один пример того, что системы поощряют поразительно идентичные классы, которые разделены на основе одних и тех же аргументов разделения труда и биологического детерминизма. В части В исследование прослеживает понимание кастовой системы в настоящее время до фундаментального сдвига, произошедшего при последнем внедрении системы британцами в Индии, и пытается установить доминирующие силы и отношение, которые привели к этому переходу. Наконец, в нем разрабатывается новая структура для сравнения старых классовых обществ с жесткой кастовой иерархией, созданной в колониальной Индии, и понимания истинной природы структур.

Индуистская система варн и великолепный миф Платона

Что такое индуистская система варн?

Индуизм зародился где-то между 2500-1500 годами до нашей эры и существенно отличается от других религий тем, что это не религия. Это более точно называется индуистской дхармой (Чакраварти, 2001), философией или образом жизни, который предлагает арендаторам советы о том, как жить дальше. В отличие от авраамических религий, в ней нет священной книги, которая предписывала бы соблюдение набора заповедей. Никто из тех, кто решает следовать принципам, изложенным в философии, не обязан принимать какую-либо конкрет-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

ную ее часть и может принять любые или все элементы, которые он считает подходящими.

Одним из аспектов философии была система варн, впервые заявленная как изложенная в самой древней книге индуистского священного писания - Ригведе. Та же система упоминается и обсуждается в эпосах - «Бхагавад-Гите» и «Махабхарате», предположительно написанных гораздо позже, между 500 годом до н.э. и 200 годом н.э. (Остин, 2019).

Система варн представляет собой предлагаемую четырехкратную классовую иерархию, основанную на занятиях с четырьмя «варнами»: брахманы - священники, учителя - на вершине; за ними, по порядку, следуют кшатрии - воины; вайшьи – фермеры, торговцы, купчихи; и шудры - чернорабочие; чтобы обеспечить людей, которые лучше всего подходят для их занимают определенные занятия, и они не вмешиваются в работу других.

Варны отличаются от джати - другой системы социальной классификации. Джати относится к любым общим характеристикам, которые группа имеет в силу своего происхождения, и может варьироваться от географического положения, племен, языковой или религиозной группы. Традиционно они чаще всего использовались для идентификации географически схожих сообществ, таких как раджпуты.

Первоначальные социальные классы представлены в Пуруша-сукте Ригведы, где изначальный Пуруша (человек) жертвует собой, чтобы сформировать классы брахманов, Раджаней (вместо кшатриев), вайшьев и шудр, формирующих голову/ рот, руки, бедра и ступни соответственно:

Когда они разделили Пурушу, сколько порций у них получилось?

Как они называют его рот, его руки? Как они называют его бедра и ступни?

12. Брахманом был его рот, из обеих его рук была сделана Раджанья.

Его бедра стали Вайшьей, из его стоп произошел Шудра. (RV 10.90.11–12)

Брахманы считаются разумной и самой могущественной варной из-за своей мудрости и образования и представляют главу. Точно так же кшатрии, считавшиеся классом воинов, были созданы с помощью оружия, олицетворяющего силу. Вайшьи - трудолюбивые торговцы и фермеры, воплощенные в ногах. Шудр почитают за их служение и, таким образом, символизируют стопы Пуруши.

Что такое великолепный миф Платона?

Знаменитый миф о великолепии впервые появляется в «Республике» - диалоге, написанном Платоном голосом своего учителя Сократа в Афинах в 375 году до нашей эры. Беседа между Сократом и многими другими философами сосредоточена вокруг создания справедливого города-государства, поскольку интеллектуалы афинского общества были обеспокоены его непродуктивностью и несправедливостью.

Одним из фундаментальных столпов идеального общества является предлагаемая им система классификации по классам. Однако он считает, что лучшим способом его распространения является использование Великолепного мифа - Мифа о металлах. Введение Платоном этого конкретного великолепного мифа происходит ближе к концу третьей книги «Республики» (414-15 гг. н.э.); однако его подготовка начинается гораздо раньше в тексте, и аргументы в пользу его необходимости продолжают вплоть до 4-й и даже 5-й книги.

Великолепный миф состоит из двух отдельных частей. В первой части объясняется, что все граждане являются автохтонами, буквально рожденными из Земли и вынашиваемыми под ней. Все, что было до сих пор, было мечтой, пока Земля их выращивала. Платон стремится создать единое братство среди всех

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

**Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...**

**Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна**

граждан, заботящихся друг о друге и защищающих город.

Земля, как их мать, освободила их, и теперь, как если бы их земля была их матерью и кормилицей, они должны заботиться о ней и защищать ее от любого нападения, а к другим гражданам относиться как к своим братьям и детям той же самой земли. (Представитель 414 е)

Земля не является их матерью в буквальном смысле, и Платон не пытается устранить роль женщин, но использует Землю как метафору, чтобы выразить питание, которое она давала. Более того, не кажется правдоподобным, что в «Великолепном мифе» утверждается, что новорожденные дети рождаются на Земле во время биологического рождения, но вместо этого говорится о втором рождении в возрасте 18-20 лет после завершения их образования под землей (Hourani, 1949).

Во второй части Платон представляет знаменитый миф о металлах, в котором, несмотря на братство, боги вложили разные металлы в души каждого гражданина, и далее перечисляет общую структуру предполагаемого общества, основанного на мифе. Общество выражается как состоящее из четырех различных социальных классов по аналогии с иерархией металлов. Короли-философы, выполненные из золота, расположены на гребне, за ними следуют вспомогательные силы - помощники правителей и воинов - в середине, обозначенные серебром, фермеры, символизируемые железом, и, наконец, работники физического труда внизу, обозначенные медью.

Для всех вас, кто живет в этом сообществе, мы в нашей мифотворческой роли должны сказать им: вы все братья; но бог, который сформировал вас, тех из вас, с одной стороны, кто способен управлять, он смешал золото при рождении для них, сделав их наивысший по почету; те, кто является вспомогательными работ-

никами, во-вторых, серебро; но железо и медь для сельскохозяйственных и других работников физического труда⁴. (Повторение 414 а – 15 с)

Однако это исследование будет сосредоточено на второй части «Великолепного мифа» и займет внимание в первой части исключительно из-за концепции биорождения и второго рождения, к которым мы вернемся позже в статье.

Почему должна существовать классификация общества?

Индуизм и Платон верят в то, что в конечном счете общество будет справедливым, счастливым и продуктивным. Для этого, по их мнению, крайне важно установить обязанности каждого человека и, таким образом, использовать аргумент разделения труда.

В Гите Кришна подчеркивает важность того, чтобы каждый гражданин выполнял свои обязанности, не ожидая никаких плодов от того, чтобы быть хорошим гражданином (Бхагавад-Гита, ii, 47). Преобладающий аргумент о разделении труда и обязанностей уместно применен здесь, чтобы проиллюстрировать, что выполнение индивидом своих служебных обязательств приносит пользу самому человеку и коллективному улучшению общества. Индивид и общество представлены как взаимозависимые, и каждый человек необходим для поддержания баланса. Следовательно, у каждого человека должна быть четкая роль, которая привела бы к большей социальной гармонии в обществе.

Аналогичным образом, причина необходимости такого государства объясняется Платоном, когда он объясняет концепцию справедливости у индивида как «заниматься своими делами и не лезть не в свое дело» (Реплика 433b).

Каждый человек должен выполнять свои роли и обязанности и следовать строгому принципу невмешательства. Этого можно достичь только тогда, когда каждый человек полностью

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

осознает свою роль и не вмешивается в работу других. В результате такая система необходима для распределения и закрепления ролей каждого человека. Следовательно, социальная справедливость будет заключаться в том, чтобы каждый человек выполнял свои обязанности, исходя из своих способностей, повышая производительность труда и счастье отдельного человека и, в свою очередь, общества.

Какой должна быть классификация?

Из введения очевидно, что обе системы основаны на поразительно схожих классах, которые зависят от рода занятий и роли каждого человека в обществе в целом.

На вершине структуры находятся интеллектуалы, брахманы в индуистском обществе и философы в афинском обществе. Их функция состоит в том, чтобы прожить свою жизнь, утоляя жажду знаний и ища истину посредством изучения философии. Их моральный долг состоит в том, чтобы направлять общество посредством глубоких, вдумчивых и бескорыстных сознательных действий. Ключевым отличительным фактором в их личности является отвращение к давлению сиюминутных потребностей и ко всем телесным и денежным удовольствиям или желаниям.

За ними следуют солдаты из числа кшатриев и вспомогательных войск. Самая волевая и могущественная часть общества, это люди, которых никогда не пугают трудности, и люди, которые считают отступление горше смерти (Радхакришнан, 1939, с. 359). Они особенно известны своей непреклонной борьбой за защиту земли, несмотря на все опасности и трудности.

Третий класс - это вайшьи, или фермеры. Они занимаются коммерцией и промышленностью, занимаясь сельским хозяйством или торговлей. Для них характерно то, что они получают удовольствие от актов отдачи и взятия, а также обладают утилитарным, практичным

складом ума. Стремясь к эффективному использованию природных ресурсов, они также отличаются гуманностью и упорядоченной доброжелательностью.

Последняя и четвертая разновидность человеческой природы - это шудры, или работники физического труда. Они находят свою отдушину в работе и служении, поскольку труд является основой всех человеческих отношений. В отличие от высших классов, низшие классы выполняют свои обязанности для удовлетворения своих первичных потребностей, и они, как правило, ведут праздный и инертный образ жизни. Их главными факторами являются инстинктивное повиновение и механическое выполнение обязанностей.

Однако есть одно существенное отличие. Платон считает, что именно философы должны быть правителями его идеального олигархического общества, поскольку они больше всего подходят для принятия логических решений за народ. С другой стороны, ожидается, что брахманы будут действовать как священники и не будут участвовать в политических структурах, за исключением консультирования правителей. Индуизм верит, что любой, кто непосредственно и глубоко озабочен осуществлением власти, не может быть полностью объективным. Таким образом, правителем должен быть кто-то из любого другого класса (Радхакришнан, 1939, с. 359). Это различие знаменует появление различий между двумя структурами со временем.

Предложив структуру, Система варн и Великолепный миф используют один и тот же механизм авторитета веры в систему: Бога. Распределение металлов приписывается работе богов по призыву к высшей власти и продвижению структуры в результате божественного вмешательства. Однозначно, все теории о происхождении системы варн также исходят от Бога, будь то Вишну, Брахма (Ригведа) или Кришна (Гита)⁵. Радхакришнан (1939) утверждает,

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

**Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...**

**Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна**

что важность рассмотрения четырехкратного деления общества как установления Бога или устройства духа является внушением коллективному общественному мышлению, «что духовная мудрость, исполнительная власть, квалифицированное производство и преданное служение являются необходимыми элементами любого социального порядка» (стр. 356).

На каком основании людям следует распределять занятия?

Подчеркнув важность наличия устоявшегося деления труда посредством классовой классификации общества, обе системы далее демонстрируют, что каждый человек в обществе лучше подходит для определенной профессии, используя аргумент биологического детерминизма. Они утверждают, что поскольку люди по своей природе обладают разными склонностями, и именно на основании этого им присваиваются классы. Таким образом, классификация людей не должна быть проблемой.

«Майтраяния-упанишада», или, более известная, «Бхагавад-Гита», предлагает объяснить требование деления труда, поскольку они вводят концепцию гун (наиболее близких качеств по-английски). Говорят, что существует три гуны, а именно: Саттва (Sattvic), Раджас (Rajasic) и Тамас (Tamasic). Саттва - это качество добродетельности, продуманности и связанное с мудростью; Раджас относится к страсти, доблести и активности; а тамас относится к невежеству, инертности и лени (Уиджери, 1930, с. 232).

Говорят, что в каждом человеке есть примесь всех трех гун, причем ни одна из них не является единственным проявлением в человеке; хотя есть одна гуна, которая более выражена, чем другие, в каждом человеке и соответствует определенному типу занятий, и, следовательно, объясняет создание классов. Качества саттвы, как правило, более выражены у брах-

манов, качества раджаса - у кшатриев и вайшьев, а качества Тамаса - у шудр. В результате этих качеств каждый человек больше подходит для выполнения определенных обязанностей, в которых ценятся эти качества, такие как страсть воина.

Точно так же естественная склонность к определенной карьере или типам профессий квалифицируется Платоном, когда он перечисляет три фундаментальные части бессмертной души - Логистикон (Разум), Тумос (Дух) и Эпитумия (Аппетит). Эти три части отвечают за различные функции. «Учимся ли мы с одной, становимся ли одухотворенными с другой частью внутри нас и желаем ли удовольствий от питания, размножения и всего их рода с третьей?» (Респ. 436 a-b) Логистикон руководит логикой и любит искать истину, Тумос ассоциируется с гневом и вспыльчивостью, а Эпитумия способствует телесным желаниям.

Как и следовало ожидать, Платон далее утверждает, что, хотя все три части существуют в каждой душе, одна из них более заметна в душах представителей всех четырех классов (Реп. 436 с). Разум безраздельно властвует в душах королей-философов, поскольку они сосредоточены на том, чтобы задавать вопросы и искать истину. В то время как вспомогательные войска - это люди, в которых вспыльчивость пересиливает другие эмоции и делает их идеальными солдатами для защиты города. Наконец, ремесленники и работники физического труда наслаждаются физическими пристрастиями и желаниями.

Логичный следующий вопрос заключается в том, что определяет естественную склонность души к качествам определенного класса? Как объясняется в Ригведе, пропорции трех частей души зависят от кармы (функции). Индуизм и Платон верят в бессмертие души (Федон 85 г. н.э.) и в то, что душа переносит воспоминания и действия предыдущей жизни в каждое новое

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГГУ-МФХА*

**Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...**

**Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна**

тело. В результате благородные поступки в предыдущей жизни и даже в нынешней могут изменить состав трех фундаментальных качеств в душе человека. Таким образом, сочетание этих трех факторов специфично для конкретного пространства и времени. Чем лучше человек поступает (например, воздерживается от телесных желаний), тем выше он поднимается в иерархии, пока, в конечном счете, после воплощения всех необходимых качеств и жизни идеальной жизнью, он не освобождается от ограничивающего тела и не становится частью Единого: Бога. Однако прискорбные поступки в предыдущей жизни приводят к тому, что душа рождается в более низком классе.

Взаимодействие разделения труда и биологического детерминизма является ключевым в обеих структурах. Кришна верит, что самое важное - это иметь людей, которые осторожно ищут истину и не вводят общество в заблуждение, чтобы обеспечить развитие и эволюцию человечества (Радхакришнан, 1939), и каждый человек выполняет свои дхармические обязанности. Платон призывает не допускать, чтобы человек с алчными наклонностями, склонный к материальному миру и его удовольствиям, был царем или мыслителем, утверждая, что это подавило бы его способность руководить и сделало бы его эгоистом. В результате такая система, предложенная в «Системе варн» и «Великолепном мифе», лучше всего подходит для поддержания счастливой и продуктивной личности и общества, поскольку она допускает разделение труда в обществе, основанное на характеристиках каждого человека.

Как следует решать, кто подходит для каждого подразделения?

Гурукулы в Индии существовали для того, чтобы дети обучались у своих Гуру вместе, независимо от их социального класса. Гуру должен был распознать качества и таланты каждого

студента и сосредоточиться на оттачивании тех навыков, которые необходимы для наиболее подходящей профессии студента. Аналогичным образом, подпольная система образования в республике была единой для всех детей, независимо от класса родителей. Молодежь вышла разделенной на разные классы после того, как прошла через опыт обучения⁷.

Будут рассмотрены два возможных прочтения для раскрытия идеи о том, как каждая из трех различных частей души внедряется в тело и как, по мнению Платона, следует идентифицировать классы. Первое предложение предполагает, что образование, основанное не на генетике, а на развитии у ребенка определенных способностей, которые соответствуют широким признакам металла⁸. В таком сценарии при «биологическом рождении» у ребенка нет врожденных склонностей; вместо этого они развиваются в процессе воспитания. Способности выявляются в более поздние годы становления в утробе земли, и образование человека направлено на то, чтобы подчеркнуть их. В результате ребенок становится подходящим для определенной профессии при «втором рождении» (Rowett, 2016), или рождении с Земли.

Однако, читая текст наряду с индуистскими текстами, можно увидеть, насколько более подходящим мог бы быть подход к пониманию того, что каждый человек «биологически рожден» с определенными соответствующими характеристиками, которые естественным образом склоняют детей усваивать определенные минералы. Образование существует как механизм для их выявления и оттачивания. Признание Платона иллюстрирует это, когда он говорит, что «хотя по большей части вы будете размножаться по своему роду» (Реплика 415b), демонстрируя существование роли генетики и биологии в качествах каждого потомства. Хотя он подчеркивает важность случаев, в которых «золотой отец породил бы серебряного сына, или золотое по-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

**Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...**

**Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна**

томство произошло бы от серебряного родителя, и что остальные подобным же образом родились бы друг от друга» (Респ. 415 б), поскольку он настойчиво призывает правителей различать металл, проникший в каждую душу. Более того, не менее вероятным является случай, когда дети рождаются с определенными минералами в душе при самом биологическом рождении. Ответ не конкретизирован и не заслуживает более подробного обсуждения, поскольку существенным является то, что в определенной степени играют роль природные склонности и нет гарантии происхождения.

Представляется разумным сделать вывод, что выявление качеств на этапе образования чрезвычайно важно для определения профессии, к которой человек должен изначально готовиться, даже если они подвержены изменениям на протяжении всей жизни.

Следует ли разрешать людям менять занятия? Как они должны двигаться?

Распределение по классам в обеих системах зависит от действий человека и его заслуг после предоставления каждому равных возможностей. Следовательно, система разработана таким образом, чтобы обеспечить высокую социальную мобильность, поскольку заслуги человека могут развиваться в течение одной или нескольких жизней, как сказано в Бхагавад-Гите (XVIII. 45) гласит, что «с чего бы мы ни начали, нам открыто достичь высшего совершенства, и человек достигает совершенства, когда каждый сосредоточен на своем собственном долге».

Каждый человек находится в определенной Варне в результате своих гун и кармы. Чтобы подняться в иерархии, человек должен выполнять свои дхармические обязанности во все моменты, когда этого требует общество, и «Люди всех классов, если они выполняют возложенные на них обязанности, наслаждаются

высшим нетленным блаженством» (Апастамба Дхармасутра, ii, l. 2. 2).

Человеку, рожденному с гунами шудры, всегда предоставляется возможность стремиться практиковать качества брахмана. Если человек решит следовать по пути, которого ожидают от брамина, и привьет себе саттвические качества, он также по праву станет брамином.

Человек, будь он брамин, кшатрий, вайшья или шудра, таков по своей природе...Кшатрий или вайшья, который живет в состоянии брахмана, выполняя свои обязанности, достигает брахманизма. (Махабхарата, Анушасана Парва, 143.6)

Более того, несмотря на требование отречения от всех денежных желаний для достижения окончательного спасения, классы вайшьев постоянно занимаются деятельностью, в которой соблазны приобретения богатства реальны (Радхакришнан, 1939). Однако ожидается, что они будут развивать в себе качества гуманности и добрососедского служения, в то время как участие в денежных операциях будет получать лучшие Гуны¹⁰.

Платон недвусмысленно возлагает на правителей ответственность за идентификацию металлов и качеств, присутствующих в каждом потомстве, а не только за то, что они принадлежат к определенному металлу на основе родословной. Даже несмотря на то, что биологически потомство, скорее всего, будет обладать металлами и способностями своих родителей, это не должно иметь никакого отношения к установлению того, какой металл присутствует в результате наблюдения и обучения.

Следовательно, первое и самое решительное послание бога тем, кто правит, заключается в том, что нет ничего, в отношении чего они были бы лучшими хранителями, и ничего, что они будут охранять более тщательно, чем потомство, относительно того, что именно было подмешано в их души... веря, что существует

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

**Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...**

**Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна**

оракул о том, что город будет разрушен, когда его хранителем станет железный или бронзовый человек. (Повторение 415 с)

Афинское общество 350 года до н.э. было основано на унаследованных привилегиях, которые эксплуатировались и почитались существовавшими аристократами (Лоро, 1986). Разумным объяснением радикальной (на тот момент) классификации Платона по классам является отказ от существовавшего в обществе кастовости и предложение общества, основанного на равенстве возможностей и заслуг, что объясняет нерешительность Платона в разговоре о мифе.

Что такое британская кастовая система?

Социальное разделение, которое сегодня ассоциируется с индуизмом, в просторечии называемое индуистской кастовой системой, было введено всего 250 лет назад британскими колониальными державами. В этой статье британская кастовая система определяется как система, созданная в результате британской колониальной политики в Индии на протяжении 18-го и 19-го веков. Природа существующей социальной классификации была коренным образом преобразована колониализмом из классовой в кастовую обществу¹². Само слово «каста» происходит от португальского слова «Casta», что означает «раса, происхождение, порода» и первоначально означало «чистый или несмешанный (род или порода)», согласно Оксфордскому словарю английского языка. Новые реализации британцев основывались на всеобъемлющей структуре, предложенной в «Манусмрити», написанной Ману в 200-300 годах нашей эры (Manu, et al., 2005, стр. 24-25). Эта книга была единственным текстом, в котором предлагались доктрины, которым должны следовать индусы, и была эффективным инструментом для колонизаторов в разработке политики, направленной

на понимание и колонизацию Индии. Всеобъемлющее существование книги было парадоксальным по отношению к фундаментально неограниченной природе индуизма (Билимория, 2011). Манусмрити был впервые переведен на английский британскими наемниками, наиболее известным из которых был сэр Уильям Джонс, а затем использован для понимания индуистского общества и попытки навязать обществу закон (Ману и др., 2005, стр. 353-354). До сих пор эта книга не имела никакого значения и не имела практического применения в индийском обществе (Амбедкар, 2010).

Реализация переведенной на английский язык политики Манусмрити привела к двум вещам. Во-первых, ранее мобильная и рыхлая классовая система была преобразована в кастовую систему, которая была закреплена на основе родословной с жесткими границами. Во-вторых, значение прежних варн было изменено с функций на статус и была создана гораздо более строгая иерархия, чем существовавшая ранее, при этом некоторые касты были криминализованы, а другим предоставлялось преимущественное отношение.

Какова была новая классификация общества?

Британская кастовая система была гораздо более сложной по своей структуре, чем индуистская система варн. Вместо простой четырехкратной структуры новая система преобразовала прежние варны в касты, включила джати в четыре касты в качестве подкастов и ввела пятую касту, известную как неприкасаемые или далиты, которые были людьми, изгнанными из общества и классовой системы, основанной на плохой карме в их прежних жизнях (Оливель, 2008, стр. 240-241).

Как была изменена система?

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

В то время феномен джати был чрезвычайно сложным, его приписывали профессиональным, региональным, языковым, религиозным и даже гендерным сообществам. Вдобавок ко всему, всеобъемлющие четыре варны существовали как основа, но не имели никакого отношения к Джатис¹³. Британцы объединили все версии джати и варн в одну систему, объединив джати, которые традиционно придерживались нескольких профессий, в одну варну в качестве подкаст. Диркс (2011) отметил, что общины в Южной Индии обычно участвовали в занятиях по всей Варне: «Мы тоже солдаты и изготавливаем седла», - как прокомментировал один из них. Теперь, поскольку каждый человек был частью Варны и джати, когда джати были кодифицированы как часть определенной Варны в результате своей родословной, человек родился в определенной Варне. Более того, создав интегрированную систему, британцы внедрили первые две главные черты кастовой системы: наследственность - человек не может изменить свою касту, и эндогамию - каждый член касты должен вступать в брак внутри касты и не должен выходить за ее пределы (Радхакришнан, 1939). В результате четыре варны были преобразованы в касты, джати - в подкасты, а британская кастовая система закрепилась в Индии.

Каково было влияние этого изменения?

Ранее профессиональные и социальные возможности были открыты для всех членов общества. Хотя колониальный период между 1860 и 1920 годами ознаменовался введением распределения рабочих мест и возможностей получения образования по кастовому признаку (Zwart, 2000, стр. 235-249), включая введение недавно сформированной кастовой системы в британское управление, когда только представители высших каст назначались на административные должности и руководящие должности высшего звена (Dirks, 2011).. Кроме того, коло-

ниальные чиновники приняли такие законы, как Закон об отчуждении земли в 1900 году и Закон о преимущественной покупке Пенджаба в 1913 году, в которых перечислялись касты, которые могли законно владеть землей, и отказывали в эквивалентных правах собственности другим кастам, что, следовательно, препятствовало экономической мобильности собственности. Эти законы запрещали межпоколенческую передачу земли от каст, владеющих землей, к любым не-сельскохозяйственным кастам и, таким образом, укрепляли кастовые барьеры в Индии (Nesbitt, 2005). Эти революционные шаги превратили важнейшую функцию, которую каждая варна играла в обществе, в социально-экономическую иерархию, представляющую статус каждого индивида.

Более того, благодаря введению пятого класса, известного как неприкасаемые, и вопиющей дискриминации низших каст, касты стали символом социального взаимодействия, чистоты и загрязнения окружающей среды. Колониальное правительство подготовило список криминальных каст и ограничило регионы, которые члены этой касты могли посещать, передвигаться по ним или людей, с которыми они могли общаться (Cole, 2001). С другой стороны, высшим кастам было предоставлено преимущественное отношение, в частности, в соответствии с Законом о преступных племенах 1871 года, который объявлял, что все те, кто принадлежал к определенным кастам, родились с преступными наклонностями. Рават (2011) утверждает, что правоприменение каст преступников по рождению в соответствии с этим законом расширилось к концу 19-го века и включило большинство шудр и неприкасаемых (стр. 26-27). Касты, подозреваемые в восстании против колониальных законов и стремлении к самоуправлению для Индии, такие как каллары, маравары, ахиры, гурджары и джаты, были названы «хищными и варварскими» за их нелояль-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth... Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

ность и добавлены в список криминальных каст (Schwarz, 2010. стр. 69-78). Наконец, безудержный кастовый сепаратизм и социальная кристаллизация привели к преобладанию третьей главной черты кастовых обществ: комменсальных ограничений - правил, налагаемых в отношении принятия пищи и напитков от членов других каст. Высшие касты начали считать шудр и далитов оскверненными, а себя - чистыми, что привело к появлению социальных норм, единственной целью которых было не допустить, чтобы низшие касты загрязняли высшие касты. Разделение на касты стало заметной чертой повседневной жизни с разделением посуды, определением определенных профессий как загрязняющих окружающую среду, важными обрядами перехода, такими как рождение и смерть, организованными вокруг борьбы с загрязнением, и даже контакт с человеком из низшей касты, считающимся загрязняющим окружающую среду (Bean, 1981, стр. 575-595).

Зачем британцам понадобилась классификация?

10-летняя национальная перепись.

Усилия по проведению точной десятилетней крупномасштабной национальной переписи населения» начались с середины 19-го века, когда волны мятежей подчеркнули необходимость сначала понять состав индийского общества, а затем изменить его, чтобы использовать общество в своих корыстных и административных интересах. Цель переписи была проста: идентификация и классификация каждого человека в обществе для удобства управления большим населением. Последующие опросы, которые были разработаны, часто цитируются как главная причина распространения кастовой системы, которая включала бывших варнов в качестве каст, джати - в качестве подкастов, а неприкасаемых - в качестве изгоев. Эта попытка объединила сложное взаимодействие эндогамных,

разнообразных и изменчивых систем классификации варн и джати, чтобы они соответствовали одному идентификатору для каждого гражданина в социальной иерархии. Попытки определить всеобъемлющие рамки продолжались вплоть до переписи, проведенной Гербертом Рисли в 1901 году (Corbridge, 2008, стр. 8, 243). Более того, тщательная кодификация каждого гражданина в системе сыграла существенную роль в укреплении кастовой идентичности (Corbridge, 2008).

Сьюзан Бейли (1999) отмечает, что в таблицах кастовой переписи использовались ранжированные, стандартизированные списки джати для индейцев с перекрестными ссылками на принципах, аналогичных зоологической и ботанической классификациям, так что перепись устанавливала превосходство в силу предполагаемой чистоты каждой касты, профессионального происхождения и коллективной моральной ценности.

Разделяй и властвуй

Британцы были печально известны своей стратегией «Разделяй и властвуй», которая основывалась на идее разделения более крупных групп власти на части, которые по отдельности обладали меньшей властью, чем та, которая реализует стратегию (Хуролия, 2016, стр. 221-231). Коллективное индуистское общество было явно разделено на сегменты, идентифицируемые исключительно по их кастам, что позволяло разжигать конфликты и напряженность. Более того, навешивая на общество ярлык фундаментально неравноправного и грубо дискриминационного, они смогли позиционировать себя как высших, которые должны были исправлять и обучать варварские, нецивилизованные массы (Уилл, 2004). Используя и широко распространяя конкретные, более сильные и вызывающие раскол переводы Манусмрити, они убедили массы в божественном происхождении дискри-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth... Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

минационного социального разделения вместо того, чему следовали тысячи лет.

Фундаментализм: классовый и расистский

Краеугольным камнем колониальной эпохи была в высшей степени этноцентричная расовая наука и ориенталистский взгляд (Саид, 2019), которые призывали западную расу цивилизовать нечистое варварское восточное общество (Драббл, 2006). Девиз британских армий позиционировался как бремя белого человека, соответствовал ориенталистским стереотипам и преподавался всем британцам, присутствующим в Индии. Страна использовалась в качестве этнографической площадки для западных антропологов, движимых целью вновь утвердить превосходство западного человека и имперское господство. Последующее постоянное порабощение низших классов, подчеркивающее классицизм и расизм, могло бы стать существенным фактором ужесточения социальных границ путем создания социально-экономической кастовой иерархии с безудержной дискриминацией, которая просочилась в самую ткань индийского общества к тому времени, когда наступила свобода.

Мы также можем понять, что кодификации касты способствовали группы людей, которые приветствовали это и использовали в своих интересах. Перечисление британцами кастовой иерархии привело к тому, что люди пытались повысить рейтинг своих каст правительством и сохранить эту структуру. Это включало искажение преимуществ классовой классификации; например, определенные касты были обозначены как воинственные расы, составляющие значительную часть британской индийской армии и пользующиеся преимуществами, вытекающими из принадлежности к ней. Кон приводит пример людей, раздающих листовки по соседству, объясняющие, какие ответы необходимо дать в хо-

де переписи, чтобы повлиять на классификацию.

В таблице 1 обобщены сравнения между британской кастовой системой и ранее рассмотренными двумя классовыми обществами по шести направлениям исследования.

Таблица 1

Attribute	British Caste System	Class-Based Systems
Time Period	8th Century AD	2500 - 300 BCE
Authority	Manusmriti	Rig Veda, Bhagavad Gita, & The Republic
System Type	Caste	Class
Divisions	Castes (Brahmin, Kshatriya, Vaishya, Shudra), Subcastes (Jati), and Outcastes	Philosophers, Warriors, Farmers, Manual Workers
Social Mobility	No	Yes
Discrimination	Yes	No
Motivation	Convenience in ruling over big population, Divide & Rule, Classism, and racism	Division of Labor, Biological Determinism

Сравнение британской кастовой системы и систем, основанных на классах

Если 20 000 британцев были способны управлять страной с населением в 300 миллионов индийцев, вызвав крайнюю поляризацию, они были более чем способны изменить саму основу социальной классификации всего за несколько десятилетий.

Социальная классификация с помощью системы социальной мобильности

Чтобы рассмотреть природу индуистской системы варн, Великолепного мифа Платона и британской кастовой системы с точки зрения времени, в статье предлагается структура, которая иллюстрирует два фундаментальных фактора, используемых при анализе систем: тип социальной классификации по оси x и уровень социальной мобильности присутствует в системе по оси y. На рисунке 1 представлены три системы, включенные в Социальную классификацию Кришны - Систему социальной мобильности.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth... Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

Рисунок 1

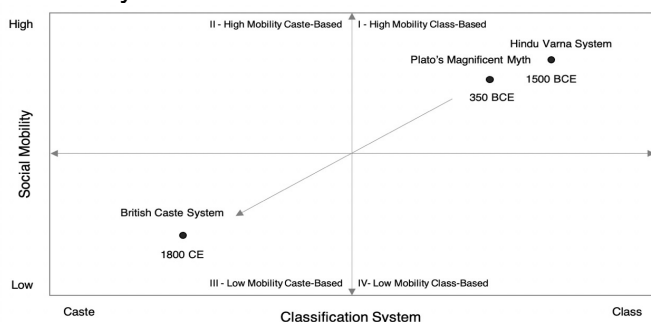

Рисунок 1. Социальная классификация Кришны – Структура социальной мобильности

Квадрант I изображает систему, основанную на классе высокой мобильности. Индуистская система варн и Великолепный миф Платона помещены здесь, поскольку у них есть классы, которые распределяются в зависимости от рода занятий, и любой человек может заниматься любым занятием, основываясь на своих заслугах. Однако на рисунке представлены две разные точки зрения для индуистской системы варн и Великолепного мифа, причем первая обладает большей мобильностью. Это изменение связано с назначением линеек в системе. Платон подчеркивает, что только философы достойны править обществом. С другой стороны, индуизм не выделяет какой-либо класс, который призван управлять, и, таким образом, допускает полную мобильность. Значительная часть обществ по всей Индии решила иметь правителей-кшатриев, но в других были правители из разных социальных классов (Тапар, 2004, с. 150-151).

В квадранте II будет расположено общество с высокой мобильностью, основанное на кастах, например, такое, которое допускает межкастовые браки и свободу социального взаимодействия независимо от положения. Индия 21-

го века, похоже, движется к падению в этом секторе.

Находясь в квадранте III, мы имели бы кастовые общества с низкой мобильностью. Здесь уместна британская кастовая система, которая не допускает никакой гибкости и перемещений внутри каст, определенных по рождению.

Наконец, в квадранте IV будет классовое общество с низкой мобильностью, примером которого является капиталистическое общество, описанное Марксом в «Капитале», в котором экономически более бедный пролетариат не сможет подняться и стать более богатым буржуа (Уильямс, 1977).

При построении графика трех систем мы видим, что вырисовывается четкая закономерность. Со временем общества стали более жесткими и основанными на кастах, причем наиболее гибкой системой была индуистская система варн, существовавшая в 2500 году до нашей эры.

Функционалистская школа мысли предлагает разделение общества с помощью органической аналогии. Четыре класса в индуизме и Великолепном мифе были подобны органам в теле и выполняли различные функции для улучшения организма в целом и поддержания органического целого - общества. Каждый из них был необходим для поддержания жизнедеятельности организма, и поэтому к нему относились с уважением в обществе. Ригведа и Платон используют яркие образы возникновения всех четырех классов из одной и той же коллективной сущности - Пуруши, или Земли, подчеркивая органичный характер и солидарность индивида и общества. Хотя существовала ценностная иерархия профессий, поощрявшая практику добрых дел, которые совершали брахманы, но не было никакой дискриминации или структуры чистоты (Актор, 2002, стр. 243-274).

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

Более того, тело существовало для того, чтобы помогать органам процветать и представлять индивиду возможности для достижения своей конечной цели - освобождения от тела - при этом реализация природы индивида способствовала благу общества. Симбиотический баланс был сохранен для того, чтобы создать справедливое, счастливое и продуктивное человека и общество.

Определение каждой функции основано на аргументации биологического детерминизма как в платоновских, так и в индуистских трудах. Определенные люди в определенный момент времени обладали необходимыми качествами, чтобы наилучшим образом распределять обязанности по каждой функции. Система была создана с пониманием того, что плохо приспособленная функция, такая как жадный король (статья 415 с), приведет к падению всего общества.

Британцы коренным образом изменили одну вещь и вызвали волну серьезных последствий. Создав систему социальной классификации, основанную на рождении, они запретили социальную мобильность, в результате чего люди с определенными качествами выполняли обязанности, которые лучше подходят для альтернативных навыков. Следовательно, это привело к тому, что каждая функция превратилась в символ статуса и чистоты при неспособности служить обществу. Индивид оказался в ловушке, а общество погрузилось в состояние смятения.

Вывод

Индуистская система варн и Великолепный миф Платона представляют собой систему классовую классификации общества, состоящую из четырех категорий - философов; воинов; торговцев и фермеров; и работников физического труда с очень похожими ролями и обязанностями, а также растущей потребностью в телесных удовольствиях. Социальная иерархия основана

на том, что ничто не влияет на шансы человека выполнять определенную работу, кроме его качеств и заслуг. Обоснованием установки четырехуровневой классовой системы является аргумент разделения труда, который разъясняет важность выполнения каждым человеком своих обязанностей для обеспечения выполнения каждой функции и органа общества, а также аргумент биологического детерминизма, согласно которому посредством действий в различных жизнях некоторые люди они лучше подходят для распределения определенных профессий в обществе. Это было необходимо для того, чтобы индивид реализовал свои данные Богом социальные цели - освободить душу от круговорота жизни и смерти и стать единым с Единым. В результате того, что система основана на меритократии, существуют широкие возможности для социальной мобильности. Анализ сходства систем через такую призму необходим для того, чтобы по-настоящему понять их по отдельности.

Приход британского колониализма изменил саму основу системы классификации в Индии. Новая философия была продиктована намерением разработать единый закон, позволяющий легко управлять страной, чему способствовала политика «разделяй и властвуй» и фундаментально классовое и расистское мышление, характерное для колониальной эпохи. В результате, благодаря проведению Национальной переписи населения, до сих пор малозначительному манускрипту, подстрекаемому жесткими преступными действиями, была создана очень большая, сложная и регионально разнообразная система вероисповеданий и социальных идентичностей, были построены совершенно новые категории, иерархии и границы, несовместимые или несовпадающие части были перемешаны вместе, и гибкие границы ужесточились, чтобы преобразовать систему, основанную на новообразованных кастах. Теперь люди рождались в этих кастах на основе присвоенных

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

**Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...**

**Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна**

при рождении джати, которые были связаны с определенной кастой и впоследствии стали известны как подкасты. Перемещение между кастами и межкастовые браки были запрещены, а изгои были представлены обществу и их избегали. Следовательно, функции органического целого общества выполнялись неподходящим персоналом, что изменило саму природу социального уважения и взаимодействия, существующих в обществе, и привело к безудержной дискриминации и порабощению низших каст.

Платоновская классификация поддерживает древнюю систему варн в рациональности ее концепции и подчеркивает конкретные недостатки британской кастовой системы, которые возникают в результате ее трансформации из социального класса в жесткую кастовую стратификацию общества. Новая британская касто-

вая система продолжает существовать и сегодня, и ее обычно ошибочно называют первоначальной системой классификации, а не изменчивой и динамичной системой варн, которая существовала более 3000 лет до введения первой. Представляется разумным сделать вывод, что общество должно работать над реструктуризацией в направлении квадранта I, и термин «индуистская кастовая система», возможно, следует заменить на британскую кастовую систему, поскольку понятие касты не имеет отношения к индуизму, а является конструктом британской колониальной политики.

Нойде, 2022.
Перевод Азера Мамедова

Литература:

1. Адам, Дж. (1963). Республика Платона. Кембридж: Издательство Кембриджского университета.
2. Актер, М. (2002). Правила неприкосновенности в древних и средневековых юридических книгах: домовладельцы, компетентность и неблагоприятность. Международный журнал индуистских исследований, 243-274.
3. Амбедкар, Б. Р. (2010). Философия индуизма. Нью-Дели: Критический поиск.
4. Остин, К. Р. (2019). Прадьюмна: Возлюбленный, Волшебник и отпрыск Аватары. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.
5. Бейнс, Дж. А. (1893). Перепись населения Индии, 1891 год: Общий отчет. Лондон: Н.М.С.О.
6. Бейли, С. (1999). Касты, общество и политика в Индии с восемнадцатого века до наших дней. Кембридж: Издательство Кембриджского университета.
7. Бин, С. С. (1981). К семиотике 'чистоты' и 'загрязнения' в Индии. Американский этнолог, 575-595.
8. Билимория, П. (2011). Идея индуистского закона. Журнал Восточного общества Австралии, 103-130.
9. Чакраварти, С. С. (2001). Индуизм: Образ жизни. Мотилал Банарсидасс.
10. Чакраворти, С. (2019) Правда о нас: информационная политика от Ману до Моды. Хашетт Индия.
11. Коул, С. А. (2001). Личности подозреваемых: история снятия отпечатков пальцев и установления личности преступника. Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета.
12. Корбридж, С., и Харрисс, Дж. (2008). Переосмысление Индии: либерализация, индуистский национализм и народная демократия. Политическая пресса.

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

13. Диркс, Н. Б. (2011). Касты разума: колониализм и становление современной Индии. Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета.
14. Драббл, М. (2006). Оксфордский справочник по английской литературе. Оксфорд: Оксфордский университет.
15. Хурани, Г. Ф. (1949). Образование третьего класса в Республике Платона. Классический ежеквартальный выпуск, 58-60.
16. Кин, Д. (2016). Дискриминация по кастовому признаку в международном праве прав человека. Лондон: Тейлор и Фрэнсис.
17. Ханделвал, М. (2003). Касты разума: колониализм и становление современной Индии. Журнал колониализма и колониальной истории.
18. Лоро, Н. (1986). Изобретение Афин: Надгробная речь в античном городе. Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета.
19. Ману и Бюлер Дж. Г. (2001). Законы Ману. Дели: Издательство Шри Сатгуру.
20. Марлоу, А. Н. (1954). Индуизм и буддизм в греческой философии. Философия Востока и Запада, 35-45.
21. Маскаро, Хуан. (1962). Бхагавад-Гита. Нью-Дели: Классика пингвинов.
22. Нанда, М. (2016). Гита Амбедкара. Экономический и политический еженедельник.
23. Несбитт, Э. М. (2005). Сикхизм: Очень краткое введение. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.
24. Оливель, П. (2008). Каста и чистота в сборнике эссе. Издательство Флорентийского университета.
25. Платон, Блум, А. и Кирш, А. (2016). Республика Платона. Нью-Йорк: Основные книги.
26. Платон. (2010). «Федон» Платона. Нью-Йорк: Международная издательство классических книг.
27. Радхакришнан, С. (1939). Восточные религии и западная мысль. Издательство Оксфордского университета.
28. Рават, Р. С. (2011). Переосмысление неприкасаемости: история чамаров и далитов в Северной Индии. Блумингтон: Издательство Университета Индианы.
29. Рисли, Х. Х., и Крук, У. (1969). Народ Индии. Дели, Oriental Books Reprint Corp.,
30. Роуэтт, К. (2016). Почему короли-философы поверят Благородной лжи? Оксфордские исследования по древней философии, 67-100.
31. Саид, Э. В. (2019). Ориентализм. Лондон: Penguin Books.
32. Самарендра, П. (2011). Перепись населения в колониальной Индии и зарождение касты. Экономический и политический еженедельник.
33. Шварц, Х. (2010). Создание преступного племени в колониальной Индии: Веду себя как вор. Джон Уайли и сыновья, 69-78.
34. Шофилд, М. (2006). Платон: Политическая философия. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.
35. Тапар, Р. (2004). Ранняя Индия: от истоков до 1300 года нашей эры. Беркли: Издательство Калифорнийского университета.
36. Вьяса и Райя, П. (1956). «Махабхарата». Калькутта: Восточное издательство.
37. Уиджери, А. Г. (1930). Принципы индуистской этики. Международный журнал этики, 232.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии ФГУУ-МСХА

Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...

Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна

38. Уильямс, Р. (1977). Марксизм и литература. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета.
39. Уилл, С. (2004). Предыстория ориентализма: колониализм и текстологическая основа изложения индуизма Бартоломеусом Зигенбалгом. Новозеландский журнал азиатских исследований.
40. Ксиполия, И. (2016). Разделяй и властвуй: вертикальные и горизонтальные измерения британского империализма. Критика.
41. Цварт, Ф. Д. (2000). Логика позитивных действий: касты, классы и квоты в Индии. *Acta Sociologica*, 235-249.
42. Григорьев, С. Л. Манипулятивные технологии экранной культуры: к постановке проблемы / С. Л. Григорьев // *Современные исследования социальных проблем*. – 2021. – Т. 13, № 4-2. – С. 198-204. – DOI 10.12731/2077-1770-2021-13-4-2-198-204. – EDN RRAGAC.

Примечания

- 1.) Подробное описание смотрите в Samarendra (2011). Трудно определить точное происхождение джати в индуистской философии, но это не мешает понять его фундаментальную природу.
- 2.) Легитимность этого мифа о хартии Ригведы вызывает много вопросов, и профессора религиоведения утверждают, что ее современный стиль предполагает, что это было более позднее дополнение. Для получения дополнительной информации по этой теме смотрите Keane (2016, стр. 26).
- 3.) Роуэтт (2016) утверждает, что природа этой притчи не отличается от других древних автохтонных мифов, в которых неизменно рассказывается о полностью выросших и вооруженных взрослых людях, появляющихся из-под земли со своим оружием. Ее аргумент в пользу того, что граждане рождаются там, где они уже обучены и экипированы, ссылается на фиванский миф о финикийском царе Кадме, который, как говорят, «посеял зубы дракона, из которых выросла армия солдат». (стр. 69)
- 4.) Пол Шори (1937), среди прочих, переводит последние слова как «ремесленник» вместо «работники физического труда». (стр. 304-05)
- 5.) «Систему из четырех варн создал я с категориями гун и кармы, в этом я - исполнитель». (Бхагавад-Гита, iv, 13)
- 6.) Более подробную информацию смотрите в «Махабхарате», «Анушасана Парва», 143. 6.
- 7.) Роуэтт (2016) утверждает, что время включения этого мифа заслуживает внимания. Он помещен в конце сегмента, в котором представлена форма обучения молодежи в идеальном обществе. Таким образом, подкрепляется идея о том, что метафорическая земля-матка - это повторное рождение детей после обучения и воспитания, форма второго рождения.
- 8.) Неправильные толкования, такие как те, которые переводят это предложение как «сохранение чистоты расы» (Левин, 2012), вносят значительный вклад в эту радикальную и абсурдную идею о том, что Платон использовал аргумент из биологии, чтобы доказать, что только золотой отец мог породить золотого сына, противоположностью чему является упоминается в «Великолепном мифе» (Rep. 415 b).
- 9.) Функция кшатрия или помощника состоит в том, чтобы сражаться, не задумываясь о морали, когда нет другого выхода. «Если ты не будешь продолжать эту праведную войну, тогда, отбросив свою собственную дхарму и свою честь, ты навлечешь на себя грех». (Бхагавад-Гита, ii. 33)

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

**Deconstructing Social Classification and Mobility: The Hindu Varna System, Plato's Magnificent Myth...
Деконструкция социальной классификации и мобильности: индуистская система варн...**

**Aadi C. Krishna
Аади К. Кришна**

10.) Вайшьи чаще всего были очень богатыми людьми в обществах, а брахманы, как ожидалось, были самыми бедными с точки зрения денежного богатства, что является ключевым показателем существования социальной, а не экономической иерархии.

11.) Нерешительность Платона в упоминании лжи является решающей частью истинного понимания Великолепного мифа. Ортодоксальные чтения утверждали, что Платон боится из-за использования лжи в идеальном обществе (см. Шофилд (2006), где Шофилд утверждает, что аргумент действительно шокирует по этой причине), но Платон ранее уже выступал за использование лжи в альтруистических целях в неоптимальных обстоятельствах (Респ. 382 a-d). Более подробное объяснение смотрите в Rowett (2016). Еще одно сильное возражение против утверждения о том, что эта ложь направлена на создание иерархического общества с высшей расой, решительно оспаривается первой частью мифа, которая представляет собой попытку убедить всех людей поверить, что все они братья и сестры, живущие вместе в земной утробе в течение почти двух десятилетий, и акцент делается на о единстве, необходимом для его защиты. Такой союз был бы в значительной степени контрпродуктивным для создания высшего класса.

12.) Диркс (2011) утверждал, что кастовая система, известная в Индии сегодня, является «современным явлением», поскольку каста была «фундаментально преобразована британским колониальным правлением». (стр. 5)

13.) Практическое применение системы четырех варн после окончания ведического периода в 900 году до н.э. также ставится под сомнение. Многочисленные данные переписи населения 1871 года свидетельствуют о том, что варненские подразделения практически не были обнаружены на местах. Руководитель переписных работ в президентстве Мадраса У.Р. Корниш писал в 1871 году: «Что касается происхождения касты, мы не можем полагаться на утверждения, содержащиеся в индуистских священных писаниях. Был ли когда-либо период, в который индусы состояли из четырех классов, чрезвычайно сомнительно». (Чакраворти, 2019)

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism

Nathaniel Peutherer
graduated in 2022 with a Bachelors degree in Philosophy
from Lancaster University in Lancaster, United Kingdom.

KEYWORD: Capitalism, Anti-Capitalism, Longtermism, Immortal Investors, Economic Ethics

ABSTRACT

It has recently been argued that longtermism is at odds with capitalism. It is said that while longtermism places great emphasis on the value of far future benefits, capitalism neglects the future by favouring short-term gains. Therefore, those who are sympathetic to longtermism should support an anti-capitalist solution. In this article, I argue that after we make this claim more precise it becomes clear that anti-capitalism is not the only solution for longtermists. Instead, they can adopt Schwartz's capitalist reforms centred around the legal basis for a corporation to act as an immortal investor. I then draw on the work of Quigley and Stout to show that these capitalist reforms are not only as effective as the anti-capitalist solution, but also as feasible. Finally, I respond to objections concerning the long-run efficacy of the capitalist reforms and the possibility that capitalism has additional, unaddressed faults. I conclude that longtermists are not required to adopt anti-capitalism.

Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Натаниэль Пьютерер
окончила Ланкастерский университет в Ланкастере,
Великобритания, в 2022 году со степенью бакалавра философии.

Ключевые слова: капитализм, антикапитализм, лонгтермизм, бессмертные инвесторы, экономическая этика

Аннотация.

Бытует мнение, что лонгтермизм несовместим с капитализмом. В то время, как лонгтермизм отдает предпочтение будущим выгодам, капитализм делает ставку на приобретения здесь и сейчас. Таким образом, последователи лонгтермизма должны придерживаться антикапиталистических решений. В данной статье я утверждаю, что более детальный анализ должен продемонстрировать, что антикапитализм – не единственный выход для лонгтермистов. Вместо него они могут принять капиталистические реформы Шварца, сосредоточенные на создании правовой основы для того, чтобы корпорация могла выступать в

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

качестве бессмертного инвестора. Затем я, опираясь на работы Куигли и Стаута, показываю, что эти капиталистические реформы не только столь же эффективны, как антикапиталистическое решение, но и столь же осуществимы. Наконец, я отвечаю на возражения относительно долгосрочной эффективности капиталистических реформ и возможности того, что у капитализма есть дополнительные, неустранимые недостатки. В заключении я прихожу к выводу, что сторонники лонгтермизма не обязаны выступать против капитализма.

1. Введение

Будущее потенциально может быть обширным и процветающим. Небольшая группа людей, живших до сих пор, может показаться ничтожной по сравнению с огромным числом будущих поколений, которым еще предстоит существовать. Будущее также потенциально может оказаться коротким или настолько ужасным, что наши потомки пожалеют, что человеческая жизнь закончилась раньше. Эти размышления о нашем будущем потенциале мотивировали поддержку долгосрочного подхода: утверждения о том, что в контексте наших наиболее важных решений наилучшим вариантом является тот, который является наилучшим для очень отдаленного будущего. Совсем недавно утверждалось, что эта приверженность далекому будущему противоречит капитализму. Говорят, что капиталистическая система исключает долгосрочные варианты, систематически пренебрегая интересами людей будущего. Я утверждаю, что эта точка зрения ошибочна, и поэтому последующие призывы к сторонникам долгосрочной перспективы принять антикапитализм являются ошибочными.

Ниже я обрисовываю мотивы долгосрочного подхода, а затем предлагаю набор контекстов принятия решений, для которых долгосрочный подход верен. В разделе 3 я расширяю работу Венкатеша, исследуя, почему капитализм может рассматриваться как антитеза долгосрочности из-за дисконтирования и внешних эффектов. В разделе 4 я исследую работу Шварца над «веч-

ной корпорацией». Правовая основа бессрочной корпорации показывает, как мы могли бы организовать корпоративную деловую деятельность таким образом, чтобы обеспечить уважение к будущим поколениям. В частности, бессрочная корпорация может оправдать низкую ставку дисконтирования и обширный временной горизонт инвестирования, чтобы противодействовать недостаткам капитализма, не устраняя лежащую в его основе ориентацию на прибыль. В разделе 5 я утверждаю, что эти реформы, по крайней мере, столь же осуществимы, как демонтаж капитализма. Это утверждение подкрепляется концепцией Куигли об универсальном инвесторе и концепцией Стаута о рынке акций как машине времени для создания стоимости, которые стимулируют реформы и сдерживают оппозицию. В заключительном разделе я предвосхищаю два возражения и отвечаю на них.

2. Тезис о долгосрочности

В своей самой основной форме долгосрочизм утверждает, что наилучший вариант - это тот, который лучше всего подходит для отдаленного будущего. Тезис обычно обосновывается четырьмя предпосылками – двумя эмпирическими и двумя оценочными. Первая предпосылка гласит, что, как ожидается, в будущем будет чрезвычайно большое количество людей. Вторая предпосылка гласит, что мы должны принять нулевую норму чистого временного предпочтения (или нетерпения) таким образом, чтобы мы не сбрасывали со счетов благополучие этих будущих людей. Третья предпосылка ут-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

верждает, что существуют способы, которыми мы можем изменить наши устоявшиеся практики, которые предсказуемо повлияют на благополучие этих будущих людей.¹ Заключительная предпосылка гласит, что наилучший вариант - это тот, который максимизирует благополучие. Таким образом, если мы можем ожидать огромное число будущих поколений и если благосостояние будущего человека оценивается в равной степени с благосостоянием современного человека, то ценность варианта, который лучше всего подходит для отдаленного будущего, скорее всего, превысит ценность варианта, который лучше всего подходит для в краткосрочной перспективе (Гривз и Макаскилл, 2021).

2.1. Долгосрочный подход Ex Ante

Чтобы уточнить тезис о долгосрочности, я рассматриваю долгосрочность как аксиологическое утверждение о том, что наилучший возможный вариант в рамках заданного извне набора вариантов - это вариант, который является наилучшим для отдаленного будущего.² Чтобы вариант был наилучшим для отдаленного будущего, он должен иметь наилучшие долгосрочные последствия, причем долгосрочные последствия проявятся где-то после этого столетия. Термин «наилучший» следует понимать заранее как утверждение об ожидаемой стоимости опциона с учетом информации, доступной на момент принятия решения.³ Таким образом, тезис о долгосрочности связан с тем, что является наилучшим в конкретном контексте принятия решения. Между тем, масштаб долгосрочности определяется количеством этих контекстов принятия решений, для которых этот тезис верен. Это дает нам две возможности:

Широкий долгосрочный подход (WL): В большом наборе контекстов принятия решений наилучший возможный вариант - это вариант, который лучше всего подходит для отдаленного будущего.

Узкий долгосрочный подход (NL): В небольшом наборе контекстов принятия решений наилучший возможный вариант - это вариант, который является наилучшим для отдаленного будущего.

Часто предполагается, что небольшой набор контекстов принятия решений, для которых справедлив NL, содержит только наши самые важные решения или те решения, которые касаются экзистенциальных рисков для человечества.⁴ Я следую за Гривзом и Макаскиллом (2021) в принятии NL за истину в контексте индивидуальных и общественных решений о распределении ресурсов.⁵ Я считаю, что это одни из наших самых важных решений из-за их «особенно большого значения для благополучия как настоящих, так и будущих живых существ» (Гривз и Макаскилл, 2021). Однако, поскольку меня интересует, как капитализм влияет на эти решения, я сосредоточусь исключительно на социальном контексте. Именно на эти решения о том, как общество должно расходовать свои ресурсы, с наибольшей вероятностью повлияют изменения в наших экономических структурах.⁶ В дальнейшем эта концепция NL для краткости будет называться «долгосрочностью».

3. Капитализм и далекое будущее

Мы можем использовать этот точный тезис о долгосрочности для рассмотрения утверждения о том, что сторонники долгосрочной перспективы должны принять антикапитализм. Я рассматриваю капитализм как систему, в которой производственные решения принимаются коммерческими корпорациями, которые подвержены ограничениям рыночной конкуренции.⁸ Эти коммерческие корпорации являются юридическими лицами, созданными в процессе регистрации с коммерческой целью получения прибыли. Те, кто придерживается антикапитализма, стремятся заменить эту систему альтернативной экономической структурой, тем самым уст-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

раняя центральную роль корпоративных рынков, ориентированных на прибыль.⁹ Пожалуй, наиболее основательная защита антикапиталистического заявления исходит от Венкатеша (2021), который утверждает, что капитализм пренебрегает будущими людьми, рассматривая их интересы как нечто внешнее.

Развивая работу Венкатеша, я исследую, приводят ли дисконтирование и внешние факторы к тому, что капитализм исключает долгосрочные варианты.¹⁰ Затем я размышляю о том, предлагает ли антикапитализм решение. Как мы уже видели, сторонники долгосрочной перспективы озабочены решениями о распределении общественных ресурсов. Учитывая огромное влияние корпораций в капиталистическом обществе, я предполагаю, что решения о распределении общественных ресурсов обычно принимают форму решений о том, как бизнес-корпорации должны расходовать свои ресурсы.¹¹ Следовательно, если особенности дисконтирования и внешних эффектов приводят к тому, что капитализм пренебрегает будущими людьми в контексте корпоративных решений и, таким образом, отвлекает ресурсы от долгосрочных вариантов, тогда сторонникам долгосрочной перспективы следует принять антикапитализм.

3.1. Долгосрочное и социальное дисконтирование

Капитализм может отказаться от долгосрочных вариантов, не принимая во внимание будущее. Дисконтирование по времени (в отличие от риска) обычно осуществляется с помощью социальной ставки дисконтирования (SDR). Корпорации используют SDR как часть своего анализа затрат и выгод для принятия решения о том, как расходовать ресурсы. SDR используется для снижения текущей стоимости будущих выгод, тем самым предлагая безрисковую норму доходности, которую любой проект должен

превышать, чтобы считаться социально выгодным (Mogensen 2019, 3). Например, при годовой ставке дисконтирования в размере 5% 100 фунтов стерлингов, которые гарантированно будут получены в течение одного года, будут иметь текущую стоимость в 95 фунтов стерлингов. Таким образом, инвестор с радостью заплатил бы что-либо ниже 95 фунтов стерлингов за подарок в размере 100 фунтов стерлингов, полученный через год, но отказался бы предлагать 96 фунтов стерлингов за ту же гарантию (Heinzerling and Ackerman 2007, 349). Я использую SDR, чтобы использовать структуру уравнения Рэмси (Drupp et al., 2015)

$$r = \delta + ng$$

Здесь SDR (r) определяется как сумма коэффициента чистого временного предпочтения (δ) и взаимодействия между эластичностью предельной полезности потребления (η) и темпами роста потребления (g). Сочетание двух последних переменных обеспечивает социальный элемент ставки дисконтирования. Предположения о логарифмической полезности и возросшем богатстве будущих поколений часто приводят к положительному значению взаимодействия между этими двумя переменными (Drupp et al., 2015). Больше разногласий связано с правильным значением δ . Коэффициент чистого временного предпочтения, или нетерпеливости, - это скорость снижения коэффициента дисконтирования полезности (вес, придаваемый полезности, получаемой в результате потребления в данный момент времени). Положительное значение δ означает, что коэффициент дисконтирования снижается с текущего момента времени, придавая меньший вес полезности, получаемой в результате потребления в будущем.

Долгосрочизм основан на вере в то, что этическая ценность δ равна нулю (Greaves and

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

Macaskill 2021, 18). При принятии нулевой ставки чистого временного предпочтения уравнение Рэмси приведет к очень низкому SDR. Таким образом, полезность, обусловленная долгосрочными эффектами, будет признана во время принятия решений, и будут выбраны долгосрочные варианты. Нулевое значение часто оправдывается утверждением, что место агента в пространстве и времени не является существенной характеристикой его моральной ценности при прочих равных условиях. Если полезность соседа через дорогу не должна иметь большего веса, чем полезность незнакомца, находящегося на другом конце света, то равным образом полезность наших временных соседей не должна иметь большего веса, чем полезность наших временных незнакомцев. Эти интуитивные представления легко согласуются с беспристрастными моральными теориями, которые рассматривают полезность как одинаково ценную независимо от получателя (Greaves 2017, 13).

Однако в капиталистическом обществе решения о распределении корпоративных ресурсов в первую очередь ориентированы на получение прибыли. Ресурсы инвестируются в данный проект, если ожидается, что проект принесет максимальную пользу инвесторам, которые получают влияние на корпорацию.¹⁴ Более того, растущее господство теории примата акционеров, согласно которой «корпорации существуют только для того, чтобы максимизировать акционерную стоимость» (Стаут, 2013), приводит к отказу от любых второстепенных целей, которые могли бы ограничить акционерную стоимость в долгосрочной перспективе. Таким образом, этические соображения беспристрастности игнорируются. Вместо этого индивидуальные инвесторы часто принимают высокое значение δ , отражающее вероятность того, что они сами выживут до тех пор, пока данный проект не окупится. В конце концов, мало пользы

можно извлечь из доходов, которые накапливаются после чьей-либо смерти. Это повышает СДР таким образом, что любые доходы, которые, как ожидается, произойдут в отдаленном будущем, будут иметь незначительный вес.

Результаты этого впечатляющи, даже при умеренно высокой ставке дисконтирования больше не стоит тратить что-либо сегодня, чтобы защитить отдаленное будущее. Например, при ставке дисконтирования всего в 3,5% любой аргумент в пользу принятия мер по защите климата, основанный на анализе затрат и выгод, подрывается (Heinzerling and Ackerman 2007, 351). Поскольку основная часть стоимости долгосрочного опциона генерируется за счет очень долгосрочных эффектов, ценность, придаваемая таким опционам близорукими инвесторами, минимальна. Таким образом, в сочетании со смертностью инвесторов, которым должна достаться стоимость проекта, ориентация капитализма на прибыль порождает значительное нетерпение и склонность к краткосрочной перспективе. В конечном счете, коллективное нетерпение инвесторов будет направлять решения о распределении корпоративных ресурсов в сторону от долгосрочных вариантов.

3.2. Антикапитализм как решение проблемы дисконтирования

Этот конфликт дает частичную мотивацию для аргумента о том, что сторонники долгосрочной перспективы должны принять антикапитализм. Если ориентация капитализма на прибыль приводит к принятию высокой нормы чистого временного предпочтения, то вполне вероятно, что устранение этой ориентации на прибыль поддержит низкое значение δ и, следовательно, низкий SDR. Это антикапиталистический подход. В рамках капиталистической модели долгосрочные варианты исключаются, поскольку их выгоды в отдаленном будущем значительно дисконтируются по отношению к текущему мо-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

менту. Это препятствует признанию их истинной ценности при принятии решений о распределении ресурсов. Устранение ориентации на прибыль устраняет мотивацию к высокой доходности в течение всей жизни, позволяя снизить ставку дисконтирования, которая учитывает долгосрочную ценность долгосрочных опционов. Следовательно, занимая антикапиталистическую позицию и выступая против социальной структуры рынков, ориентированных на прибыль, сторонники долгосрочной перспективы могут помочь избежать общества, которое направляет ресурсы в сторону от долгосрочных вариантов.

3.3. Интересы будущих людей как внешний фактор

Говорят также, что капитализм делает выбор в пользу долгосрочных вариантов, рассматривая то, в чем заинтересованы будущие люди, как внешнее явление (Венкатеш, 2021). Внешние эффекты возникают, когда эффект производства не отражается на рыночных ценах, что приводит к ущербу внешним сторонам по заниженной цене (Heinzerling and Ackerman 2007, 349). Например, отходы фабричного производства могут загрязнять близлежащую экосистему. Эти убытки остаются внешними по отношению к интересам фабрики, ориентированным на получение прибыли, если те, кого затронуло поведение фабрики, не имеют средств, с помощью которых можно снизить рыночную цену продукции фабрики. В этом случае ущерб, нанесенный по заниженной цене, будет по-прежнему возмещаться.

Интересы будущих людей также могут быть концептуализированы как внешние факторы (Венкатеш, 2021). Люди будущего еще не существуют, и поэтому они не могут влиять на рыночные цены посредством платежей или политики. Нынешние поколения также не в состоянии заплатить будущим поколениям за ли-

шение их права на безопасный климат или за увеличение риска экзистенциальной катастрофы. Несмотря на это, коммерческие корпорации действуют в соответствии с рыночными ограничениями. Таким образом, решения о распределении корпоративных ресурсов зависят от рыночных условий, на которые будущие сотрудники повлиять не смогут. Это приводит к тому, что корпоративная деятельность приводит к недопроизводству того, что принесет пользу будущим людям, и перепроизводству того, что наносит вред будущим людям. Недооценивая ущерб, наносимый будущим людям краткосрочными вариантами, капитализм повышает привлекательность этих вариантов, которые являются наилучшими в краткосрочной перспективе. Это ставит капитализм в противоречие с долгосрочным подходом.

Капитализм не замалчивает проблему внешних эффектов. Наличие внешних факторов часто считается провалом рынка, который требует вмешательства правительства для обеспечения того, чтобы затраты на любой ущерб были отражены в прибыли корпорации. Обычно это включает компенсационные выплаты, изменения в политике или корректировку прав собственности.¹⁶ Однако эти методы устранения ущерба требуют политического или юридического влияния, заменяющего отсутствие влияния рынка. Следовательно, общее требование преобладающих при капитализме методов борьбы с внешними факторами заключается в том, что те, кто страдает от вреда, могут оказывать некоторую форму влияния на настоящее. Люди будущего, поскольку они еще не существуют, лишены какой-либо формы влияния на настоящее. Таким образом, капиталистические методы коррекции внешних эффектов не работают в случае людей будущего.

3.4. Антикапитализм как решение проблемы внешних факторов

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

Венкатеш (2021) утверждает, что антикапитализм предлагает решение проблемы экстернализации интересов будущих людей. Будущими людьми пренебрегают, потому что решения о распределении корпоративных ресурсов зависят от рыночных условий, на которые они не оказывают никакого влияния. Выступая за замену рыночной структуры, ориентированной на прибыль, антикапиталисты устраняют этот недостаток. Поэтому вместо того, чтобы сосредотачиваться на ущербе, антикапиталистический подход просто избегает системы, которая способствует возникновению негативных внешних эффектов как естественного следствия решений, принимаемых под давлением корпоративных рынков. Решения, которые не основаны на прибыли, могут признавать потенциальный ущерб, причиненный краткосрочными опционами, даже если этот ущерб, как правило, был бы занижен по цене. Это устраняет ключевую особенность, которая ставит капитализм в противоречие с долгосрочными вариантами.

4. Решение без революции

В предыдущем разделе было показано, что антикапитализм обещает лучшие альтернативы пренебрежению будущими людьми и последующему исключению долгосрочных вариантов. Однако это не единственное решение проблем капитализма. Ниже я использую работу Шварца, чтобы показать, что можно организовать корпоративную деловую деятельность таким образом, чтобы уважать будущих людей (Schwartz 2012). Я утверждаю, что существует правовая основа для того, чтобы корпорации действовали как бессмертные инвесторы с нулевой ставкой чистого временного предпочтения и обширным временным горизонтом инвестирования.¹⁸ В сочетании с заявлениями о целесообразности, которые я выдвигаю в разделе 5, эта правовая основа показывает, что корпорации могут и, следовательно, согласно сторон-

никам долгосрочной перспективы, должны выступать в качестве бессмертных инвесторов, чтобы избежать проблем внешних эффектов и дисконтирования.

4.1. Основа для бессмертных инвесторов

Коммерческие корпорации создаются на основе гранта государства в процессе регистрации. Центральным результатом этого юридического процесса является «создание ex nihilo нового юридического лица» (Siepley 2020). Здесь корпорация приобретает отдельную правосубъектность, которая юридически отличает ее от менеджеров, инвесторов и заинтересованных сторон, действующих от ее имени. Это дает корпорации правоспособность стать физическим лицом, заключающим контракт, несущим все обязательства перед фирмой. Таким образом, инкорпорация имеет два ключевых преимущества для дальновидных корпораций: фиксация активов и бессрочное существование. Эти две особенности позволяют корпорациям выступать в качестве бессмертных инвесторов в интересах людей будущего (Schwartz 2012).

Во-первых, юридическое лицо владеет всеми активами фирмы. Таким образом, инвестор, который отказался от активов для покупки акций корпорации, теперь не имеет законных полномочий требовать эти активы обратно (Стаут, 2015). Это позволяет юридическим лицам «фиксировать» активы, чтобы защитить свои долгосрочные инвестиции от смерти или ухода своих инвесторов. Хотя такая негибкость может показаться непривлекательной для инвесторов, она дает неоспоримое преимущество, которым не обладают альтернативные легальные технологии агрегирования богатства: защите. Например, предположим, что коммерческой корпорации необходимо привлечь инвесторов для финансирования предприятия, которое соответствует долгосрочным принципам. Вероят-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

но, этот проект будет долгосрочным и может потребовать исследований и разработок специализированных активов, которые нелегко ликвидировать. Благодаря блокировке активов инвесторы могут быть уверены, что их капитал не будет «разблокирован» в том случае, если один инвестор уйдет в середине проекта и потребует возврата своего капитала. Таким образом, инвесторы могут позволить себе рисковать долгосрочными инвестициями с большим временным горизонтом.

Во-вторых, корпорация получает бессрочное существование благодаря своему правовому статусу. Теоретически корпорации могут продолжать существовать, несмотря на смерть или уход любого инвестора, и, следовательно, обладают способностью жить вечно (Schwartz 2012). Как мы видели в разделе 3.1, инвесторы рационально принимают положительную норму чистого временного предпочтения из-за своей смертности. Бессмертие бессрочных корпораций позволяет им рационально использовать нулевую ставку чистого временного предпочтения, поскольку их бессрочное существование гарантирует их выживание до тех пор, пока любые долгосрочные инвестиции не окупятся. При нулевом значении δ инвестиционные возможности, которые когда-то были неэффективными, становятся весьма выгодными, особенно инвестиции в проекты с высокой потенциальной доходностью в долгосрочном будущем. Таким образом, вечное существование дает корпорациям возможность извлекать выгоду из возможностей, от которых смертные инвесторы не увидят выгоды.

Обладание как фиксацией капитала, так и бессрочным существованием означает, что корпорации имеют законную основу для того, чтобы стать «бессмертными инвесторами» - способными рационально поддерживать невероятно длительный временной горизонт инвестирования с нулевой ставкой чистого временного

предпочтения. Эта инвестиционная стратегия предлагает ключевые преимущества, позволяющие избежать негативных последствий капитализма.

4.2. Бессмертные инвесторы при дисконтировании

В разделе 3.1 мы установили, что принятие решений, ориентированных на прибыль, в сочетании со смертностью инвесторов приводит к положительному значению δ . Это привело к высокому уровню общего дисконтирования при принятии решений о распределении корпоративных ресурсов. Антикапитализм предложил решение путем устранения лежащей в основе рыночной структуры и, следовательно, целей корпоративной деятельности, основанных на получении прибыли. Стратегия бессмертного инвестирования предлагает альтернативное решение, вместо этого устраняя смертность инвесторов при сохранении структуры рынка, ориентированной на прибыль. Бессрочное существование бессмертного инвестора позволяет ему рационально использовать нулевую ставку чистого временного предпочтения, снижая общий SDR, используемый при принятии решений о распределении корпоративных ресурсов. Тогда корпорация сможет оценить последствия долгосрочных опционов со значительными выгодами в отдаленном будущем. Рациональный анализ затрат и выгод затем направит корпорации к таким возможностям, ориентируя бизнес-корпорацию на долгосрочный подход.

4.3. Бессмертные инвесторы о внешних факторах

В разделе 3.3 я вслед за Венкатешем утверждал, что капитализм рассматривает интересы будущих людей как внешние факторы, поскольку они не могут повлиять на рыночные цены. Это приводит к перепроизводству вредных веществ для будущих людей и ставит капита-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

лизм в противоречие с долгосрочными вариантами. И снова антикапитализм предложил решение, устранив рыночную структуру, ориентированную на получение прибыли, тем самым избежав системы, которая поощряет негативные внешние эффекты как естественное следствие принятия решений в рамках рыночных ограничений. Инвестиционная стратегия Immortal предлагает альтернативное решение, расширяя временной горизонт инвестирования бессрочных корпораций. Увеличивая свои временные рамки, корпорации, существующие сегодня, также становятся образованиями будущего. Это наделяет корпорацию редким сочетанием черт, позволяющих ей быть организацией будущего, сохраняющей влияние на настоящее. Таким образом, их не постигает та же участь, что и будущие поколения, поскольку они не имеют необходимого влияния на настоящее. Вместо этого большие группы бессмертных инвесторов могут влиять на существующий рынок и сдерживать выбор краткосрочных опционов, точно оценивая ущерб, который они создают.

5. Осуществимость и отдаленное будущее

Остается проблема осуществимости. Если мы признаем, что большие группы бессмертных инвесторов могут предложить решение, которое примиряет капитализм с долгосрочностью, то может показаться совершенно невероятным, что такие реформы произойдут. Я полагаю, у нас есть веские основания предполагать, что решение immortal investors не преодолимо такими ограничениями осуществимости. Напомним, что альтернативным решением является антикапитализм. Таким образом, здесь нас интересует относительная осуществимость, то есть то, так ли осуществимы капиталистические реформы, как антикапиталистическая революция. По крайней мере, антикапитализм подразумевает существенную перестройку нашей экономиче-

ской структуры, чтобы устранить влияние корпоративных рынков, ориентированных на получение прибыли. Вполне вероятно, что капиталистические реформы, по крайней мере, столь же осуществимы, как и демонтаж капитализма.

Однако все еще можно утверждать, что идеал капитализма настолько противоречит предлагаемым реформам, что структурная перестройка антикапитализма более осуществима, чем это предлагаемое искажение капиталистической системы.²¹ Наиболее тревожным примером этого могут быть последствия продолжающегося присутствия индивидуальных инвесторов. Сохранение в рамках капиталистической структуры, возможно, приводит к увеличению числа смертных инвесторов, которые по-прежнему руководствуются в основном целями, ориентированными на получение прибыли. Корпорации по-прежнему необходимо привлекать инвесторов, предлагая минимальную ожидаемую норму прибыли на любые инвестиции. Эта стоимость капитала диктуется рынком через средневзвешенную ставку дисконтирования всех потенциальных инвесторов (Schwartz 2012, 821). Мы видели, что смертные инвесторы принимают положительную норму чистого временного предпочтения из-за своего ограниченного существования, тем самым повышая стоимость капитала до тех пор, пока она не превысит то, что может предложить бессмертный инвестор. Таким образом, корпорация должна скорректировать свою инвестиционную стратегию, чтобы сосредоточиться на краткосрочной перспективе, игнорируя интересы будущих поколений, поскольку она «вынуждена инвестировать, как если бы она была смертной» (Schwartz 2012, 829). Антикапитализм позволяет избежать этих проблем с осуществимостью, которые порождаются духом рынков, ориентированных на прибыль.

5.1. Два решения для технико-экономических ограничений

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

К счастью, капиталистическая система поддерживает дополнительные стратегии, которые помогают внедрению бессмертных реформ для инвесторов. Эти стратегии увеличивают вероятность того, что смертные инвесторы не захотят или не смогут сохранять свою враждебную позицию.

Первая стратегия взята из работы Куигли (2019) о присутствии универсальных инвесторов. Универсальный инвестор - это крупный институциональный инвестор с разнообразным инвестиционным портфелем и длительным инвестиционным горизонтом. Сочетание этих двух особенностей делает их инвестиции уязвимыми к долгосрочным внешним воздействиям. Это также делает невозможным хеджирование большей части их инвестиций, поскольку нежелательные убытки от одной корпорации интернализируются в других частях портфеля. Таким образом, универсальный инвестор мотивирован корректировать внешние эффекты в пространстве и времени, применяя целостный подход, ориентированный на долгосрочное здоровье экономики в целом. Куигли утверждает, что универсальные инвесторы могли бы использовать Цели устойчивого развития ООН в качестве показателя своего успеха, действуя скорее как правительства, чем традиционные инвесторы. Это включало бы сосредоточение внимания на стабильности и росте среднего класса и предотвращении серьезных сбоев на рынке, таких как экзистенциальные риски (Quigley 2019).

Присутствие универсальных инвесторов на рынке имеет два заметных эффекта. Во-первых, как институциональные инвесторы с низкой ставкой дисконтирования и обширным временным горизонтом, они входят в группу потенциальных инвесторов, которые предпочитают долгосрочную перспективу. Их коллективное присутствие ослабляет нетерпение смертных инвесторов снизить общую рыночную ставку дисконтирования. Таким образом, корпорации, же-

лающие использовать стратегии инвестирования в бессмертие, смогут привлекать инвесторов с коэффициентом предпочтения чистого времени значительно ниже, чем у среднестатистического смертного инвестора (Schwartz 2012, 820).

В дополнение к этому пассивному влиянию универсальные инвесторы могут работать вместе как глобальный коллектив для координации более активных усилий по защите глобального достояния от близоруких тенденций. Большие группы универсальных инвесторов способны использовать значительные объемы капитала в качестве рычага воздействия. Таким образом, они могут оказывать давление на корпорации, заставляя их следовать практикам устойчивого развития, которые предотвращают сложные, долгосрочные внешние эффекты.²² Поступая таким образом, они помогают скорректировать глобальные ожидания от корпоративной деятельности в отношении устойчивых практик, снова оказывая давление на любых возражающих инвесторов.

Вторая стратегия основана на работе Stout над рынками ценных бумаг, эффективными с точки зрения стоимости. В то время как универсальные инвесторы лишают смертных инвесторов возможности создавать проблемы с осуществимостью инвестиционных реформ бессмертных, рынок акций с высокой стоимостью делает этих близоруких инвесторов нежелательными поддерживать свою оппозицию. Стаут (2015) утверждает, что рынки с разумной стоимостью (такие как фондовый рынок США, который эффективен как минимум в 2 раза) позволяют простым инвесторам увидеть ценность долгосрочных проектов, просто продав свои акции более молодому инвестору. Более молодой инвестор может позволить себе быть более терпеливым и примет более широкий временной горизонт инвестирования. Таким образом, молодые инвесторы будут ценить акции выше, потому что

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

они будут рядом, когда будет получена будущая прибыль. Этот процесс передачи акций более молодым и терпеливым инвесторам может продолжаться до бесконечности. Таким образом, стоимость акций на достаточно эффективном рынке будет примерно соответствовать ожидаемой величине будущей прибыли корпорации от долгосрочных инвестиций. Это позволяет эффективно переносить будущую стоимость в прошлое, чтобы стимулировать современных инвесторов смотреть дальше краткосрочной перспективы (Стаут, 2015).

С помощью этих стратегий смертные инвесторы не захотят или не смогут оказать давление на корпорации, чтобы они отказались от своих бессмертных инвестиционных стратегий. Следовательно, маловероятно, что идеалы капитализма вступают в противоречие с предлагаемыми реформами таким образом, чтобы это создавало значительные ограничения на осуществимость. Фактически, поскольку эти реформы остаются эффективными только в том случае, если мы предполагаем, что инвесторы ориентированы на получение прибыли, дух капитализма в конечном счете служит поддержкой осуществимости бессмертных инвестиционных реформ.

6. Предвосхищение возражений

В этом заключительном разделе я отвечаю на два возражения. Вместо того чтобы сосредоточиться на том, могут ли реформы быть осуществлены или будут ли они осуществлены, эти возражения отрицают, что реформы будут эффективно работать, как только они уже будут внедрены.

Первое возражение признает, что капиталистические реформы будут работать в течение умеренных сроков, но утверждает, что антикапитализм является лучшим решением в очень долгосрочной перспективе. Точные временные рамки, с которыми связано это возражение, мо-

гут отличаться; решающим компонентом является представление о том, что капиталистические реформы становятся менее эффективными по мере того, как мы переносим наше внимание дальше в будущее. Это утверждение неверно в отношении внешних факторов. Напомним, что корпорации, которые выступают в качестве бессмертных инвесторов, опираются на правовую основу бессрочного правопреемства, так что они могут продолжать существовать даже в очень отдаленном будущем. Поэтому, в принципе, бессмертные инвесторы сохраняют свою корыстную заботу о будущем независимо от того, как далеко продлеваются временные рамки.

Возражение также неверно в отношении дисконтирования. Нетерпение бессмертных инвесторов не становится сильнее по мере того, как мы переносим наше внимание на более масштабные временные рамки, потому что они придерживаются нулевой ставки чистого временного предпочтения без кумулятивного эффекта дисконтирования. Следовательно, значение, придаваемое полезности, получаемой в результате потребления, останется постоянным независимо от того, смотрим ли мы на 100 или 10 000 лет вперед. Конечно, этот уровень нетерпения - не единственная переменная, играющая роль при принятии корпоративных решений. Я отметил, что распространенные предположения о логарифмической полезности и увеличении благосостояния будущих поколений часто приводят к положительному значению взаимодействия между социальными переменными SDR (η и g) (Drupp 2015). Тем не менее, эти переменные дисконтируют будущую доходность, основанную на экономических факторах, таких как будущие уровни потребления; они не дисконтируют будущую полезность.²³ Таким образом, реформы бессмертных инвесторов не становятся менее эффективными по мере того, как мы заглядываем в далекое будущее.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

Второе возражение утверждает, что у сторонников долгосрочной перспективы есть причины для принятия антикапитализма помимо дисконтирования и внешних эффектов. Например, Венкатеш (2021) предполагает, что экономическое неравенство, недооцененный экзистенциальный риск и ограниченные экологические ресурсы также являются причинами для сторонников долгосрочной перспективы отвергать капитализм. Хотя полный анализ этого возражения выходит за рамки нашей задачи, есть первоначальные основания сомневаться в его силе. Во-первых, аргумент об ограниченных ресурсах и аргумент о заниженном экзистенциальном риске учитываются решением бессмертных инвесторов. Забота об устойчивом использовании ресурсов является неотъемлемой частью принятия очень длительного инвестиционного графика. Также вероятно, что бессмертные инвесторы придадут угрозе экзистенциальных рисков тот вес, которого она заслуживает, учитывая их сосредоточенность на долгосрочных проектах, которые ежегодно подвергаются риску экзистенциальной катастрофы. Кроме того, наличие такой возможности для понимания экзистенциальных рисков также является частью привлекательности универсальных инвесторов, которые поддерживают реформы бессмертного инвестирования.

Возражение, связанное с экономическим неравенством, является наиболее правдоподобным. Недавняя работа предполагает, что экономический рост создает неравенство, которое приводит к ослаблению институтов и усилению беспорядков, и то, и другое повышает риск экзистенциальной катастрофы (Schmidt and Juijn, 2021). Учитывая, что такие риски являются ключевой проблемой для долгосрочников, и предполагая, что антикапитализм уменьшит экономическое неравенство, антикапиталистическое решение действительно представляется лучшим вариантом. Однако у экономического

роста есть преимущества, которые подтверждают противоположный вывод. Несмотря на то, что это связано с увеличением экзистенциального риска в краткосрочной перспективе, также утверждалось, что экономический рост может привести к снижению экзистенциального риска в средне- и долгосрочной перспективе. Например, экономический рост может помочь нам быстро преодолеть опасное «время опасностей», в котором мы сейчас находимся.²⁵ Таким образом, хотя это заслуживает дальнейшего изучения, я предварительно заключаю, что это возражение также не доказывает, что сторонники долгосрочной перспективы должны придерживаться антикапитализма.

7. Резюме и заключительные замечания

На протяжении всей этой статьи я приводил новые материалы вместе с работами различных авторов, чтобы лучше понять требования приверженности долгосрочному подходу. Тезис долгосрочности утверждает, что наилучший вариант - это тот, который лучше всего подходит для отдаленного будущего. Это, по-видимому, ставит его в противоречие с близорукими тенденциями капитализма. Уточняя это утверждение, я утверждал, что основное внимание уделяется тому, исключают ли капиталистические особенности дисконтирования и внешних эффектов долгосрочные варианты в контексте распределения корпоративных ресурсов. Первоначально казалось правдоподобным, что сторонники долгосрочной перспективы должны принять антикапитализм. Корпоративная ориентация капитализма на получение прибыли в сочетании со смертностью инвесторов приводит к значительному снижению будущего благосостояния. Кроме того, будущие сотрудники не могут руководить принятием корпоративных решений, поскольку у них нет никакого влияния на текущие рыночные условия. Обе эти проблемы могут быть решены путем устранения рыночной

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

структуры капитализма, ориентированной на получение прибыли.

Однако затем я представил аргументы в пользу возможных реформ, которые сосредоточены вокруг правовой основы, позволяющей корпорациям выступать в качестве бессмертных инвесторов. Утверждалось, что они столь же эффективны, как и антикапиталистическое решение. Возможности корпорации по бессрочному существованию и фиксации активов позволяют ей использовать нулевую ставку чистого временного предпочтения и обширный временной горизонт инвестирования. В свою очередь, это бессмертие устраняет фиксацию на краткосрочной прибыли, которая приводит к высокому уровню дисконтирования. Это также наделяет корпорацию редким сочетанием черт, позволяющих ей быть организацией будущего, сохраняющей влияние на настоящее. Я утверждал,

что реформы бессмертных инвесторов правдоподобны по антикапиталистическим стандартам, особенно после того, как присутствие универсальных инвесторов и разумно эффективный рынок уменьшат влияние смертельных противников. Наконец, реформы позволяют избежать двух возражений, поскольку они остаются эффективными в очень отдаленном будущем и могут успешно противодействовать дополнительным недостаткам капитализма. Поэтому, представляя этот случай, я предложил альтернативу, которая показывает, что сторонникам долгосрочной перспективы не обязательно принимать антикапитализм.

Ланкастер, 2021
 Перевод Дмитрия Котусова

Литература:

1. Ашенбреннер, Леопольд. 2020. «Экзистенциальный риск и экономический рост». Рабочий документ GPI № 62020, Институт глобальных приоритетов, Оксфорд. https://globalprioritiesinstitute.org/wp-content/uploads/Leopold-Aschenbrenner_Existential-risk-and-growth_.pdf
2. Чипли, Дэвид. 2020. «Как американские корпорации утратили свое общественное предназначение и как оно может быть (частично) восстановлено». Бухгалтерский учет, экономика и право: Конференция 10, № 3: 1-25. <https://doi.org/10.1515/ael-2019-0088>
3. Друпп, Мориц, Марк Фриман, Бен Грум и Фрикк Несье. «Дисконтирование распутано». Рабочий документ Центра экономики и политики в области изменения климата № 195-2015. <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/wp-content/uploads/2015/06/Working-Paper-172-Drupp-et-al.pdf>
4. Гривз, Хилари. 2017. «Дисконтирование для государственной политики: опрос». Экономика и философия 33, № 3: 391-439. <https://doi.org/10.1017/S0266267117000062>
5. Гривз, Хилари и Уильям Макаскилл. 2021 год. «Аргументы в пользу сильного долгосрочного подхода». Рабочий документ GPI № 5-2021, Институт глобальных приоритетов, Оксфорд. <https://globalprioritiesinstitute.org/wp-content/uploads/The-Case-for-Strong-Longtermism-GPI-Working-Paper-June-2021-2-2.pdf>
6. Хайнцерлинг, Лиза и Фрэнк Акерман. 2007. «Право и экономика для потепления во всем мире». Harvard Law and Policy Review 1, № 2: 331-362.

Современная зарубежная философия
 Выпуск 1
 Москва, 2023
 Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

7. Могенсен, Андреас. 2019. «Единственный этический аргумент в пользу положительного δ ?» Рабочий документ GPI № 6-2019, Институт глобальных приоритетов, Оксфорд. https://globalprioritiesinstitute.org/wp-content/uploads/Andreas-Mogensen_the-only-ethical-argument-for-positive-delta.pdf

8. Орд, Тоби. 2020 год. Обрыв. Лондон: Издательство «Блумсбери Пабблишинг».

9. Куигли, Эллен. 2019 год. «Всеобщая собственность в антропоцене». Электронный журнал SSRN. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3457205>

10. Стаут, Линн А. 2013. «Миф об акционерной стоимости». Европейское финансовое обозрение, 27 апреля. 2015. «Корпорация как машина времени: равенство между поколениями, эффективность между поколениями и корпоративная форма». Юридический обзор Университета Сиэтла, 38, № 1: 685-723. <https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2600&context=facpub>

11. Шмидт, Андреас и Даан Юйн. 2021 год. «Неравенство и долгосрочное будущее». Рабочий документ GPI № 4-2021, Институт глобальных приоритетов, Оксфорд. https://globalprioritiesinstitute.org/wp-content/uploads/Inequality-and-the-Long-Term-Future_Andreas-Schmidt-and-Daan-Juijn-reupload.pdf

12. Шварц, Эндрю А. 2012. «Вечная корпорация». Юридический обзор Джорджа Вашингтона, 764, № 1: 764-830. <https://scholar.law.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1443&context=articles>

13. Торстад, Дэвид. 2021 год. «Масштабы долгосрочного подхода». Рабочий документ GPI № 6-2021, Институт глобальных приоритетов, Оксфорд. <https://globalprioritiesinstitute.org/wp-content/uploads/Scope-Longtermism.pdf>

14. Венкатеш, Нихил. 2021 год. «Капитализм и очень долгосрочная перспектива». Доклад, представленный на конференции Understanding Value Conference X, Университет Шеффилда.

15. Григорьев, С. Л. Манипулятивные технологии экранной культуры: к постановке проблемы / С. Л. Григорьев // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Т. 13, № 4-2. – С. 198-204. – DOI 10.12731/2077-1770-2021-13-4-2-198-204. – EDN RRAGAC.

16. Grigoryev, S. L. Screen culture ontology: towards the problem statement / S. L. Grigoryev // *Communicology*. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – P. 57-68. – DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-2-57-68. – EDN FDCFP1.

Примечания

1. Это «предсказуемое влияние» может проявляться в виде незначительных вероятностей значительного повышения общего благосостояния.

2. Здесь каждый контекст принятия решения сопровождается набором опций. Опции, доступные в каждом наборе, задаются извне в той мере, в какой они определяются независимо от текущего решения агента.

3. Я принимаю значение *ex ante* за безрисковое ожидаемое значение (в отличие от альтернативы, такой как взвешенное по риску ожидаемое значение).

4. Я полагаю, что дискуссию Торстада о масштабах долгосрочности можно точно охарактеризовать как утверждение о том, что долгосрочность справедлива для решений, которые касаются экзистенциальных рисков, хотя сам Торстад этого не утверждает (Thorstad 2021).

5. Я предполагаю, что мы можем говорить о «принятии общественных решений» так, как если бы коллективное общество действовало как единичный агент.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

6. Как я упоминаю далее в статье, это происходит главным образом потому, что решения о том, как общество должно расходовать свои ресурсы, становятся решениями о корпоративном распределении ресурсов, когда рассматриваемое общество является капиталистическим. Таким образом, процесс принятия решений кардинально меняется, как только общество принимает антикапитализм и устраняет ориентированную на прибыль рыночную структуру, которая когда-то направляла их решения. Вполне вероятно, что эти крупные структурные изменения оказывают в значительной степени бессмысленное влияние на решения о распределении индивидуальных ресурсов, по крайней мере, в отношении долгосрочных приоритетов.

7. Также возможно, что те, кто примет WL, сочтут выводы этого документа убедительными. В этом случае специфика большого набора решений, для которых выполняется WL, не имеет значения, пока мы делаем некоторые правдоподобные предположения. Во-первых, этот большой набор решений включает в себя решения о распределении общественных ресурсов, на которых сосредоточена NL. Это правдоподобное предположение, учитывая, что решения о распределении ресурсов, не зависящие от причин, обычно первыми квалифицируются как долгосрочные (Торстад, 2021; Гривз и Макаскилл, 2021.). Во-вторых, решения, включенные в NL, заранее более ценны, чем остальные решения в большом наборе, для которых справедлив WL. Это правдоподобно, учитывая важность распределения общественных ресурсов для благосостояния людей в будущем. При таких предположениях WL становится сходящимся с NL. Таким образом, если верно, что сторонники NL должны быть антикапиталистами, то верно и то, что сторонники WL должны быть антикапиталистами.

8. Венкатеш (2021) использует аналогичное определение, хотя он использует 'частных лиц' вместо 'коммерческих корпораций'.

9. Антикапитализм можно определить по-разному, я просто считаю, что антикапитализм противостоит фундаментальной, ориентированной на прибыль, корпоративной рыночной структуре капитализма. Этого достаточно для моей аргументации, согласующейся с правдоподобной интерпретацией Венкатеша (2021) и учитывающей многие из более сложных определений антикапитализма.

10. «Долгосрочный вариант» - это вариант в рамках данного набора, который заранее является наилучшим для отдаленного будущего. Задавая вопрос о том, исключают ли особенности капитализма эти варианты, я интересуюсь тем, направляют ли эти особенности решения о распределении ресурсов общества в сторону от долгосрочных вариантов.

11. Я полагаю, что это неоспоримый шаг, который согласуется с неявными предположениями, сделанными теми, кто считает, что сторонники долгосрочной перспективы должны принять антикапитализм.

12. Чтобы быть последовательным с соответствующей литературой, я сосредоточусь конкретно на том, исключает ли капитализм то, что Торстад называет "поглощением долгосрочных вариантов" (2021, 3). Эти варианты имеют наибольшие преимущества в отдаленном будущем, но, что особенно важно, их долгосрочные выгоды превышают краткосрочные последствия любого доступного варианта. Без этого дополнения капитализм может сблизиться с долгосрочизмом, если он выбирает долгосрочные варианты, которые являются наилучшими для будущего, на том основании, что они также являются наилучшими для краткосрочной перспективы. Здесь пренебрежение капитализма к будущим людям не исключало бы вариантов, не связанных с затоплением, и поэтому все еще могло бы рассматриваться как совместимое с долгосрочным подходом. Для простоты «долгосрочные варианты» относятся только к болотистой разновидности.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Ethics of the Far Future: Why Longtermism Does Not Imply Anti-Capitalism
Этика далекого будущего: Почему долгосрочный подход не подразумевает антикапитализм

Nathaniel Peutherer
Натаниэль Пьютерер

13. Обратите внимание, что данный SDR не подвержен риску и неопределенности и ориентирован на инвестора (социальные аспекты), а не на инвестиции.

14. Я использую термин 'инвестор' для простоты и в соответствии с работой Венкатеша. Однако здесь я признаю, что термин «инвестор» часто является неправильным, особенно когда используется для обозначения акционеров, которые в меньшей степени поддерживают корпорации и в большей степени паразитируют.

15. Эти эффекты экстернализации интересов будущих людей в сочетании с эффектами дисконтирования будущего усугубляют проблему исключения долгосрочных вариантов. Дисконтирование снижает ценность долгосрочных опционов, в то время как экстернализация будущих интересов увеличивает ценность краткосрочных опционов, маскируя их негативные последствия. Это увеличивает вероятность того, что краткосрочные варианты будут выбраны вместо долгосрочных.

16. Например, расширение прав собственности помогает устранить внешние эффекты, предоставляя тем, кому причинен ущерб, законное право предъявлять иски о возмещении ущерба их собственности, тем самым позволяя им влиять на рынок, перекладывая издержки на производителей.

17. Еще одной общей чертой этих корректирующих методов является предположение о разделении и предсказуемости (Heinzerling and Ackerman 2007, 353). Каждый внешний фактор рассматривается как отдельный и предсказуемый по своим причинам и следствиям. Такая концептуализация внешних эффектов является неточной, когда мы сталкиваемся со сложными долгосрочными проблемами, которые сильно повлияют на людей будущего. Например, понимать каждый пример экологического ущерба как отдельную проблему с предсказуемой причинно-следственной связью - значит пренебрегать реальностью переплетенной матрицы непредсказуемых причин и следствий, составляющих климатический кризис. Следовательно, преобладающие методы коррекции внешних факторов также будут недооценивать негативные последствия краткосрочных вариантов. Без возможности полностью учесть этот ущерб в рамках рыночных цен эти корректирующие меры вряд ли направят корпорации к долгосрочным вариантам.

18. Этот временной горизонт будет расширен за пределы нынешнего столетия, чтобы привести бессмертных инвесторов в соответствие с долгосрочными интересами.

19. Заинтересованные стороны также извлекают выгоду из этого соглашения. Потенциальные сотрудники могут рискнуть потратить время на обучение на должности, которые будут созданы в рамках долгосрочного проекта корпорации. Другие корпорации могут рискнуть инвестировать в второстепенные проекты, не опасаясь стать чрезмерно специализированными или, в конечном счете, нежелательными. Эти предприятия с участием заинтересованных сторон, в свою очередь, будут поддерживать первоначальную корпорацию, предоставляя рабочую силу и привлекая капитал. Таким образом, блокировка активов не только защищает текущие активы, но и привлекает новых инвесторов и заинтересованные стороны, защищая их от мимолетных инвесторов. Таким образом, это устраняет часть рисков, связанных с долгосрочными неликвидными инвестициями, позволяя корпорациям расширять временные горизонты своих инвестиций (Schwartz 2012, 791).

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts

Anna L. Peters
*graduated in 2021 with a Bachelors degree in Philosophy,
 Politics and Economics from King's College London in London, United Kingdom.*

KEYWORD: Euthanasia, Consent, Ethics, Criminal Law, Public Health, Hospice

ABSTRACT

Suicide is legal in almost every country, but places where euthanasia is permitted remain in the minority (Mishara and Weisstub 2016). In many legislatures, suicide is not a criminal act. It is, however, a criminal act for you to assist me in this, either indirectly by providing the means (assisted suicide), or directly by performing the fatal act (euthanasia), even if I ask for your assistance. This dichotomy is emblematic of a pattern that can be found in many legal systems: person B – the agent, throughout – is prohibited from doing to person A – the principal, throughout – with their valid consent, or assisting them in doing, something which person A is permitted to do to themselves. Other behaviours frequently treated in the same manner are serious bodily harm, or drug use[1] (Ferreira 2017). The question is whether this is justified – whether we can prohibit consensual harm to others whilst not prohibiting the same harm if it is done to oneself.[2]

Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий, касающихся себя и других

Анна Л. Питерс
 окончила в 2021 году Королевский колледж Лондона в Лондоне,
 Великобритания, со степенью бакалавра философии, политики и экономики.

Ключевые слова: Согласие на эвтаназию, Этика, Уголовное право, Общественное здравоохранение, Хоспис

Аннотация.

Самоубийство легально почти в каждой стране, но места, где разрешена эвтаназия, остаются в меньшинстве (Мишара и Вайсштуб, 2016). Во многих законодательных органах самоубийство не является уголовно наказуемым деянием. Однако с вашей стороны является преступлением помогать мне в

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

этом, либо косвенно, предоставляя средства (ассистированное самоубийство), либо непосредственно совершая акт со смертельным исходом (эвтаназия), даже если я попрошу вас о помощи. Эта дихотомия символизирует модель, которую можно найти во многих правовых системах: лицу В – агенту, во всех отношениях – запрещено делать с лицом А – принципалом, во всех отношениях – с их действительного согласия или помогать им в выполнении чего-либо, что лицу А разрешено делать с самим собой. Другими видами поведения, которые часто рассматриваются таким же образом, являются серьезные телесные повреждения или употребление наркотиков[1] (Феррейра, 2017). Вопрос в том, оправдано ли это – можем ли мы запретить причинение вреда другим по обоюдному согласию, не запрещая при этом такой же вред, если он причинен нам самим.[2]

Любой юридический запрет является ограничением свободы личности, и ведутся обширные дебаты о том, когда такие нарушения оправданы. Одним из известных предложений является принцип вреда Милля (1909), который утверждает, что единственная причина, по которой власть может быть осуществлена над кем-либо, как это сделала бы криминализация, – это предотвращение причинения вреда другим лицам. Другие, такие как Ханна (2018), поддерживают более патерналистские взгляды, согласно которым допустимо вмешиваться в чью-либо свободу, если это для их же блага. Однако независимо от того, где установлено такое ограничение, возникает, по-видимому, особая загадка, когда мы считаем допустимым, чтобы кто-то совершил действие против себя, но не вовлек другого человека в то же самое действие. Участие другого лица должно представлять собой морально или юридически значимое различие, такое, что тогда государству становится допустимым вмешиваться как в свободу агента совершать действие, так и в свободу принципала совершать действие.

В этой статье я рассматриваю различные попытки объяснить эту очевидную загадку, особенно в отношении законности самоубийства и одновременной незаконности эвтаназии. Я использую эвтаназию в качестве примера по двум причинам. Во-первых, ряд аргументов, которые,

на мой взгляд, не могут быть оценены по достоинству без ссылки на конкретный пример более общей головоломки – вопросы о практическом применении нормативных актов, например, по своей природе требуют изучения конкретных нормативных актов. Во-вторых, я выбрал эвтаназию, а не другой случай причинения вреда по обоюдному согласию, поскольку различные аспекты головоломки в ней наиболее актуальны. Это, в некотором смысле, самый большой вред (или наиболее долговременный), который может быть причинен, и как таковой вызывает опасения по поводу вреда, связанного с другими, в их наиболее мощной форме.

Чтобы оставаться в рамках представленной мною головоломки, я работаю с предположениями о том, что а) в нашей жизни есть области, в которые государство не может допустимо вмешиваться, и б) что сами действия (т.е. когда они совершаются над самим собой) подпадают под эти области. Однако это не эквивалентно утверждению о том, что индивиды морально оправданы, совершая эти действия над самими собой. Возможно, государству просто не следует вмешиваться в действия, направленные на самоуважение, какими бы морально неправильными они ни были. Аргументы, приведенные в этой статье, не относятся к действиям, в отношении которых предположение о том, что они должны быть юридически допустимыми, если совершаются над самим собой, не имеет си-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

лы, и поэтому я не пытаюсь прийти к какому-либо выводу по ним. Например, вопрос о том, должно ли добровольное рабство быть юридически разрешено, не рассматривается – рабство представляет собой властные отношения между индивидами, и было бы бессмысленно обсуждать, может ли кто-то допустимо быть своим собственным рабом. Кроме того, я не рассматриваю случаи, в которых доверитель не намерен давать свое полное добровольное согласие.

Я также исхожу из того, что свобода имеет для нас фундаментальное значение и что любое посягательство на нее должно быть оправдано. Из этого следует, что бремя доказывания лежит на стороне защитника такого нарушения. Поскольку необходимо адекватное обоснование любого нарушения нашей свободы, нам нужно только показать, что ни одна из приведенных причин не является удовлетворительной, чтобы продемонстрировать, что нарушение является неоправданным. Я считаю важность свободы относительно бесспорной и принимаю ее в этой статье, поскольку мое внимание сосредоточено на конкретной межличностной проблеме, присутствующей в наших расходящихся суждениях о том, что я могу сделать с собой и на что я могу согласиться, чтобы со мной поступили. Я рассматриваю наиболее убедительные аргументы в пользу запрета участия другого лица в действиях, разрешенных иным образом, которые можно разделить на три категории: 1. Директор не имеет права давать согласие – когда кто-то дает свое согласие, он действует не совсем добровольно или он психически болен, и мы не можем считать его способным принять такое решение. 2. Как эгоистичные, так и ориентированные на других формы деяния морально допустимы, но у государства есть практические причины относиться к ним по-разному. Юридический запрет на эвтаназию может быть необходим, например, потому, что невозможно гарантировать, что убиваемый человек дал дей-

ствительное согласие. 3. Агенту не разрешается совершать это действие, даже при наличии действительного согласия принципала. Это может быть связано с тем, что действие агента является противоправным независимо от наличия согласия, или потому, что у агента есть особая обязанность не совершать такое действие.

Я утверждаю, что все эти аргументы неудовлетворительны. Первый набор аргументов не дает удовлетворительного ответа на наш пример эвтаназии, поскольку у нас нет оснований полагать, что принудительное давление или психическое заболевание аннулируют все случаи согласия на эвтаназию. Мы можем отвергнуть второй вариант, потому что нежелательные последствия легализации эвтаназии – это всего лишь возможности, в то время как нежелательные последствия серьезного ограничения нашей свободы, обусловленного запретом эвтаназии, являются несомненными. Я утверждаю, что риск, связанный с первым, не может оправдать принятие второго. И третий набор не может служить основанием для запрета эвтаназии, поскольку действия агента не могут быть истолкованы как обязательно противоправные, а существование особых обязанностей агента по отношению к принципалу, которые помешали бы ему осуществить эвтаназию, сомнительно. Поэтому я прихожу к выводу, что не было приведено никаких удовлетворительных аргументов в обоснование запрета агенту осуществлять эвтаназию доверителю, когда последнему было бы разрешено совершить самоубийство. Это означает, что любая правовая система, которая разрешает самоубийство, но не ассистированное самоубийство или эвтаназию, неоправданно ограничивает свободу своих граждан. Это также ставит под сомнение другие запреты на действия по обоюдному согласию в отношении других, когда соответствующий акт, касающийся самого себя, является законным.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Согласие директора

Обычно считается, что согласие сводит на нет правонарушение: если мы соглашаемся на какое-либо действие, никто не причиняет нам неправомерного вреда, совершая его.³ Это объясняется его преобразующей силой: разница между изнасилованием и сексом заключается в согласии вовлеченных сторон, а также в разнице между законной передачей собственности и кража - это согласие первоначального владельца. Однако эта преобразующая сила зависит от того, является ли такое согласие действительным. Закон налагает ограничения на способность детей и лиц с психическими расстройствами давать согласие, например, таким образом, что любое очевидное согласие с их стороны фактически не отменяет противоправности причиненного им вреда⁴. Дети, например, не могут дать согласие на секс, так что любой половой акт с ними со стороны взрослого рассматривается как (законное) изнасилование. Бесспорно, что это оправдано, поскольку мало кто станет отрицать, что большинство детей еще не обладают способностью принимать важные решения, касающиеся брака, крупных сумм денег и так далее.

Государство, возможно, оправданно вмешивается в причинение вреда кому-либо без его действительного согласия.⁵ Таким образом, возможным ответом на загадку, представленную в этой статье, может быть то, что принципал на самом деле не имеет возможности дать действительное согласие, что означает, что агент неправомерно причиняет вред принципалу. Часто приводятся две основные причины категорической невозможности действительного согласия: даже возможность такого выбора ставит принципала в такое положение на переговорах, когда он оказывается вынужденным дать свое согласие (позиция, защищаемая, например, Арнесоном (1980)), или готовность дать согласие на такое действие само по себе свиде-

тельствует о психическом заболевании и, следовательно, о неспособности дать действительное согласие (аргумент, который рассматривает Бергельсон (2007)).⁶ В обоих этих случаях государство было бы оправдано в привлечении агента к уголовной ответственности, поскольку согласие принципала никогда не является действительным. Кроме того, у государства было бы оправдание не криминализировать подобные действия, если они носят корыстный характер, поскольку наша неспособность дать согласие на конкретное действие также освобождает нас от уголовной ответственности за него. Тем не менее, я утверждаю, что ни один из аргументов не применим ко всем случаям, в которых дается согласие на эвтаназию, и, следовательно, не может служить основанием для ее запрета в тех случаях, когда дается действительное согласие.

Принудительное согласие

Другое частое предложение, пытающееся объяснить категорическую невозможность получения действительного согласия на такие действия, как эвтаназия, заключается в том, что такое желание является симптомом психического заболевания и демонстрирует, что доверитель не может дать действительного согласия. Эту логику можно найти как в общественном мнении, так и в юридических решениях. Например, в деле «Пипл против Сэмюэлса» утверждение ответчика о том, что причинение ему физического вреда (порка во время съемок порнографического фильма) было совершено по обоюдному согласию, было отклонено в качестве защиты от уголовной ответственности (Бергельсон, 2007, с. 27). Суд заявил, что: «общеизвестно, что нормальный человек, полностью владеющий своими умственными способностями, не дает добровольного согласия на применение к себе силы, которая может привести к серьезным телесным повреждениям» (Бергельсон

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

2007, с. 27). Поскольку готовность доверителя согласиться на причинение такого вреда свидетельствует о психическом заболевании, которое делает данное согласие недействительным, любой агент, который, тем не менее, совершает вредное действие, виновен в причинении вреда кому-либо, кто не способен дать действительное согласие.

Как указывает Бергельсон (2007), это несколько закольцованный аргумент – если люди дают свое согласие, значит, они психически больны и, следовательно, не могут дать согласие. Тем не менее, есть случаи, в которых это рассуждение является привлекательным. Например, дело Брандеса и Мейвеса, когда Брандес согласился быть съеденным и убитым Мейвесом (Хардинг, 2003). Позже Мейвес был признан виновным в убийстве, частично основываясь на психологической оценке того, что Брандес страдал психическим расстройством и стремлением к саморазрушению, что делало недействительным его согласие (Хардинг, 2003). Было бы довольно спорно утверждать, что согласие Брандеса быть съеденным и убитым таким образом, по крайней мере, не свидетельствовало о психологическом расстройстве, которое лишило бы его способности давать согласие. Поэтому мы вынуждены прийти к выводу, что сам акт согласия является, по крайней мере в некоторых случаях, признаком того, что данное согласие фактически недействительно, а совершенное деяние представляет собой уголовно наказуемый вред.

Кто-то может задаться вопросом, почему, если желание совершить это действие является симптомом психического заболевания, оно не криминализируется, когда совершается по отношению к самому себе. Ответ на этот вопрос прост: психическое заболевание директора также освобождает его от уголовной ответственности за свои эгоистичные действия. Им не хватает умственной способности соглашаться, а сле-

довательно, и умственной способности нести ответственность за свои действия, касающиеся самих себя. Это неоспоримая точка зрения – к людям, которые психически больны и совершают преступления, относятся иначе, чем к тем, кто не является психически больным, и их осуждение за эти преступления имеет разные последствия. Таким образом, когда директор считается психически больным, он не может быть привлечен к уголовной ответственности за причинение вреда самому себе, но он также не может дать действительного согласия на причинение ему вреда.

Однако существуют сценарии, в которых обвинение в том, что согласие само по себе является симптомом психического заболевания, кажется скорее морализаторством, чем реальным медицинским диагнозом. Это особенно заметно по тому, как рассматриваются пограничные случаи. Например, в судах США обычно разрешается бичевание по религиозным мотивам, в то время как сексуальное бичевание запрещено (Bergelson 2007, стр. 20-22). Почему чье-то желание сексуального удовлетворения через боль должно быть менее разумным, чем чье-то желание религиозного удовлетворения через боль? В таких случаях оценки способности индивида дать согласие, по-видимому, имеют меньшее отношение к его фактической умственной компетентности, чем к личным моральным мнениям тех, кто выносит решение. Одним из способов проявления морализма является распространение моральных суждений на те области нашей жизни, в которых они неуместны (Archer 2018, стр. 343). Здесь явно имеет место именно это – независимо от того, является ли религиозное бичевание более морально допустимым, чем сексуальное, трудно понять, какое отношение такие моральные суждения имеют к медицинской оценке способности агента дать действительное согласие. Очень опасно таким образом смешивать нравственность наших ре-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

шений с нашей способностью принимать решения - сама концепция автономии требует, чтобы мы уважали других людей как рациональных личностей, несмотря на то, что они делают выбор, с которым мы можем не соглашаться. Если мы начнем смешивать рациональность с моралью, то окажемся в ситуации, в которой любой, кто действует так, как мы считаем неправильным, должен рассматриваться как не обладающий компетенцией принимать самостоятельные решения.⁸ Короче говоря, обвинение в том, что согласие на какое-либо действие само по себе является симптомом психического заболевания, заводит нас на территорию, где фактическая психическая компетентность индивида становится менее значимой, чем наше согласие или несогласие с его выбором.

Более того, бывают случаи, когда совершенно ясно, что согласие директора не является признаком психического заболевания. Возьмем наш пример эвтаназии. Противник эвтаназии мог бы использовать обвинение в психическом заболевании следующим образом: желание смерти и мысли о самоубийстве являются основными симптомами и компонентами психических заболеваний, таких как депрессия. Таким образом, люди, которые хотят умереть, скорее всего, страдают таким психическим заболеванием и не обладают умственными способностями, необходимыми для предоставления действительного согласия на эвтаназию. Однако я утверждаю, что нам следовало бы очень неохотно и даже было бы неправильно утверждать, что для неизлечимо больного человека, которому предстоят месяцы медленного и болезненного приближения к смерти, просить о милосердном, безболезненном конце не может быть разумным выбором. Конечно, могут быть случаи, когда желание смерти не является здравым желанием компетентного ума, а скорее следствием психического заболевания. Однако мы не можем обобщать существование некоторых слу-

чаев, когда согласие недействительно, на утверждение о том, что действительное согласие невозможно.⁹ Короче говоря, аргумент о том, что любой, кто дает согласие на эвтаназию, психически болен, и, следовательно, действительного согласия на эвтаназию не существует, не имеет силы и не может оправдать категорический запрет эвтаназии. Это не означает, что возможность действительного согласия должна привести нас к одобрению эвтаназии, а только к тому, что это лишает законной силы причину не одобрять эвтаназию.

В этом разделе я доказывал, что мы можем отвергнуть утверждение о том, что нам юридически не разрешено давать согласие на действия, которые нам было бы разрешено совершать в отношении самих себя, поскольку невозможно дать действительное согласие на эти действия. Аргументы, утверждающие, что юридическая возможность эвтаназии является принудительной, не учитывают реальных возможностей индивида; возможность самоубийства достаточно близка к эвтаназии, чтобы легализация эвтаназии, если самоубийство уже легализовано, не могла оказать достаточного принудительного давления. Кроме того, аргумент о том, что согласие на эвтаназию является симптомом психического заболевания, может быть моралистическим и не учитывает, что такое решение часто является очень рациональным для людей, страдающих от болезненных неизлечимых заболеваний. Следовательно, проблемы с согласием физического лица не могут служить основанием для того, чтобы государство ограничивало юридическую способность доверителя давать согласие на действия, которые ему было бы юридически разрешено совершать в отношении самих себя. Если запрет на эвтаназию и подобные действия, касающиеся других лиц, оправдан, то основание для такого оправдания должно быть найдено где-то в другом месте.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

Практические соображения

Теперь мы увидели, что мы не можем отвергать возможность действительного согласия на такие действия, как эвтаназия, и таким образом оправдать юридическое ограничение нашей способности давать согласие на эти действия. Однако это просто означает, что мы отвергаем аргумент о том, что согласие на эвтаназию и подобные действия не могут быть действительными, и некоторые будут утверждать, что это не совсем соответствует соображениям о том, что должно быть юридически допустимым. Даже если допустить, что и эвтаназия, и самоубийство могут быть морально допустимы¹⁰, могут существовать соображения, отличные от соображений моральной допустимости согласия, которые влекут за собой то, что эвтаназия, тем не менее, должна быть юридически недопустимой. Существует, во-первых, важный вопрос о том, существуют ли осуществимые и надежные методы определения того, является ли согласие действительным в конкретном случае. В этом разделе я сосредоточусь непосредственно на эвтаназии, чтобы иметь возможность рассмотреть конкретные практические вопросы и их последствия. Это не означает, что практические последствия отдельных действий, касающихся других лиц, сопряжены с одинаковыми компромиссами. Однако это может быть воспринято как указание на возможные направления аргументации в отношении этих других действий и демонстрирует, что такой практический аргумент не является решающим основанием для запрета всех согласованных действий, касающихся других лиц, поскольку есть по крайней мере одно, к которому он неприменим. Аргумент против эвтаназии и подобных действий, касающихся других лиц, может звучать так: если это тот случай, когда невозможно (или слишком сложно) гарантировать, что эвтаназию получают только лица, давшие действительное согласие, то оправданно запретить эвтаназию в целом в качестве меры

защиты тех, кто в противном случае был бы подвергнут эвтаназии. убиты против их воли. Как выразились Боссхард и др. (2008, стр. 31), это “область, в которой чрезвычайно трудно установить соответствующие критерии принятия решений, но, в то же время, любое неправильное решение имеет далеко идущие и необратимые последствия”.

Фактически, аргументы, основанные на невозможности определить, являются ли действительными отдельные случаи согласия на эвтаназию, часто приводились судами в их утверждениях о запрете эвтаназии (Бешле, 2013). Опасения по поводу установления действительности согласия часто совпадают с вопросами, обсуждавшимися в первом разделе: как нам установить, что доверитель не подвергался принуждению и что он способен дать действительное согласие? Возможно ли определить конкретный набор критериев, которые позволили бы нам гарантировать, что случаи предположительно добровольной эвтаназии на самом деле не являются случаями убийства по обоюдному согласию?¹¹ Если мы не сможем ответить на этот вопрос положительно, то есть если мы не сможем разработать осуществимый механизм для обеспечения действительности согласия, тогда юридический запрет эвтаназии может быть оправдан. В этом разделе я рассматриваю эти практические проблемы.¹² Я прихожу к выводу, что, хотя регулирование эвтаназии действительно сложно, проблемы, существующие в юрисдикциях, где это законно, вероятно, могут быть смягчены. Более того, эти трудности и связанный с ними (низкий) риск того, что эвтаназия без согласия может провалиться, не могут перевесить ущемление нашей автономии и свободы, связанное с запретом эвтаназии.

Сложность определения согласия

При рассмотрении практических проблем, связанных с легальной эвтаназией, полезно

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

изучить ситуацию в юрисдикциях, где она фактически легальна, таких как Нидерланды (Jochemsen and Keown, 1999). Это позволяет нам изучить, как эти юрисдикции решили ответить на вышеуказанные вопросы, и оценить, как эти ответы реализуются. В Нидерландах эвтаназия и ассистированное самоубийство легальны при очень специфических условиях: пациенты должны обращаться с просьбой “искренне и с полной убежденностью” (эвтаназия, ассистированное самоубийство и не реанимация по запросу и т.д.). Это может быть сделано по предварительному распоряжению, и несовершеннолетние в возрасте от 12 лет могут обратиться с такой просьбой (с согласия родителей до достижения 16-летнего возраста и при участии родителей, но без необходимости их согласия после достижения 16-летнего возраста) (эвтаназия, ассистированное самоубийство и не реанимация по запросу n.d.). Если врач убежден, что просьба была добровольной, поданной пациентом, испытывающим невыносимые страдания и хорошо информированным об альтернативах лечения, и врач проконсультировался с другим врачом, который дал свою оценку этим критериям в письменной форме, врачу по закону разрешается провести эвтаназию (Приложение 1 2011). После проведения эвтаназии врач обязан сообщить об этом муниципальному патологоанатому, который, в свою очередь, информирует одну из пяти контрольных комиссий, которые следят за тем, чтобы была оказана надлежащая помощь (эвтаназия, ассистированное самоубийство и не реанимация по запросу и т.д.).

Однако этих положений, по-видимому, недостаточно. Статистические обследования показывают, что жизнь ряда пациентов в Нидерландах была сокращена без явного запроса 13 – например, в одном исследовании в 1995 году было выявлено 900 таких случаев (Jochemsen and Keown 1999, стр. 17-18). Это пугающие

цифры, которые подтверждают аргумент о том, что, по крайней мере, в Нидерландах, регулирование не способно предотвратить злоупотребление законом и недостаточно способно защитить пациентов от убийства по обоюдному согласию. Действительно, положение о том, что врачи сами должны добровольно сообщать информацию о том, что имела место эвтаназия, по-видимому, способствует такому отсутствию контроля, поскольку о большинстве случаев эвтаназии даже не сообщается в комитеты по рассмотрению, и как таковые они не подлежат никакому надзору (Jochemsen and Keown 1999, стр. 19). Такие авторы, как Йохемсен и Киоун (1999) и Аллен (2006), основываясь на этих цифрах, утверждают, что попытки легально регулировать эвтаназию в Нидерландах потерпели неудачу. Эта оценка, однако, не является бесспорной. Совершенно независимо от того факта, что голландская общественность по-прежнему выступает за эвтаназию в соответствии с действующими правилами (Cohen et al., 2006), другие исследования, касающиеся регулирования эвтаназии в Нидерландах, часто приводили к более положительным результатам. В 2012 году Верховный суд Британской Колумбии в Канаде постановил, что нормативные акты Нидерландов¹⁴ в целом “хорошо защищают пациентов от жестокого обращения, позволяя компетентным пациентам выбирать время своей смерти” (Бешле, 2013, с. 576).¹⁵ Действительно, хотя отчетность в этих юрисдикциях была признана неидеальной, судьи сочли регулирование достаточно эффективным, чтобы полный запрет эвтаназии не был обоснованным (Beschle 2013). Тем не менее, хотя масштабы проблем могут быть несколько спорными, очевидно, что существуют проблемы с голландским регулированием эвтаназии, которое в некоторых случаях приводит к совершению убийств без согласия и остается безнаказанным.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Относительный риск

Хотя регулирование легализованной эвтаназии представляет большие трудности, далеко не очевидно, что они достаточно серьезны, чтобы оправдать запрет. Во-первых, даже если действующие нормативные акты в таких странах, как Нидерланды, не идеальны, это не означает, что они не могут быть улучшены или что эффективное регулирование эвтаназии обязательно невозможно. И, во-вторых, риски, присутствующие легализации эвтаназии, связанные с этими недостатками в системе регулирования (что кто-то может быть убит без его согласия), должны быть сопоставлены с рисками, присутствующими запрещению эвтаназии (что у кого-то отнимают достоинство и ущемляют его автономию). Я утверждаю, что последнее побеждает, так что запрет эвтаназии не может быть оправдан практическими рисками, связанными с легализацией.

Фактически, аргументы, основанные на невозможности определить, являются ли действительными отдельные случаи согласия на эвтаназию, часто приводились судами в их утверждениях о запрете эвтаназии (Бешле, 2013). Опасения по поводу установления действительности согласия часто совпадают с вопросами, обсуждавшимися в первом разделе: как нам установить, что доверитель не подвергался принуждению и что он способен дать действительное согласие? Возможно ли определить конкретный набор критериев, которые позволили бы нам гарантировать, что случаи предположительно добровольной эвтаназии на самом деле не являются случаями убийства по обоюдному согласию?¹¹ Если мы не сможем ответить на этот вопрос положительно, то есть если мы не сможем разработать осуществимый механизм для обеспечения действительности согласия, тогда юридический запрет эвтаназии может быть оправдан. В этом разделе я рассматриваю эти практические проблемы.¹² Я прихожу к вы-

воду, что, хотя регулирование эвтаназии действительно сложно, проблемы, существующие в юрисдикциях, где это законно, вероятно, могут быть смягчены. Более того, эти трудности и связанный с ними (низкий) риск того, что эвтаназия без согласия может провалиться, не могут перевесить ущемление нашей автономии и свободы, связанное с запретом эвтаназии.

Сложность определения согласия

При рассмотрении практических проблем, связанных с легальной эвтаназией, полезно изучить ситуацию в юрисдикциях, где она фактически легальна, таких как Нидерланды (Jochemsen and Keown, 1999). Это позволяет нам изучить, как эти юрисдикции решили ответить на вышеуказанные вопросы, и оценить, как эти ответы реализуются. В Нидерландах эвтаназия и ассистированное самоубийство легальны при очень специфических условиях: пациенты должны обращаться с просьбой "искренне и с полной убежденностью" (эвтаназия, ассистированное самоубийство и не реанимация по запросу и т.д.). Это может быть сделано по предварительному распоряжению, и несовершеннолетние в возрасте от 12 лет могут обратиться с такой просьбой (с согласия родителей до достижения 16-летнего возраста и при участии родителей, но без необходимости их согласия после достижения 16-летнего возраста) (эвтаназия, ассистированное самоубийство и не реанимация по запросу n.d.). Если врач убежден, что просьба была добровольной, поданной пациентом, испытывающим невыносимые страдания и хорошо информированным об альтернативах лечения, и врач проконсультировался с другим врачом, который дал свою оценку этим критериям в письменной форме, врачу по закону разрешается провести эвтаназию (Приложение 1 2011). После проведения эвтаназии врач обязан сообщить об этом муниципальному патологоанатому, который, в свою очередь, ин-

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

формирует одну из пяти контрольных комиссий, которые следят за тем, чтобы была оказана надлежащая помощь (эвтаназия, ассистированное самоубийство и не реанимация по запросу и т.д.).

Однако этих положений, по-видимому, недостаточно. Статистические обследования показывают, что жизнь ряда пациентов в Нидерландах была сокращена без явного запроса 13 – например, в одном исследовании в 1995 году было выявлено 900 таких случаев (Jochemsen and Keown 1999, стр. 17-18). Это пугающие цифры, которые подтверждают аргумент о том, что, по крайней мере, в Нидерландах, регулирование не способно предотвратить злоупотребление законом и недостаточно способно защитить пациентов от убийства по обоюдному согласию. Действительно, положение о том, что врачи сами должны добровольно сообщать информацию о том, что имела место эвтаназия, по-видимому, способствует такому отсутствию контроля, поскольку о большинстве случаев эвтаназии даже не сообщается в комитеты по рассмотрению, и как таковые они не подлежат никакому надзору (Jochemsen and Keown 1999, стр. 19). Такие авторы, как Йохемсен и Киоун (1999) и Аллен (2006), основываясь на этих цифрах, утверждают, что попытки легально регулировать эвтаназию в Нидерландах потерпели неудачу. Эта оценка, однако, не является бесспорной. Совершенно независимо от того факта, что голландская общественность по-прежнему выступает за эвтаназию в соответствии с действующими правилами (Cohen et al., 2006), другие расследования, касающиеся регулирования эвтаназии в Нидерландах, часто приводили к более положительным результатам. В 2012 году Верховный суд Британской Колумбии в Канаде постановил, что нормативные акты Нидерландов¹⁴ в целом “хорошо защищают пациентов от жестокого обращения, позволяя компетентным пациентам выбирать время

своей смерти” (Бешле, 2013, с. 576).¹⁵ Действительно, хотя отчетность в этих юрисдикциях была признана неидеальной, судьи сочли регулирование достаточно эффективным, чтобы полный запрет эвтаназии не был обоснованным (Beschle 2013). Тем не менее, хотя масштабы проблем могут быть несколько спорными, очевидно, что существуют проблемы с голландским регулированием эвтаназии, которое в некоторых случаях приводит к совершению убийств без согласия и остается безнаказанным.

Относительный риск

Хотя регулирование легализованной эвтаназии представляет большие трудности, далеко не очевидно, что они достаточно серьезны, чтобы оправдать запрет. Во-первых, даже если действующие нормативные акты в таких странах, как Нидерланды, не идеальны, это не означает, что они не могут быть улучшены или что эффективное регулирование эвтаназии обязательно невозможно. И, во-вторых, риски, присущие легализации эвтаназии, связанные с этими недостатками в системе регулирования (что кто-то может быть убит без его согласия), должны быть сопоставлены с рисками, присущими запрещению эвтаназии (что у кого-то отнимают достоинство и ущемляют его автономию). Я утверждаю, что последнее побеждает, так что запрет эвтаназии не может быть оправдан практическими рисками, связанными с легализацией.

Во-первых, неправдоподобно утверждать, что недостатки голландской системы регулирования эвтаназии непоправимы. Есть некоторые, кто предполагает, например, что надлежащее осуществление эвтаназии должно скорее принимать форму установленной службы, за пределами клинической помощи, которая управляется междисциплинарной командой (психологи, врачи-медики, волонтеры...) и контролируется правительством (Bosshard et al., 2008, стр. 30-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

31).16 Такая система исключила бы ситуации, в которых пациент явно не просил об эвтаназии, поскольку ему пришлось бы направить запрос в службу эвтаназии, чтобы служба хотя бы узнала об их случае. В рамках этой услуги можно также установить такие процедуры, как, например, обращение заявителя к психологу и прохождение определенного периода ожидания, прежде чем получить доступ к врачу, который совершил бы акт со смертельным исходом. Такие положения предотвратили бы эвтаназию доверителя без того, чтобы кто-либо, кроме агента, был осведомлен об этом случае, и, следовательно, без надзора. Короче говоря, это могло бы решить многие проблемы, связанные с голландской системой. Я не утверждаю, что такая система обязательно была бы лучше голландской – действительно, с ней могут возникнуть и другие проблемы, такие как нехватка персонала, готового начать такую карьеру. Я просто указываю на тот факт, что неправдоподобно утверждать, что проблемы, существующие в голландской системе, не могут быть устранены. Короче говоря, весьма вероятно, что риск злоупотребления легализованной эвтаназией можно снизить путем совершенствования системы регулирования.

Однако следует признать, что даже учитывая возможность усовершенствования (возможно) приемлемой системы регулирования, вполне вероятно, что ни одна система никогда не сможет полностью предотвратить проскальзывание некоторых людей через трещины. Поэтому вопрос, который мы должны задать себе, заключается в том, готовы ли мы заплатить такую цену. Первоначальной реакцией может быть то, что это не так: не будет ли даже один несправедливо убитый человек слишком высокой ценой? Однако запрещение эвтаназии, основанное на этой мысли, было бы ошибочным, поскольку мы игнорируем цену, которую платим из-за запрета эвтаназии. Это очень сложный

вопрос, должно ли потенциальное злоупотребление каким-либо правом препятствовать нам предоставлять его тем, кто этого заслуживает, особенно когда ставки так высоки. Это далеко идущий вопрос, на который я не пытаюсь ответить. Однако я действительно полагаю, что такие соображения, безусловно, должны приниматься во внимание с учетом относительных рисков, а также важности рассматриваемого права.¹⁷ Было бы очень трудно утверждать, например, что дееспособным взрослым должно быть законодательно запрещено давать согласие на сексуальные действия и участвовать в них из-за возможности сексуального насилия и трудностей, с которыми может столкнуться государство при определении того, было ли дано согласие в отдельных случаях. Это связано с тем, что мы считаем право на сексуальную активность настолько важным, что риск для наших интересов в случае запрета намного выше, чем риск для наших интересов в результате нападения в случае злоупотребления легализацией деятельности по обоюдному согласию.

Я не утверждаю, что эвтаназия является таким же очевидным случаем, как сексуальная активность, поскольку мы придаем очень большое значение как нашей автономии и желанию достойной смерти по нашему выбору, если это возможно, так и нашей жизни и желанию защитить себя от смерти, которой мы не хотим. Однако я полагаю, что соответствующие соображения идут параллельно: мы должны решить, является ли риск того, что наша автономия и право принимать важные личные решения будут нарушены запретом, который лишает нас возможности выбрать смерть путем эвтаназии, большим или меньшим, чем риск того, что наша автономия и право на жизнь будут нарушены запретом, который лишает нас возможности выбрать смерть путем эвтаназии. быть нарушенным в результате злоупотребления легализацией эвтаназии. Я утверждаю, что мы должны

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

взвесить первый риск как более важный, чем второй, то есть мы должны рассматривать риски, связанные с запретом, как более высокие, чем риски, связанные с легализацией. Это основано не на сравнении прав, которые могут быть нарушены в каждом случае¹⁸, а скорее на простом факте, что при запрете эвтаназии мы можем быть уверены, что люди, желающие умереть с помощью эвтаназии, будут ущемлены в своей автономии, поскольку им не будет разрешено пройти через это. с их желанием – риск нарушения автономии индивидов настолько высок, что, по сути, является несомненным.¹⁹ С другой стороны, риск, связанный с легализацией, значительно ниже. Хотя опасность существует, ее можно уменьшить с помощью регулирования. Даже в соответствии с голландской системой регулирования риск жестокого обращения остается риском, а не гарантией – пациенты, которые попадают в больницу, не боятся, что врач, скорее всего, произведет над ними нежелательную эвтаназию. И, как я утверждал выше, очень правдоподобно утверждать, что даже эта опасность может быть уменьшена путем совершенствования системы регулирования, так что эффективный риск в рамках хорошо регулируемой программы эвтаназии очень низок. Точка зрения о том, что относительный риск, связанный с запретом, должен перевешивать риск, связанный с легализацией, также высказана Дворкиным и др. (1997, III, пункт 2).⁵), которые заявляют, что было бы ошибкой утверждать, что “государство может обоснованно считать, что риск “ошибки” для некоторых лиц оправдывает запрет, который не только рискует, но и пугает и даже направлен на то, что, несомненно, было бы значительно большим числом “ошибок” противоположного рода – предотвращение многие тысячи компетентных людей, которые думают, что это уродует их жизнь, продолжают жить единственным оставшимся у них

способом избежать этой – для них – ужасной травмы”.

Во втором разделе я рассмотрел аргумент о том, что практические трудности, связанные с регулированием эвтаназии, оправдывают ее юридический запрет, независимо от моральной допустимости эвтаназии в отдельных случаях. Я обнаружил, что регулировать эвтаназию сложно и что обеспечение действительности согласия в отдельных случаях представляет собой важную проблему. Однако я утверждал, что этих практических соображений недостаточно для оправдания полного запрета эвтаназии. Недостатки, присутствующие в некоторых системах регулирования, таких как Нидерланды, более точно описываются как области, где возможно улучшение, а не как неизбежные особенности системы легализованной эвтаназии. В такой усовершенствованной системе риск злоупотреблений, вероятно, будет низким. Наконец, поэтому я утверждал, что было бы неоправданно запрещать компетентным лицам, для которых морально допустимо получать эвтаназию, делать это, чтобы исключить очень низкий риск того, что кто-то может получить ее несправедливо. По сути, это было бы сделано для того, чтобы гарантировать нарушение права некоторых лиц принимать личные решения, чтобы предотвратить (низкую) вероятность нарушения прав некоторых других лиц в результате злоупотреблений, а не как необходимое следствие такого закона. Хотя основное внимание в этом разделе было уделено эвтаназии, чтобы облегчить рассмотрение конкретных практических соображений, тем не менее, это актуально для аналогичных действий, касающихся других лиц. Во-первых, это указывает на неадекватность такого практического аргумента и, таким образом, служит примером того, как можно рассматривать другие запреты. Кроме того, это демонстрирует, что эти практические соображения не могут служить адекватным оправданием для всех по-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

добных запретов – существует по крайней мере один запрет (на эвтаназию), для которого этого недостаточно.

Недопустимость действий агента

В двух предыдущих разделах я рассмотрел аргументы против легализации действий, касающихся других лиц, связанных с проблемами, связанными с согласием. Я утверждал, что ни предположение о том, что невозможно дать действительное согласие на такие действия, ни озабоченность тем, что практические проблемы препятствуют эффективному регулированию, не являются достаточными для обоснования юридического запрета, учитывая, что соответствующий самоуважительный акт разрешен. Однако приведенный в предыдущем разделе аргумент о том, что мы должны сопоставлять низкий риск злоупотреблений с высокой важностью права на эвтаназию, основывается на предположении, что мы считаем эвтаназию ценным правом в той мере, в какой оно является фундаментальным выражением нашей автономии. Это третья основная категория аргументов в пользу запрета таких действий, как эвтаназия – сам акт недопустим. Это смещение акцента – мы переходим от изучения согласия принципала к изучению действий агента. Есть два возможных способа, с помощью которых действия агента могут рассматриваться как недопустимые: во-первых, некоторые философы утверждают, что любое посягательство на достоинство или, что еще хуже, уничтожение личности другого человека является неправильным без исключения. Таким образом, даже действительное согласие не может аннулировать противоправность такого деяния. Во-вторых, можно задать вопросом, есть ли у агентов особые обязанности, которые препятствовали бы им выполнять данное действие. Например, обычно считается, что у врачей – исполнителей эвтаназии – есть очень специфический набор профес-

сиональных этических норм, включая, как полагают некоторые, обязанность не убивать намеренно. Следовательно, дело не в том, что эвтаназия как таковая является противоправной, а скорее в том, что нет агента, для которого ее осуществление не было бы противоправным.²⁰ Как и в предыдущих разделах, я утверждаю, что этих рассуждений недостаточно для обоснования категорического запрета таких действий, как эвтаназия. В частности, я подвергаю сомнению деление, проводимое Веллеманом между достоинством и нашими интересами, и утверждаю, что в соответствии с (более точной) концепцией достоинства как неотъемлемо связанного с нашими интересами, мы не можем променять одно на другое. Далее, я полагаю, что обязанность врачей не убивать является невыполнимой, так что это также не может оправдать запрет эвтаназии.

Достоинство, индивидуальность и смерть

Аргумент о том, что соображения достоинства и индивидуальности оправдывают запрет на причинение вреда другим по обоюдному согласию, поддерживают такие философы, как Веллеман и Бейкер. Веллеман (1999), например, сформулировал то, что он называет аргументом обмена, который утверждает, что люди не могут торговать своим достоинством или индивидуальностью в обмен на выгоды или во избежание вреда. Это связано с тем фактом, что достоинство человека имеет ценность, отдельную от его интересов – последние полностью зависят от него, в то время как “его достоинство – это ценность, в отношении которой его мнение имеет не больший вес, чем мнение кого-либо другого” (Веллеман, 1999, с. 611). Согласно Веллеману (1999), достоинство – это ценность, присущая человеку, которой он обладает просто в силу своей индивидуальности и которая не связана с ценностью, которую он может иметь

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии ФГУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

для других. Ущемление чьего-либо достоинства, даже нашего собственного, наносит вред не только личности, но и подрывает всю концепцию индивидуальности (Веллеман, 1999). Веллеман (1999, с. 614) далее считает, что “торговля своей личностью в обмен на выгоды или избавление от вреда принижает ценность личности, уважение к которой является критерием морали”. Обменивая наше достоинство на наши интересы, мы говорим, что наше достоинство имеет ценность в зависимости от того, как оно служит нашим интересам, а не независимо друг от друга. Таким образом, аргумент об обмене предполагает, что торговля нашим достоинством ради продвижения наших интересов имеет первостепенное значение для утверждения о том, что ценность достоинства и индивидуальности играет важную роль. Этот аргумент может быть применен к любой форме физического вреда – действительно, Бейкер (2009) поддерживает очень похожий аргумент против любой формы серьезного вреда или смерти. Однако это особенно относится к эвтаназии, поскольку смерть влечет за собой не просто причинение вреда, но и уничтожение личности. Кроме того, Веллеман (1999) не предполагает, что этот аргумент влечет за собой моральную недопустимость эвтаназии во всех случаях.²¹ Скорее, он предполагает, что соображения достоинства и индивидуальности должны привести нас к выводу, что у нас не должно быть права на эвтаназию (Velleman 1999). Исходя из этого, Веллеман (1999) приходит к выводу, что риски, которые он связывает с легальной эвтаназией – принудительное давление, которое она может оказать, как подробно описано в первом разделе, – настолько велики, что оправдывают ее запрет.

Хотя я отрицаю предположение о том, что легализованная эвтаназия создает значительную силу принуждения²², в этом аргументе есть более глубокая проблема: неправдоподобный

разрыв между достоинством и автономией, который он предписывает. Хотя я склонен согласиться с Веллеманом в том, что человек не может больше не иметь ценности как человеческое существо, я не думаю, что то же самое верно в отношении содержания или выражения его достоинства. Уважение к личности тесно связано с уважением к ее автономии – признавая способность индивида делать свой собственный выбор, мы признаем его как личность, как самоцель и как обладающего равной моральной ценностью. Предположение о том, что уважение автономии индивидов в отношении выражения их достоинства гораздо менее притянуто за уши, чем можно было бы подумать. Веллеман (1999, с. 618) утверждает, что в тех немногих случаях, когда эвтаназия была бы морально допустима, любое ее осуществление должно было бы осуществляться в соответствии с пожеланиями пациента. Однако, если люди могут не получать эвтаназию, когда это нанесло бы ущерб их достоинству, независимо от их желаний, почему им должно быть разрешено отказаться от эвтаназии, когда это наносит ущерб их достоинству, обрекая их на недостойную жизнь? Я утверждаю, что уважение к желанию пациента жить, независимо от того, как будет выглядеть его жизнь впоследствии, является важным компонентом признания его личности и уважения его достоинства. Само значение, которое мы придаем эвтаназии, осуществляемой только по желанию пациента, демонстрирует, что уважение к автономии людей имеет важное значение для их индивидуальности. Таким образом, я утверждаю, что достоинство требует уважения автономии индивида, и что нет никаких причин, по которым эта автономия должна распространяться только на его интересы, а не на форму его достоинства. Это никоим образом не противоречит утверждению о том, что индивиды не могут выбирать, имеют ли они ценность как личности, обладают ли они достоинством.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

Короче говоря, моя концепция достоинства отличается от концепции Веллемана в одном ключевом аспекте: там, где Веллеман рассматривает достоинство как нечто отличное и отделенное от наших интересов, я скорее предполагаю, что, хотя они и не являются одним и тем же, они также не полностью независимы друг от друга. Таким образом, было бы ошибкой утверждать, что мы не должны обменивать свою индивидуальность на наши интересы, поскольку преследование последних влечет за собой уважение первых.

Веллеман (1999, с. 625) пытается дискредитировать такую концепцию достоинства как взаимосвязанную с автономией, указывая на концепцию самоуважения: «если бы было невозможно унизить себя в погоне за своими интересами, то не было бы такого понятия, как самоуважение». Однако концепция самоуважения, безусловно, отличается от нашей концепции достоинства и индивидуальности. Понятие самоуважения обычно используется в морализаторской форме, с внешней точки зрения того, кто не согласен с выбранным индивидом жизненным путем. Можно услышать, например, как кто-то комментирует «неужели у них нет самоуважения?» о госте вечеринки, который перебрал с алкоголем. Однако неясно, каким образом решение выпить подорвет чью-либо ценность как личности. Короче говоря, концепция самоуважения позволяет нам выражать неодобрение выбору другого человека, возможно, даже тому выбору, который касается его достоинства и индивидуальности, но не ясно, связано ли такое неодобрение на самом деле с подлинным вредом, который люди наносят своему достоинству. Я утверждал, что такие философы, как Веллеман и Бейкер, ошибочно создают искусственный разрыв между достоинством и автономией. Как только этот пробел будет устранен, станет далеко не ясно, каким образом уважение индивидуального выбора того, как выгля-

дела бы достойная смерть, не должно быть правом, предоставляемым людям именно из уважения к их автономии и достоинству.²³

Природа агента

Другой способ, с помощью которого действия агента могут рассматриваться как проблематичные, - это с точки зрения конкретных обязанностей, которые у него есть. Частое обвинение против легализации эвтаназии заключается не в том, что она сама по себе морально недопустима, а в том, что те, кто будет ее осуществлять - врачи - обязаны профессиональной этикой не убивать намеренно другого человека. В Германии, например, эвтаназия в принципе не является незаконной, но участие врача нарушило бы их кодекс поведения и их юридическую обязанность спасать жизни (Bosshard et al., 2008, стр. 28). Такой аргумент также дает удовлетворительный ответ на вопрос о том, почему соответствующий акт самоуважения не запрещен: люди не несут по отношению к себе тех же обязанностей, что врач по отношению к своим пациентам, поэтому совершение самоубийства не нарушает таких обязанностей. Однако это не тот аргумент, который нельзя с такой же легкостью выдвинуть против других действий, поскольку в них часто не участвует агент, который выполняет такие конкретные и формализованные обязанности по отношению к принципалу. Если бы я попросил своего друга (не являющегося врачом) отрезать мне руку, может быть целый ряд причин, по которым они не должны этого делать, но ни одна из них не заключалась бы в том, что они связаны кодексом профессиональной этики. Тем не менее, поскольку этот аргумент может быть приведен против легализации эвтаназии, что является тематическим исследованием данного эссе, я рассмотрю его.

Этот аргумент действительно привлекателен - в своих статистических анализах Босшард и др. (2008, с. 30) обнаружили, что «подавляю-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

щее большинство медицинских организаций продолжают рассматривать такую помощь как несовместимую с их кодексом профессиональной этики” и Клятвой Гиппократова, которая широко рассматривается как репрезентативная об обязанностях врачей говорится, что врачи не могут назначать смертельные лекарства (Seay, 2005). Многие воспринимают это как явный запрет на преднамеренное убийство и, следовательно, на участие в эвтаназии (Seay 2005). Даже не ссылаясь на содержание клятвы Гиппократова, не было бы спорным утверждение о том, что врачи несут особую обязанность защищать и продлевать здоровье и жизнь везде, где это возможно. Однако вопрос, как справедливо указывает Сизэй, заключается в том, может ли обязанность врачей не убивать намеренно перевешиваться другими соображениями, имеющими отношение к медицине, то есть другими обязанностями, которые они несут по отношению к своим пациентам.

Позиция, согласно которой обязанность не убивать является безусловной для врачей – что из нее нет оправданных исключений, – нежелательна и экстремальна. Сизэй (2005) указывает, что с этой позицией связаны проблемы, независимо от того, считаем ли мы обязанности соотносимыми с правами или нет.²⁴ С точки зрения обязанностей, соотносимых с правами, право, которое соотносится с обязанностью врача не убивать намеренно, может быть либо отменено, либо является пустым²⁵ (Seay 2005). Если, с другой стороны, кто-то рассматривает обязанности как не соотносимые с правами, то особые обязанности, которыми обладает врач в силу того, что он врач, вытекают из определения его профессии (Seay 2005). Таким образом, “необходимо показать, что категорический запрет убивать является частью того, что значит быть врачом” (Seay 2005, стр. 522). Однако представляется ложным утверждать, что сохранение жизни является единственной целью врача. Я

склонен согласиться с Сэем (2005) в его предположении, что целью врача также является предотвращение страданий. Частью смысла существования врача также является оказание паллиативной помощи и смягчение боли в случае изнурительной мигрени путем назначения обезболивающих, и это лишь некоторые из возможных сценариев. Если мы признаем, что облегчение страданий также является важной целью врачей, то не ясно, является ли обязанность не убивать невыполнимой. Вероятно, возникнут сценарии, в которых врачу придется выбирать между обязанностью облегчить страдания путем проведения эвтаназии и обязанностью продлить жизнь, сохранив жизнь пациенту, несмотря на его или ее боль. Далекое не очевидно, что обязанность не убивать намеренно всегда должна побеждать в такой ситуации. На самом деле, я утверждаю, что этого не должно быть и что обязанность врача вновь пережить страдание в некоторых случаях должна иметь приоритет. Придерживаться иного мнения означало бы подвергать людей нечеловеческим страданиям ради морального идеала: “Некоторые догматические моральные убеждения не должны заставлять пациентов переносить обременительные условия, которых они сами предпочли бы избежать” (Seay 2005, стр. 526). Короче говоря, представляется ложным утверждать, что у врачей нет безусловной обязанности не убивать. Таким образом, эти соображения о допустимости действий агента также недостаточны для обоснования запрета эвтаназии.

В этом разделе я рассмотрел опасения по поводу действий агента, которые часто упоминаются в дебатах о допустимости действий других лиц, таких как эвтаназия. Однако я обнаружил, что ни то, ни другое не является достаточным основанием для юридического запрета эвтаназии. Аргумент о том, что эвтаназия является противоправной независимо от согласия до-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

верителя, поскольку она наносит ущерб его личности, основан на концепции личности и достоинства, которая не признает важность автономии. Как только мы принимаем во внимание, что уважение автономии неразрывно связано с достоинством, мы вынуждены прийти к выводу, что неправильно утверждать, что отдельные лица не должны иметь права на эвтаназию, поскольку это несовместимо с человеческим достоинством. Далее, аргумент о том, что эвтаназия не должна быть легализована, потому что те, кто хотел бы ее осуществить, врачи, не способны на это допустимо, также несостоятелен. После того, как мы детально изучим обязанности врачей по отношению к своим пациентам, кажется неправильным делать вывод, что такая обязанность не может быть отменена ни отказом пациента от соответствующего права, ни противоречащей ему обязанностью облегчать страдания. Таким образом, соображения, касающиеся действий агента, не могут мотивировать запрет эвтаназии, и это также ставит под сомнение роль, которую они могли бы сыграть в запрещении действий по обоюдному согласию в отношении других лиц в целом.

Вывод

В этой статье я рассмотрел возможные обоснования запрета действий по обоюдному согласию в отношении других, когда соответствующий акт, относящийся к самому себе, разрешен. Оценивая эти аргументы, я уделил особое внимание эвтаназии, которая является незаконной в большинстве юрисдикций, включая многие, где самоубийство является законным. Я обнаружил, что ни один из аргументов, рассмотренных в этой статье, не является достаточным для обоснования такого запрета. Во-первых, предположения о том, что запрет оправдан, поскольку руководители не способны дать действительное согласие на эти действия – либо потому, что сама возможность влечет за

собой принудительное давление, либо потому, что готовность дать согласие является симптомом психического заболевания, - носят чрезмерно обобщенный характер. Аргумент о том, что легализация некоторых действий, касающихся других лиц, создает принудительное давление, неприменим к классу случаев, рассматриваемых в данной статье, поскольку допустимость соответствующего акта, касающегося самих себя, исключает такую принудительную силу. Кроме того, утверждение о том, что согласие на такой акт само по себе является признаком неспособности дать согласие – в дополнение к вызывающей беспокойство морали – не может применяться ко всем другим актам, касающимся действий, поскольку нам бы очень не хотелось, например, списывать желание неизлечимо больного пациента умереть быстро и безболезненно как иррациональное желание. Во-вторых, практические опасения по поводу законности действий, касающихся других лиц, не оправдываются – в частности, в случае эвтаназии – из-за очень простого расчета риска: хотя существует некоторая вероятность нежелательных последствий, возникающих при легализованной эвтаназии, существует уверенность в (столь же серьезных) нежелательных последствиях, возникающих при запрете эвтаназии. Наконец, я пришел к выводу, что аргументы в пользу запрета действий, касающихся других лиц, из-за опасений по поводу допустимости действий агента недостаточны. Призывы к недопустимости нанесения ущерба нашему достоинству и личности неправомерно отделяют достоинство от наших интересов, а предположение о том, что у врачей есть особая профессиональная обязанность не совершать определенного действия, а именно эвтаназии, основано на ошибочном представлении об обязанностях врача.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии ФГУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

Таким образом, мы видели, что аргументы, приведенные в пользу запрета эвтаназии, недостаточны для ее обоснования. Учитывая предположение о важности нашей свободы и автономии, сделанное в этой статье, которое возлагает бремя доказывания на тех, кто хотел бы ее ограничить, мы можем, следовательно, заключить, что запрет эвтаназии, в отсутствие других аргументов, неоправдан. Это отрицательный аргумент – я не пытался отстаивать точку зрения о том, что эвтаназия оправдана или что она должна быть законной. Вместо этого я указал на тот факт, что, по-видимому, нет веской причины, по которой это не должно быть законным.

В этой статье эвтаназия была использована в качестве примера для более общего слу-

чая, когда действия, направленные на других, запрещены, хотя те же действия разрешены, если они направлены на самих себя. Мы не можем просто обобщить наши выводы относительно эвтаназии на общий случай, поскольку соображения о практических последствиях или, например, о конкретных обязанностях вовлеченных сторон могут принимать различные формы. Однако случай эвтаназии наводит на мысль о более общем случае, заключающемся в том, что возможности для обоснования запретов на эти действия, касающиеся других лиц, узки и сталкиваются со значительными препятствиями.

Лондон, 2021

Перевод Юлии Панюковой

Литература:

1. Аллен, М.Л. 2006, «Переход через Рубикон: неуклонный марш Нидерландов к недобровольной эвтаназии», *Brooklyn Journal of International Law*, том 31, № 2, стр. 535.
2. «Приложение 1 Голландское законодательство о прекращении жизни по запросу и ассистированном самоубийстве (процедуры пересмотра) Act» 2010, в книге «Смерть при содействии в Европе и Америке: четыре режима и их уроки», издательство Оксфордского университета.
3. Арчер, А. 2018, «Проблема с морализмом», *Ratio*, том 31, № 3, стр. 342-350.
4. Арнесон, Р.Дж. 1980, «Милль против патернализма», *Этика*, том 90, № 4, стр. 470-489.
5. Бейкер, Д.Дж. 2009, «Моральные пределы согласия как средства защиты в уголовном праве», *New Criminal Law Review: Международный и междисциплинарный журнал*, том 12, № 1, стр. 93-121.
6. Бергельсон, против. 2007, «Право на причинение вреда: проверка границ согласия», *Юридический обзор Джорджа Вашингтона*, том 75, № 2.
7. Бешле, Д.Л. 2013, «Картер против Канады: канадские суды пересматривают криминализацию самоубийства с помощью ассистента», *Wayne law review*, том 59, № 2, стр. 651.
8. Боссхард, Г., Брокерт, Б., Кларк, Д., Матерстведт, Л.Дж., Гордайн, Б. & Мюллер-Буш, Х.С. 2008, «Роль врачей в оказании помощи при смерти? Анализ правовых норм и позиций медицинских работников в шести европейских странах», *Журнал медицинской этики*, том 34, № 1, стр. 28-32.
9. Cohen, J., Marcoux, I., Bilsen, J., Deboosere, P., van der Wal, G. & Deliens, L. 2006, «Европейское общественное признание эвтаназии: социально-демографические и культурные факторы, связанные с принятием эвтаназии в 33 европейских странах», *Социальные науки и медицина*, том 63, № 3, с. 743-756.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

10. Дворкин Г. 2012, «Вред и принцип Воленти», Социальная философия и политика, том 29, № 1, стр. 309-321.
11. Дворкин Р., Нагель Т., Нозик Р., Роулз Дж., Скэнлон Т. и Томсон Дж.Дж. 1997, Ассистированное самоубийство: краткий обзор философов, Нью-Йорк Ревью, Соединенные Штаты.
12. Эвтаназия, ассистированное самоубийство и не реанимация по запросу. Available: <https://www.government.nl/topics/euthanasia/euthanasia-assisted-suicide-and-non-resuscitation-on-request>.
13. Файнберг, Дж. 1989а, «Выбор смерти» в книге «Моральные пределы уголовного права», том 3: Вред самому себе Издательство Оксфордского университета, Нью-Йорк.
14. Файнберг, Дж. 1989b, «Отказ в согласии: принудительные предложения» в «Моральных границах уголовного права», том 3: Вред самому себе Издательство Оксфордского университета, Нью-Йорк.
15. Феррейра, С. 2017, «Радикальная наркополитика Португалии работает. Почему мир не скопировал это?» хранитель.
16. Ганзини, Л., Волицер, Л., Нельсон, У. & Дерс, А. 2003, «Подводные камни в оценке способности принимать решения», Психосоматика, том 44, № 3, стр. 237-243.
17. Гриффит, Р. 2016, «Что такое компетентность Гиллика?», Вакцины для человека и иммунотерапия, том 12, № 1, стр. 244-247.
18. Груневуд, Дж.Х., ван дер Хайде, А., Онвутеака-Филипсен, Б.Д., Виллемс, Д.Л., ван дер Маас, П. Дж. & ван дер Вал, Г. 2000, «Клинические проблемы с проведением эвтаназии и самоубийства с помощью врача в Нидерландах», Журнал Новой Англии по медицина, том 342, № 8, с. 551-556.
19. Ханна, Дж. 2018, В наших наилучших интересах: защита патернализма, Издательство Оксфордского университета, Нью-Йорк.
20. Хардинг, Л. 2003, «Жертва каннибала согласилась быть съеденной», The Guardian.
21. Йохемсен, Х. 1998, «Критический обзор судебных решений Нидерландов по недобровольной эвтаназии», Issues in Law & Medicine, том 13, № 4, стр. 447-458.
22. Jochemsen, H. & Keown, J. 1999, «Добровольная эвтаназия под контролем? Дополнительные эмпирические данные из Нидерландов», Журнал медицинской этики, том 25, № 1, стр. 16-21.
23. Маннинен, Б.А. 2006, «Аргументы в пользу оправданной недобровольной активной эвтаназии: изучение этики Гронингенского протокола», Журнал медицинской этики, том 32, № 11, стр. 643-651.
24. Милль, Дж.С. 1909, «О свободе», The Floating Press, Окленд.
25. Мишара, Б.Л. & Вайштуб, Д.Н. 2016, «Правовой статус самоубийства: глобальный обзор», Международный журнал права и психиатрии, том 44, стр. 54-74.
26. Пейтон, Лос-Анджелес, 2015, «Верховный суд говорит "да" самоубийству с помощью врача в конкретных случаях», CBC News.
27. Сизэй, Г. 2005, «Эвтаназия и моральные обязанности врачей», Журнал медицины и философии: Форум по биоэтике и философии медицины, том 30, № 5, стр. 517-533.
28. Тадрос, против. 2011, «Согласие на причинение вреда», Актуальные правовые проблемы, том 64, № 1, стр. 23-49.
29. Веллеман, Дж.Д. 1999, «Право на самоустранение?», Этика, том 109, № 3, стр. 606-628.
30. Веллеман, Дж.Д. 1992, «Против права на смерть», Журнал медицины и философии: Форум по биоэтике и философии медицины, том 17, № 6, стр. 665-681.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

31. Grigoryev, S. L. Screen culture ontology: towards the problem statement / S. L. Grigoryev // *Communicology*. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – P. 57-68. – DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-2-57-68. – EDN FDCFP1.

Примечания:

1.) В этих юрисдикциях хранение наркотиков для личного употребления, а также само личное употребление не криминализируются, но как только возникает намерение распространять, то есть предоставлять наркотики желающим третьим лицам, это становится преступным деянием.

2.) Я использую термин «вред» для простоты. Неясно, можем ли мы истолковать последствия такого действия как вред, строго определенный, во всех случаях: если принципал предпочитает состояние мира А состоянию мира В, то агент, возможно, скорее принесет им пользу, чем причинит вред, создавая состояние мира О. Однако также представляется нежелательным категорически делать вывод о том, что нам не может навредить сделанный нами выбор – если кто-то предпочел ампутировать ногу, чем умереть от инфекции, мы все равно можем настаивать на том, что потеря ноги представляла собой вред. Однако эта дискуссия не имеет прямого отношения к вопросу о том, почему кто-то может сделать что-то с самим собой, но не допустить, чтобы то же самое сделала с ним третья сторона.

3.) Это известно как *Volenti non fit injuria*, или принцип Воленти. Для получения дополнительной информации по этому вопросу смотрите, например, Dworkin (2012).

4.) Граница не всегда четко проведена: в Великобритании дети в возрасте до 16 лет могут дать согласие на медицинское обследование и лечение, если их врач определит, что они обладают необходимой компетенцией. Это известно как компетентность Гиллика (Griffith 2016). Несмотря на трудность проведения точной границы между теми, кто может дать действительное согласие, и теми, кто не может, мало кто стал бы оспаривать общее утверждение о том, что некоторые люди могут дать действительное согласие, а другие не могут (пока) этого сделать.

5.) Существуют некоторые споры о случаях, когда человек не способен дать согласие – некоторые утверждают, что врачам разрешается проводить недобровольную эвтаназию, например, пациентам, которые находятся в коме без надежды на улучшение. Обратите здесь внимание, что концепция недобровольной эвтаназии применима только к пациентам, неспособным дать согласие - эвтаназия, проводимая тем, кто способен, но не желает давать согласие, является недобровольной эвтаназией. Обсуждения недобровольной эвтаназии см., например, в Manninen (2006) или Jochimsen (1998).

6.) Некоторые утверждают, что согласие также не может быть использовано для оправдания определенных действий – Бейкер (2009), Тадрос (2011) и Веллеман (1992, 1999) обсуждают аргумент о том, что ни одному агенту не разрешается причинять вред личности или достоинству другого, независимо от данного согласия. Эта аргументация рассматривается в разделе 3: хотя она относится к концепции согласия, она больше касается характера действий агента, чем действительности согласия принципала.

7.) Он не считает, что эвтаназия морально недопустима во всех случаях, а скорее выступает против эвтаназии как законного права. По его словам, он считает, что “лучшая государственная политика в отношении эвтаназии [...] - это вообще не политика” (Веллеман, 1992, с. 680).

8.) Это обоснованное беспокойство: в исследовании, посвященном ошибкам в оценке компетентности врачей, проведенном Ганзини и др. (2003), 52% респондентов заявили, что очень распространенной ошибкой врачей является неспособность учитывать, что пациент может быть некомпетентен в принятии решений, если пациент согласен по рекомендации врача. Таким образом, собственное мнение врача о

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

привлекательности доступных вариантов влияет на его оценку рациональности выбора пациента в отношении этих вариантов.

9.) Вопрос о том, какие критерии следует использовать для определения действительности согласия и можно ли это определить с достаточной уверенностью, чтобы разрешить эвтаназию, рассматривается в следующем разделе.

10.) При определенных обстоятельствах, включая, например, положение о том, что необходимо действительное согласие

11.) Существует также ряд других проблем, которые связаны с вопросом о том, как должно выглядеть регулирование эвтаназии, если оно будет введено в действие. Например, вопрос о том, должны ли пациенты иметь возможность дать превентивное согласие на эвтаназию (аналогично приказу не проводить реанимацию). Однако они не имеют прямого отношения к вопросу о том, является ли определение действительного согласия на эвтаназию технически осуществимым, и поэтому являются второстепенными по отношению к вопросам, обсуждаемым в данном документе.

12.) Кто-то может задаться вопросом, почему я также не обсуждаю аргумент о скользком пути (опасение, что легализация добровольной эвтаназии спровоцирует снижение общественного признания недобровольной и, в частности, недобровольной эвтаназии). Хотя это постоянно беспокоит противников легальной эвтаназии, прямая причина этого заключается в том, что я не нахожу это столь убедительным, как другие аргументы, рассмотренные в этом эссе. Я считаю, что разрыв между тем, чтобы делать что-то с кем-то с их согласия, и тем, чтобы делать что-то с кем-то против их согласия, настолько значителен, что разрешение первого никоим образом не побуждает нас принимать второе. Обсуждение этого вопроса см., например, в работе Файнберга (1989а).

13.) Они включали как случаи недобровольной эвтаназии, так и недобровольной эвтаназии (Jochemsen and Keown 1999, стр. 18).

14.), а также в других юрисдикциях, где эвтаназия была легализована, таких как Орегон, США (Бешле, 2013)

15.) Это дело было передано в Верховный суд Канады и привело к отмене законодательного запрета на эвтаназию (Пейтон, 2015 ; "Хронология: ассистированное самоубийство в Канаде", 2015, CBC News)

16.) Это близко к позиции Швейцарской академии медицинских наук, например, в отношении ассистированного самоубийства (Bosshard et al., 2008, стр. 31).

17.) Некоторые будут отрицать, что эвтаназия является важным правом или вообще должна быть правом. Я рассмотрю эту дискуссию в следующем разделе.

18.) Наша автономия, право принимать важные личные решения и право на жизнь - все это фундаментальные права невероятной ценности, и я полагаю, что было бы трудно убедительно обосновать важность одного из этих прав по сравнению с другими. Поэтому я не пытаюсь этого сделать, а вместо этого строю свою аргументацию на предположении, что они имеют или могут рассматриваться как имеющие равную важность.

19.) Единственным сценарием, при котором этот риск не был бы реализован, был бы тот, при котором случайно ни один человек не желает эвтаназии и, следовательно, ему не отказывают в этом желании. Однако это очень неправдоподобный сценарий.

20.) У кого-то может возникнуть соблазн подвергнуть сомнению предположение о том, что врач вообще должен участвовать в эвтаназии. Однако вполне вероятно, что исключение врачей из этой практики представляется нежелательным. Даже при участии врачей осложнения при проведении эвтаназии не яв-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий

Anna L. Peters
Анна Л. Питерс

ляются чем-то неслыханным (Groenewoud et al., 2000), и представляется неразумным ограничивать участие в процедурах эвтаназии исключительно лицами, которые практически ничего не знают о применяемых препаратах. Поэтому я готов согласиться с этим утверждением.

21.) Он признает, что могут быть ситуации, когда эвтаназия скорее защищает, чем разрушает достоинство, например, когда человек больше не может жить достойно (Velleman 1999).

22.) Смотрите раздел 1

23.) Здесь существует потенциальная проблема, поскольку смерть влечет за собой не просто причинение вреда, но и уничтожение человека. Поэтому можно было бы утверждать, что эвтаназия, в отличие от других видов вреда, запрещена, потому что индивидам не должно быть позволено осуществлять свою автономию, если они, следовательно, теряют свою автономию (это аргумент Милля (1909), например, в противовес добровольному рабству). Однако все люди рано или поздно умрут, так что эвтаназия не влечет за собой потери автономии, которой в противном случае не произошло бы. Скорее, это позволяет индивидам самостоятельно выбирать, как и когда происходит эта (неизбежная) потеря автономии.

24.) Сизэй (2005) проводит различие между двумя концепциями обязанностей – либо они соотносятся с правами, либо нет. Соотнесенность с правами означает, что обязанность связана с 17.) Некоторые будут отрицать, что эвтаназия является важным правом или вообще должна быть правом. Я рассмотрю это обсуждение в следующем разделе.

18.) Наша автономия, право принимать важные личные решения и право на жизнь - все это фундаментальные права невероятной ценности, и я думаю, было бы трудно убедительно обосновать важность одного из этих прав по сравнению с другими. Поэтому я не пытаюсь этого сделать, а вместо этого строю свою аргументацию на предположении, что они имеют или могут рассматриваться как имеющие равную важность.

19.) Единственным сценарием, при котором этот риск не был бы реализован, был бы тот, при котором случайно никто не хочет эвтаназии и, следовательно, ему не отказывают в этом желании. Однако это очень маловероятный сценарий.

20.) У кого-то может возникнуть соблазн подвергнуть сомнению предположение о том, что врач вообще должен участвовать в эвтаназии. Однако вполне вероятно, что исключение врачей из этой практики представляется нежелательным. Даже при участии врачей осложнения во время эвтаназии не являются чем-то неслыханным (Groenewoud et al., 2000), и представляется неразумным ограничивать участие в процедурах эвтаназии исключительно лицами, которые практически ничего не знают об используемых лекарствах. Поэтому я готов согласиться с этим утверждением.

21.) Он признает, что могут быть ситуации, когда эвтаназия скорее защищает, чем разрушает достоинство, например, когда человек больше не может жить достойно (Velleman 1999).

22.) Смотрите раздел 1

23.) Здесь существует потенциальная проблема, поскольку смерть влечет за собой не только причинение вреда, но и уничтожение человека. Следовательно, можно утверждать, что эвтаназия, в отличие от других видов причинения вреда, запрещена, поскольку индивидам не должно быть позволено осуществлять свою автономию, если они таким образом теряют свою автономию (это аргумент Милля (1909), например, в противоположность добровольному рабству). Однако все люди рано или поздно умрут, поэтому эвтаназия не влечет за собой потери автономии, чего в противном случае не произошло бы. Скорее, это позволяет индивидам самим выбирать, как и когда происходит эта (неизбежная) потеря автономии.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Euthanasia and Consensual Harm: Evaluating the Moral and Legal Asymmetry of Self- and Other-Regarding Acts
Эвтаназия и причинение вреда по обоюдному согласию: оценка моральной и правовой асимметрии действий**Anna L. Peters**
Анна Л. Питерс

24.) Siei (2005) проводит различие между двумя концепциями обязанностей – либо они связаны с правами, либо нет. Корреляция с правами означает, что обязательство связано с конкретным правом, которое является “правами, подразумевающими соответствующее обязательство со стороны кого-либо другого” (Seay 2005, стр. 518).

25.) От него можно отказаться, если соответствующее право концептуализируется как защита способности индивида делать выбор, и в этом случае защита выбора требует возможности выбирать оба варианта – либо жизнь, либо смерть; и оно пусто, если оно концептуализируется как защита интересов индивида, в этом случае обязанность врача состоит в том, чтобы обеспечить лечение с наибольшей пользой для пациента, который в некоторых случаях может быть подвергнут эвтаназии (Seay 2005). особое право, которое является “правами, подразумевающими соответствующую обязанность у кого-либо другого” (Seay 2005, стр. 518).

25.) От него можно отказаться, если соответствующее право концептуализируется как защита способности индивида делать выбор, и в этом случае защита выбора требует возможности выбирать оба варианта – либо жизнь, либо смерть; и оно является пустым, если оно концептуализируется как защита интересов индивида, и в этом случае обязанность врача состоит в том, чтобы обеспечить лечение с наибольшей пользой для пациента, которым в некоторых случаях может быть эвтаназия (Seay 2005)

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
 Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...

Yiyang Chen
 Иян Чен

Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant and Spillers' Middle Passage

Iyang Chen
is currently pursuing a Bachelors degree in Computer Science at Stanford University in Stanford, CA.

KEYWORD: Comparative Literature, Comparative Philosophy, Queer, Theory Black Feminism, Postcolonial Literature, Poetry Feminist, Theory Middle, Passage Slave Trade

ABSTRACT

Intersecting Edouard Glissant's poetics with Hortense Spillers' theory of race, gender, and sexuality alchemizes a new conception of the Middle Passage's spatiotemporality. With the slave trade haunting the living, this paper attempts to orient a rupture in the fabric of spacetime, through which implosion leads to a new future. The destructive and destabilizing abyss of the Middle Passage, in itself, creates a philosophy of alterity, where linear, universalizing logics of the West become ruin through which new paradigms emerge. In Poetics of Relation, Glissant delineates three distinct loci for these metamorphoses. Memory abyss, through which culture and language dissipate, enabling an ethics of anti-colonial opacity. Ocean abyss, through which death and disorientation create a future that necessarily arises out of past trauma. And, finally, womb abyss, through which subjectivity turns to flesh. Glissant's discourse can be interwoven with Spillers's discourses of gender in Mama's Baby, Papa's Maybe: Spillers posits that the severance of patrilineality and the dehiscence of the gendered subject to ungendered flesh enables monstrosity, and therefore living laboratories for the formation of queer relationality. This paper thus outlines a philosophy of trauma and identity, in which the annihilation of colonial universalism creates openings for novelty and change, unbounded by hierarchy and structural oppression. In a world haunted by the horrors of the past and present, Glissant and Spillers offer a way to move forward, a radical invitation to a new and unknowable future, seedlings nourished by the past's soil.

Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности расы и пола в "Среднем отрывке" Глиссанта и Спиллерса

Иян Чен
**в настоящее время получает степень бакалавра компьютерных наук
 в Стэнфордском университете в Стэнфорде, Калифорния.**

Ключевые слова: Сравнительная литература, Сравнительная философия, Квир теория Черного феминизма, Постколониальная литература, поэзия Феминистская, теория Среднего пути, работорговля

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии ФГУ-МСХА

**Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...**

**Yiyang Chen
Иян Чен**

Аннотация.

Пересечение поэтики Эдуарда Глиссана с теорией расы, гендера и сексуальности Гортензии Спиллерс алхимизирует новую концепцию пространственно-временной протяженности Среднего отрывка. Поскольку работорговля преследует живых, в этой статье предпринята попытка сориентировать разрыв в ткани пространства-времени, через который имплозия ведет к новому будущему. Разрушительная и дестабилизирующая бездна Срединного перехода сама по себе создает философию инаковости, где линейная, универсализирующая логика Запада превращается в руины, благодаря которым возникают новые парадигмы. В "Поэтике отношений" Глиссант выделяет три различных локуса для этих метаморфоз. Бездна памяти, через которую рассеиваются культура и язык, создавая условия для этики антиколониальной непрозрачности. Океанская бездна, через которую смерть и дезориентация создают будущее, которое обязательно возникает из прошлой травмы. И, наконец, утробная бездна, через которую субъективность превращается в плоть. Дискурс Глиссанта может быть переплетен с дискурсами Спиллерса о гендере в "Ребенке мамы, может быть, папы": Спиллерс утверждает, что разрыв патрилинейности и отделение гендерного субъекта от бесполой плоти делает возможным чудовищность и, следовательно, живые лаборатории для формирования квир-отношений. Таким образом, в этой статье излагается философия травмы и идентичности, в которой уничтожение колониального универсализма создает возможности для новизны и перемен, не ограниченных иерархией и структурным угнетением. В мире, наполненном ужасами прошлого и настоящего, Glissant и Spillers предлагают способ двигаться вперед, радикальное приглашение к новому и непознаваемому будущему, сажены, возвращенные на почву прошлого.

Первое похищение положило начало безначалию, трансформации, которая уничтожала и порождала с одинаковым рвением. Кража чернокожих тел из Западной Африки португальскими моряками накануне атлантической работорговли, начальный момент контакта белого европейского человека с Другим, установила строгую иерархию; сосредоточенная вокруг "я" с непоколебимой гегемонией, эта солипсистская встреча создала идентичность с помощью замечательных различий в цвете кожи (Разливщики 66). С тех пор меланин стал границей между человечностью и небытием в условиях насильственной колониальности Запада. В рамках этой жестокой эпистемы тела чернокожих африканцев превращаются в рабов — инструментализированную собственность для производства капитала и построе-

ния мира. По мере того как экспансионизм Нового света и эксплуатация ресурсов ускорились, некогда полугуманные перевозки рабов через Атлантику в небольших количествах и на открытых палубах превратились в ужасающе глубокие трюмы под невольничьим кораблем, где поработанные люди были упакованы как неодушевленный груз (Литтл, 2018). Болезни, экскременты и голод просачивались и пронизывали все эти пространства, вызывая смерть и физическое ухудшение, настолько тяжелое, что более 15% тел, находящихся в неволе, умирают во время их трансатлантического путешествия (Cohn, 1985). Культуры, семьи и обычаи были навсегда разрушены по мере того, как общество фрагментировалось, а деспотичная универсальность христианского мира и его логика глобализирующейся колониальной империи заново устанавливали обя-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

**Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...**

**Yiyang Chen
Иян Чен**

зательный правовой кодекс для подданных. На волне исторического насилия и украденного времени карибский мыслитель Эдуард Глиссан (1928-2011) теоретизирует географическую философию различий, чтобы представить новое будущее, которое может возникнуть из прошлого, в то время как чернокожая феминистка Гортензия Спиллерс концептуализирует бытие для чернокожих женщин как во время, так и после Среднего перехода. Размещая Спиллеры рядом с Глиссантом, насилие и невольничий корабль становятся местами разгендеризации, формируя форму бытия, пребывающего на грани между жизнью и смертью, порождая освободительную идентичность, допускающую странное происхождение. Внутри и за пределами мучений Среднего прохода и корабля рабов существует бездна, место одновременного становления и неподобания, которое разрушает линейные и последующие связи травмами, потерями и головокружением, создавая из безвозвратной боли плодородные отверстия отношений и субъективности, а для Спиллеров - фундаментально измененную феноменологию черноты наряду с географической и исторической космологией.

Для Глиссанта Средний проход может быть символически представлен в виде двусторонней фибриллы с единственной статичной линией между двумя концами — Африкой и Карибским бассейном (5). Культура, история и социальные связи расширяются, растут и раздваиваются в сложные структуры по обе стороны Атлантического океана, соединенные неизменным океаническим сегментом, который аналогичен соединительной ткани, придающей подвижность “телу” невольничьего корабля. В этой прямой, непрерывной линии африканская история переходит в символическое отсутствие, ее волокна переплетаются и разрушаются, превращаясь в единую линию.

На другом берегу океана ничто разворачивается и прорастает сложными новыми корнями, новое творение возникает из резервуара потенциала Среднего прохода, внутренне наполненного хаосом всего и в то же время ничем одновременно. В рамках этой схемы трансатлантическое путешествие невольничьего корабля - это место уничтожения и зарождения, неподобающего и становления, его бескомпромиссная траектория, состоящая из противоречивых процессов: неразрешимости, которая составляет карибскость. Опираясь на этот жизненный опыт, Глиссант утверждает, что работорговля необратимо изменила философию и мышление; для него Средний отрывок представляет собой одну из многих пропастей, или “болезненное, травмирующее прошлое, отделяющее нас от разъединения” в истории (Драбински, 10). Однако, сродни анатомии вынужденной конвергенции и освобождающей дивергенции фибриллы, бездна “может стать настолько насыщенной печалью, что заглушает самовыражение, в то же время, когда человек думает о красоте наследования, выживания и созидания”, способной отталкиваться от контекста потери (Драбински, 26). Бездонные основания - это уникальные географические, незаземленные пространства свободного падения, контекстуализированные в рамках конкретной истории; таким образом, в Среднем проходе существуют три формы бездны: бездна памяти, океаническая бездна и утробная бездна, все локализованные топологии потерь и различий.

Бездна глубоко изменяет память, оторванную от прошлого и теперь изменчивую, непостоянные реакции, в которых состояния трансформируются в операциях сосуществующего распада и формирования в динамическое равновесие. В отрывке “Бездна посередине”: “язык исчезает, слово богов исчезает, и запечатленный образ даже самого повсе-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

**Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...**

**Yiyang Chen
Иян Чен**

дневного предмета... исчезает. Преследующий запах охристой земли и саванн" (Глиссант 7). Феноменологическое знание прошлого рассеивается для глубинного субъекта, превращаясь в призрачную пыль, из которой можно вспомнить и проследить лишь слабые контуры. Таким образом, агония воспоминаний на невольничьем корабле заключается в невозможном чувстве места и истории, которое унесли с собой торговцы. Порабощенный человек никогда не может надеяться вернуть свой дом — плантация представляет собой неизбежную тюрьму. Укоренившийся в рамках кодифицированного закона и социального порядка чернокожий субъект не может рассчитывать на возвращение в свой дом или освобождение, оказавшись в ловушке жестокого существования. Травма душист остатки внятности в памяти, ее безжалостный недуг необъясним только разумом и языком (Драбински, 25). Холокост, Промежуточный переход и плантация становятся вызывающими воспоминания, чей по сути травматический характер ускользает от всеобъемлющего, хронологически прогрессивного исторического дискурса; тем не менее, они навсегда трансформируют историю. Глиссант утверждает, что "вы все еще сохраняете на своих гребнях безмолвную лодку наших рождений, ваши пропасти - это наше собственное бессознательное, испещренное ускользающими воспоминаниями" (7). В этом смысле бездна распространяется за пределы непосредственного ощущения боли и становится составной частью самой памяти, ее существование намного опережает ее возникновение. Его влияние ощущается пространственно и временно, на территориях, где расцвели новые начинания; Америку, основанную на землях, возделываемых порабощенными подданными и подвергшуюся геноциду коренных народов, вечно преследует нависшая тень Среднего прохода.

Следовательно, воспоминание является коллективным, и потомки бездны неосознанно осознают его функцию как "аллювия для [преобразующих] метаморфоз" (Глиссант 7). Тогда бездна - это не только травма прошлого, но и очаг перемен, плодородная почва, на которой прорастают семена воображаемого будущего. Популяции, которые сформировались из бездны, независимо от того, понимали ли они опустошенные тропы тех, кто был до них, или встречали некорневых жителей, впервые депортированных из стабильности, плели парус надежды по доброй воле, что резко контрастирует с отчаявшимися парусами Среднего прохода (Глиссант 7). Связанные генеалогией отрицания и насильственного отчуждения, они плывут "под этим немислимим парусом, который наконец-то расправился... орошаемый белым ветром бездны... абсолютное неизвестное... в конце концов стало знанием" (Глиссант 8). Ветерок бездны окрашен в белый цвет, означающий пустоту, состоящую из ничего, и в то же время бесконечный потенциал, дестабилизацию смысла и истории и предзнаменование того, что должно произойти. В то время как мрачная бездна необратимо разрушает понятность внутри себя, новый метод познания формируется на борту из хаоса, повторное появление предметов за ее пределами порождает новую эпистему, форму берегового мышления, которая сохраняется в пограничной зоне между сушей и морем, преходящую и дестабилизирующую, в то же время плодотворную и расширяющуюся. Знание становится "целостным, более великим благодаря пребыванию в бездне и освобождающему знанию взаимосвязи внутри Целого", а также специфичным для страдания, восторга и знания одного народа (Глиссант 8). Отношения становятся этикой инаковости, благодаря которой взаимодействие и различие могут функционировать вместе в освобожденной гармо-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...

Yiyang Chen
Иян Чен

нии. Это обозначает географию разума, конструирующую специфические и взаимосвязанные способы познания, учитывающую различия и создающую плотное единство между местами производства знаний. Таким образом, структура знаний становится ризоматической: пучки корней горизонтально разбросаны по всей почве, растительность прорастает из определенных клубеньков, каждый клубень соединен с другим посредством совместных корней. Это резко контрастирует с древовидным мышлением Запада эпохи Просвещения, где знание исходит из базовых, предполагаемых истин, с помощью которых усваивается любая другая информация, растущая вертикально, как дерево, и разветвляющаяся на специфические области знания. Вместо этого корневище не имеет ни начала, ни конца, каждый узелок географических знаний тщательно связан со следующим, устойчивый к разрушению (Делез и Гваттарри, 3). Таким образом, глубинная память открывает форму познания и отношений, которая обеспечивает динамическую множественность и препятствует вертикальному характеру господства. Таким образом, фундаментальная природа отношений видоизменяется: от линии, соединяющей два элемента, к сложным коррелятам, присутствующим как в осязаемой материальности, так и в необъяснимой травме бездны, синхронному существованию, допускающему поэзию.

Океан - оксюморон, бездонное пространство смерти и рождения, охватывающее две береговые линии с золотым песком, тавтология начала. По мере того как невольничий корабль отчаливает от африканских берегов, направляясь навстречу бурным волнам и чреватых колебаниями атлантического течения, суша исчезает за горизонтом, океан охватывает корабль обширным открытым ландшафтом воды и неба. Порабощенные подданные, набитые в пустотное чрево невольничьего ко-

рабля, ощущают движение океана, временами бурное и неистовое, а иногда убаюкивающее и удушающее. Некоторые из них сами стали бы океаном. Не привыкшие к плаванию под парусом и осужденные брюхом корабля, они испытывают отвратительное ощущение головокружения — морской болезни, сопровождающейся сильным головокружительным чувством дезориентации. Для Глиссанта представить головокружение - значит “представить рвоту, обнаженную плоть, кишасих вшей, упавших мертвецов, умирающих, скорчившихся на корточках”, состояние физического ухудшения, которое приводит к бреду и расстройству сознания (5). Испытываемое внутренне через улитку, даже когда субъект неподвижен, головокружение, вызванное Средним проходом и океаном, сохраняется, с философской точки зрения, еще долго после трансатлантического путешествия. Порабощенный субъект, лишенный языка, истории, культуры и семьи, физически и философски потерян и не имеет направления. Исходя из этого пространственного контекста, субъект бездны неизбежно отказывается от всякого понимания ориентации своей реальности (вера в то, что общий набор знаний и значений существует для каждого разумного существа), универсальности (вера в то, что набор моральных законов диктует всю реальность) и обоснованной реальности; в пределах невольничьего корабля бессмысленные страдания и головокружение вытесняют тему так, что только подбрюшье судна и неоднозначная синева неба и моря временно сохраняют смысл. Сигнификация и семиотика разлагаются, перестают быть “рациональными” — ибо как могли бы философские построения того самого имперского образования, которое причиняло им боль, объяснить боль и утрату, которые ощущаются на грани жизни и смерти, как универсальность оправдала бы исключительное положение в рабст-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...

Yiyang Chen
Иян Чен

ве? Нарушение Срединного прохода не может логически оправдать себя перед человечностью его субъектов, тем самым теряя "рациональную" силу при таком образе жизни.

В результате океанская бездна становится экзистенциально беспокойной, неспособной справиться с пребыванием субъекта в определенном месте: в рамках этой запутанной пространственности архипелажное мышление одновременно возможно как фрагментированная реальность, в которой может быть установлен конкретный пережитый опыт головокружения. Во время среднего прохождения явное бессилие головокружения приводит к "самому окаменевшему лицу бездны... далеко впереди по носу невольничьего корабля - бледному бормотанию; вы не знаете, грозовая ли это туча, дождь или морось, или дым от утешительного костра", неизвестность о пункт назначения (Глиссант 6). "Груз" внутри корабля работорговцев не имеет представления о местоположении — в бездне нет окон, что исключает внешнее сенсорное восприятие чрева корабля, позволяя ощутить только тактильную травму. Психический ужас, порождаемый неизвестностью, мучителен, поскольку промежуточный переход может быть только временным, в то время как судьба, траектория будущего, неизменна: целая жизнь страданий, которая может быть продлена до бесконечности. Глиссант разъясняет, что "нет ощущения прибытия в мир... ужас отмечает это рождение как травмирующее исчезновение понятного - оно "связано с неизвестным"" (Драбински, 51). Это эмоциональное замешательство открывает форму ризоматического мышления, которое сводит на нет разборчивость текущих дискурсов, неправильные вычисления в парадигме: разборчивость больше недостижима в бездне, где неопределенность является образом жизни и мышления. Мыслить можно только в аффекте и эмоциях. Таким образом, "бездна"

создает пространство для непрозрачности: демонтируя репрессивные языковые структуры с невообразимыми реалиями жестокости и паранойи, "бездна" отказывается от навязываний западного интеллекта и пересматривает историю, которая не требует разборчивости или легитимности.

Пережитое головокружение нарушает темпоральность посредством путаницы и усложнения. Экзистенциальная дезориентация и бесцельность Среднего отрывка разрывают непрерывную генеалогию времени, сводя ее к простому прохождению мгновений в настоящем. Глиссант утверждает, что "если легитимность нарушена, цепочка родства больше не имеет смысла, и сообщество скитается по миру, больше не в состоянии претендовать на какую-либо изначальную необходимость. Трагическое действие поглощает этот дисбаланс... [в] искусстве разоблачения" (52). Таким образом, трагедия и травма функционируют как катарсические точки в рамках темпоральности преемственности — в случае с Гамлетом "прерванная" линия преемственности требовала освобождения. Хрупкость линейного времени подразумевает мифичность европейской генеалогии, разорванной и обезображенной травмами чумы и войны. Генеалогия Европы - это всего лишь миф, разорванный и обезображенный травмами чумы и войны. В этих рамках "будущее... предлагает меньше, чем ничего, в качестве обломков, внутри которых может укорениться движение в будущее", а временное движение приравнивается к импульсу травмы, который продвигает ангела истории вперед (Драбински, 38). Следовательно, темпоральность всегда ориентирована на травму и обломки прошлого, двигаясь вперед только через боль и разрушительные остатки насилия. Например, в среднем отрывке: "весь океан... создайте одно грандиозное начало, но начало, время которого отмечено..."

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...

Yiyang Chen
Иян Чен

позеленевшими шарами и цепями” (Глиссант 6). Время в Карибском бассейне и Северной и Южной Америке течет сквозь физические артефакты работорговли, отмеченные постепенным, переливающимся окислением шаров и цепей, которые погружали плоть и кости, считавшиеся нечеловеческими, в морскую пучину. Зеленая ржавчина металла символизирует жизнь, обновление и энергию, условия, при которых разрушение служит плодотворной силой. Напротив, “кружащееся красное” и “черное солнце” vertigo символизируют тайну и насилие невольничьего корабля, яростно непосредственные и напористые. Эти различные оттенки отражают концепцию Глиссанта о временности в травме: пережитый опыт травмы дегуманизирует и смертельно опасен, преобразуя историю своей бездонной тьмой. Однако “травма - это для мертвых”, подтачивающая настоящее через изменение истории и разрывающая “совершенно разрушительное отсутствие” в ткани времени, чтобы начало материализовалось (Драбински, 52).

Средний проход - это матка, одновременно место рождения и смерти. Перемещение испытуемых с африканского континента было “еще ничем” (Глиссант 6). Ужасы Среднего прохода трансформировали возможности будущего, бездну, через которую личность и связанные с ней свойства превращались в ужасающую неизвестность. С того момента, как порабощенный субъект насильственно поднимается на борт корабля, логика и пережитый опыт становятся парадоксальными, полностью разрушая предполагаемые истины и инвертируя действия посредством сублимации и отложения. Чрево лодки “растворяет вас, низвергает в небытие, из которого вы взываете”, аналогично перерождению (Глиссант 6). Это пространство одновременного (повторного) рождения и непригодности; живой, дышащий человек насильственно регрес-

сирует к статусу эмбриона в утробе матери, травмирующий опыт, который лишает познаваемую субъективность. Такой процесс не происходит естественным образом; скорее, он представляет собой новую механистическую метафизику дегуманизации, “немир”, который пророс из лодки. Стоит отметить, что не только способность субъекта мыслить исчезает, но и преобразуется весь организм: таким образом, Средний отрывок преобразует тело наряду с историей и памятью. Две свободные, автономные ступни скованы неумолимыми цепями рабства, чувственный эпидермис превращается в бесчувственную, неживую кожу, на которой скапливаются рваные раны, порезы и ссадины поножовщины.

В этом чреве субъект умоляет быть услышанным, задыхаясь от невольного, неизбежного навязывания. Однако крики могут возникать только от отчаяния, поскольку “[утроба] порождает шум протестов; [но] также порождает все грядущее единоедушие”, двойную связь, которая непреклонно запечатывает пути бегства из самой утробы (Глиссант 6). Такое состояние вызывает чувство жестокого оптимизма, когда сопротивление целостности корабля неэффективно против единоедушной судьбы груза — пространственно-временной конвергенции в движимое имущество, в пленников плантации. Хотя субъект “одинок в этом страдании, [они] разделяют неизвестное с другими, которых [им] еще предстоит узнать” (Глиссант 6). Эта онтологическая атмосфера структурирует отношения и историю в новом свете, связывая население диаспоры с общим происхождением из Среднего прохода, создавая связи, которые восстанавливают людей после естественного отчуждения. Поскольку “пленных людей принуждали к моделям расселения, начиная с самой торговли, к горизонтальному родству языковых групп, дискурсивных образований, родословных, имен и

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГГУ-МСХА

Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...

Yiyang Chen
Иян Чен

свойств”, отношения между ними становятся горизонтальными, ризоматическими и уходят корнями в обмен (Спиллерс, 75). Немир рабовладельческого корабля, в дополнение к нарушению иерархической организации культуры и языка, создает возможности для гибридации, аналогичные горизонтальному переносу генов. Трансформация позволяет плазмам чужеродных знаний интегрироваться в субъект, трансдукция позволяет вирулентности потерь и болезней распространяться среди абиссальной жизни на грани смерти, конъюгация позволяет осуществлять взаимный обмен знаниями непосредственно между субъектами. Патология субчеловеческой субъективности в утробе матери создает возможности для быстрой эволюции социальности, новизны, которая реагирует на мучительную среду Среднего прохода.

Лодка “отталкивает” своих детей, рождение которых знакомит испытуемых с новой береговой линией и географией времени. Как утроба, невольничий корабль рождает “столько же мертвых, сколько и живых, приговоренных к смертной казни”, отпрысков, обреченных на жизнь, полную боли, и неудачный конец. Это ироничное сосуществование рождения и смерти подчеркивает несопоставимые рамки, в которых воспринимается чернота: для европейского колонизатора работоторговческий корабль продуктивно генерирует бесконечные запасы капитала и экономичных тел. Тем не менее, для порабощенного субъекта невольничий корабль - это унижительное правление смертью, как в буквальном смысле, так и в социальном плане. Рожденный в условиях живой смерти, субъект бездны испытывает “потерю чувства утраты... Исцеление и примирение с прошлым исчезают как телеология, ”роды, которые разъединяют и разрушают” (Драбински, 52). Таким образом, объективация начинается в трюме невольничьего корабля,

благодаря чему тело становится взаимозаменяемой собственностью без претензий на западное человечество — используя это насилие в качестве эвристики, Спиллерс вмешивается и анализирует пережитую феноменологию чернокожей женственности до, во время и после Среднего перехода.

Позиция плененного и освобожденного субъекта определяется его расхождением “тела” и “плоти [:]” перед телом, плотью “, нулевой степенью социальной концептуализации, которая не ускользает от сокрытия под покровом дискурса” (Спиллерс, 61). Плененный субъект выражает фенотип плоти как Иного, не занимающего позиции субъективности, превращенного в занимающую пространство материю, но не как агента, способного влиять на время. Таким образом, начинается процесс разгендеризации, отмеченный деконструкцией гендерных тел в сексуализированную плоть*. Это происходит в нескольких местах жизненного опыта порабощенного субъекта. Во-первых, поскольку похищение порабощенного субъекта прибывает в порт, где стояло на якорю невольничье судно, они не являются гендерными. В схеме груза на невольничьем корабле человеческие тела становятся взаимозаменяемыми. В чреве корабля нет разделения по полу или возрасту; все тела упакованы рядом друг с другом, это различные физические вариации одного и того же товара (Разливщики 69). Усложняя взгляд Глиссанта на бездну как на пространство, в котором не имеют корней только история и культура, Спиллерс выдвигает аргумент о том, что человечество, каким оно представляется, как в африканском, так и в европейском контекстах, необратимо трансформируется. В этом количественном определении плоти телесность определяется белым взглядом. Женщина становится “количественно определяемой по тем же правилам, что и ее коллеги-мужчины”, что

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...

Yiyang Chen
Иян Чен

противоречит сакрализованному разделению полов на евроцентричном Западе, где гендерные различия едва ли не предписаны социально и религиозно (Спиллерс, 70). Поскольку гендеризация “происходит в рамках домашнего хозяйства”, глубинный субъект по сути своей не является гендерным, не имея доступа к социальным сферам, которые формируют саму его концепцию. Далее, гендер культурно определяется “общим происхождением”, которое помещает личность в определенное место, разрушение Среднего прохода разрывает ткань, из которой формулируется гендер (Спиллерс, 69).

В результате сбивающей с толку сурьмы невольничий корабль стал персонифицироваться как “она”, хотя его груз остается без указания пола. Важно отметить, что бездонной утробе был придан женский оттенок, даже несмотря на то, что западные эпистемологии определяют происхождение жизни и Вселенной как прототипически бесполое, аналогичное яйцу (Puglia, 1980). Слово “матка” само по себе подразумевает живой интерес и признание гендерных различий; признание того, что онтогенез человека и всех эукариотических организмов является необратимо материнским. Это, наряду с исторической ассоциацией женственности с “репродуктивным материнством” и “патриархализованным женским полом”, делает гендер на корабле рабов (Спиллерс, 71). Травма возникает из—за несовместимых отношений между кораблем и его негендерным грузом, когда мы рассматриваем женоненавистническое отношение к женщинам как к “фабрике” жизни, а в рамках колониализма и капитализма - воспроизводство собственности - того, что не обладает свободой воли или культурой, не является гендерным и неспособным вернуть свою прежнюю идентификацию. Тела с матками служили репродуктивными аппаратами, через которые выходит дез-

ориентированный и отключенный субъект. Между матерью и ребенком больше не было семейных связей. В метафоре бездны связь между матерью и ее ребенком простирается за пределы утробы как меланхоличное воспоминание о непроявленных, нереализованных отношениях и любви. Невольничий корабль символизирует мать, оторванную от своего потомства, и материнскую функцию, оторванную от материнского субъекта — аналогично переживанию чернокожего материнства в Новом Свете. Материнство расколото, раздроблено и сегментировано, вынуждено к радикальному бессилию перед наследованием. Насилие, таким образом, становится предложением для материнства — низведения роли женщины до лишения ее детей, гендеризации с точки зрения воспроизводства и дегуманизации — радикального отличия, вытекающего из европатриархального образа существования. Это переворачивает с ног на голову архитектуру линейаризованной темпоральности. Западное время функционирует в последующие моменты, одно событие ведет к следующему в единой иерархии от прошлого к настоящему; в контексте евроцентричного патриархата родство осуществлялось по патрилинейной линии без каких-либо исключений. Однако это наследование и нисхождение оказываются основательно нарушенными в жестком опыте черноты, где “матриархальная” семейная структура становится “клубком патологии” в глазах белых, ядом, который препятствует социально-экономическому прогрессу расы (Спиллерс, 59). В обществе, которое “предполагает мужское лидерство”, материнское происхождение воспринимается как отсталое и невыгодное, заражающее людей, живущих в рамках его структуры. В результате чернокожий ребенок становится ограниченным субъектом без родства, отсутствие у него родственных связей подчеркивает намеренную

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

**Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...**

**Yiyang Chen
Иян Чен**

структуру рабства, направленную на то, чтобы лишить его возможности наследования по отцовской линии. Они открыты для “социальной двусмысленности и хаоса” отвергнутой семьи, полностью дестабилизированной, их выживание зависит от игры судьбы, меланхолического, пустого пейзажа. В условиях социального насилия, связанного с родством, такой разрыв становится возможностью для появления новых способов бытия, разрушающих иерархию европейских отношений. На его месте существует обездоленный субъект, оторванный от сети родства, неспособный иерархически локализовать себя и принимающий “анархическое насилие сталкивающихся культур”, которое отменяет законную преемственность (Глиссант, 61). Более того, черноте было присвоено мифическое время, настолько укоренившееся и глубоко переопределенное, что “чтобы сказать более правдивое слово [о черноте], [мы] должны пройти сквозь слои ослабленных значений, созданных и избыточных во времени, с течением времени” (Спиллерс, 57). Этническая принадлежность “застывает в [временном] значении” и приобретает постоянство. Парадокс расы заключается в ее одновременном отрицании как “принадлежащей прошлому” и современных материальных воздействиях.

Насилие является источником материнства и бесполости, деформируя универсализированные, рациональные контуры субъективности и вырезая из жестокости промежутки, через которые могло бы проявиться воображение. Насильственное похищение тел с места их рождения “лишает плененное тело его движущей воли, его активного желания... мы теряем, по крайней мере, гендерные различия в результате, и женское тело и мужское тело становятся... отсутствующими с позиции субъекта, запечатленные сексуальности обеспечивают физическое и биологическое выражение

”непохожести” (Спиллерс, 60). При сведении субъективности к голой жизненной плоти, которая является нечеловеческой, свойства свободы воли преобразуются. Их свободная воля подавлена. Их желания существуют в противоречивом состоянии стирания и гиперсексуализированного импульса. Их идентичность определяется белым другим, в то время как они балансируют на грани краха. Таким образом, плоть знаменует собой мучительное пространство между жизнью и смертью, низведение человека до состояния живой смерти. Эта биополитика нового света низводит черную плоть до статуса животного, разрушая мифологию защищенного, нежного женского тела. Садистские преступления против плоти “разрывают кожу... вырывая небольшие участки плоти”, оставляя на ее месте иероглифы плоти — рубцовую ткань, порезы и клейма на коже, которые отмечают тело пленника (Спиллерс, 61). Экстраполируя данные Спиллерсов, можно сказать, что для того, чтобы тела превратились в плоть, физическое, онтологическое и эпистемологическое насилие должно разорвать кожу, обнажив уязвимость дермы под ней. Казалось бы, основная человечность, господствующая в языке, телесности и истории, должна быть помещена в пограничное пространство между жизнью и смертью на вечность, чтобы тело стало плотью: только пронзительная жестокость может привести к такому уничтожению и зарождению. Плоть, будучи физически отмеченной, утратила свою размерность этики и индивидуальности из-за отсутствия культурной надписи. Благодаря этому превращению тела в плоть “невольничий корабль, его команда и человек в качестве груза олицетворяют дикое и не востребуемое богатство возможностей” (Спиллерс, 70). Ибо, хотя пережитый опыт черноты по-прежнему подвержен насильственному разрушению, он порождает мимолетные проби-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

**Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...**

**Yiyang Chen
Иян Чен**

ны и бреши во вселенной патриархального господства белых, через которые могла бы возникнуть квир-феминистская теория различий. Бездонный Срединный проход пере-страивает гендерную субъективность в то, что недифференцировано во всех отношениях, кроме размера, и неразрывно связано с социальной нормативностью. Это безжалостное отрицание, из-за которого субъект лишается целостной идентичности, частично освобождается от ограничений рациональности, способен стать всем и в то же время ничем. Гендеризация сжигает ранее существовавшие социальные сферы, через которые действует гендер, открывая возможность гендера за пределами западной бинарности; плоть, представленная стиранием желаний отношений, позволяет создавать новые конструкции гендера, коренящиеся в разъедающем, гиперсоциальном желании. В таких отношениях “бесполая женщина, обладающая удивительным пансексуальным потенциалом, может подвергнуться вторжению со стороны другой женщины или мужчины”, что является уязвимой позицией (Спиллер, 79). В эпоху гиперсоциальности отношения структурированы горизонтально, их субъекты подвергаются опасности, но, тем не менее, способны к отношениям, что является дестабилизирующим условием, способствующим распространению различий. Гендер и сексуальность больше не могут быть связаны с “сомнительно подходящими, управляемыми или точными... семейными договоренностями”, деструктивным влечением, которое децентрализует границу, создавая из нее онтологическое пространство-время границы само по себе (Спиллерс, 77). Эта новая конституция гендера радикально раскрывается и распутывается, не ограниченная статичной семиотикой западной лингвистики, обретая артикуляцию, которая креолизует самовыражение и культуру, невыразимую рекомбина-

цию, освобождающую из языковой тюрьмы. Крах патриархализованного родства и распад структуры нуклеарной семьи прокладывают путь к странным взаимоотношениям, оторванным от репродуктивного будущего в силу своего гендерного статуса. Плоть становится “живой лабораторией”, в которой непризнанный субъект может претендовать на чудовищность, возвращая утраченную автономию и прерывая удобное повествование дихотомии, создавая пространство для трансгендерности и интерсексуальности (Спиллерс, 85). Чернокожая женщина, недовольная реинкорпорацией в колонизаторскую иерархию Запада, завоевывает позиции повстанца, обладающего способностью изменять и реструктурировать общество. Считаясь разрушительным чудовищем, расширение прав и возможностей чернокожих женщин обретает потенциал быть и становиться иными, вмешиваясь в политику и людоедский аппетит западного дискурса и диалектики. Среди пепла временных отношений, руин, где материнство и социальное строительство сожжены и расчленены, странность выступает как гиперсоциальный импульс, нестабильное, но освобождающее будущее, рожденное из бездны и боли, сопутствующего насилия и открытости.

Бездна, как утроба, рождающая новые ветви и береговые линии, становится метафизическим источником самого пространства и времени. Таким образом, начало неразрывно переплетается с материнским. Континентальные идеи происхождения связаны с появлением реального из пустоты, воображаемой пустоты, рождением из бесконечных внешних факторов. Напротив, объяснение рождения Глиссантом наводит на мысль о генезисе, наполненном водой до краев. Как геологическое и локализованное рождение в архипелажном пространстве Карибского бассейна, это рождение окружено океаном, неизбежным из око-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...

Yiyang Chen
Иян Чен

лоплодных вод онтологии. Это рождение, полученное из воды в океане, представляет собой сдвиг в сторону перемен: вода, подвергшаяся циклическому воздействию метеорологических процессов, живых организмов и загрязнения, создает историческую точку происхождения. Жизнь создана из той самой физической материи, которая материализовалась с начала времен, пребывая в непрерывной метаморфозе формы, никогда не отделяясь от земной вселенной. Водные истоки сигнализируют о генезисе, неотделимом от прошлого, вместо этого построенном из самой материи прошлого, пронизанном материальностью его травм, радости и истории, связанном с теми, кто ему предшествовал. Как таковая, сама утробная бездна исторически сфабрикована, вылеплена из темпоральности настоящего, основанного на травме и пережитом опыте. Не привязанные к цисгендерным, женским телам, несущие в себе имплицитную модальность материнства, которая ориентируется на формирование, независимо от пола. Из этой текущей онтологии возникают субъекты, состоящие из текучего, непознаваемого и образованные странным желанием, которое влечет их друг к другу. Неизвестное и утроба матери становятся синонимами, привносящими новизну и креативность в новый гуманизм, усугубляемый отчаянием перед лицом смерти и страданий.

Несмотря на уничтожение, о котором говорится в Среднем отрывке, Глиссант утверждает, что творческий потенциал возникает из пепла и трупов, которые он оставил после себя, - первичная экологическая преемственность, которая могла бы начаться заново. На береговой линии эстуария между ручьями и океаном растет мангровое дерево, знание и бытие которого берет свое начало в поэтике Глиссана. Пропитанные соленой водой, которым угрожает постепенная гибель из-за гипертонуса и некроза, мангровые заросли живут, приспособ-

сбливаясь к географическому сближению земли и неба, континента и моря. Корни, подвешенные к почве, множественные, без центральной связи. Его существование "переплетение времени и печали, повторение начала" в "новом мире", поэме о "смерти и жизни, переплетенных без меланхолии" (Драбински, 48). Утробная бездна своими корнями погружена в воду, пропитана тьмой становления, поглощающей материю, которая была бы преобразована в пищу и жизнь для мангровых зарослей. Корни сходятся в стволах и ветвях океанской бездны: тянутся к небу, внутренне сконструированные из концентрических колец, кортикальных артефактов прошлого и ушедшей истории, а будущее вырастает из пространственно-временной целостности прошлого. С ветвей свисает блестящая, восково-зеленая листва, порождения бесконечной бездны памяти. Вечнозеленые листья становятся памятью и историей, выражением жизненной силы и будущего, которые расцветают и стареют в ответ на травму окружающей среды и стресс, а на их месте прорастают новые листочки. Звездообразные соцветия молочного цвета становятся обнадеживающими отверстиями, возможно, приносящими обильные плоды или распадающимися на коричневую органику, социальность политики, цветы боли бесполой плоти, трансформирующиеся в свободные, странные возможности. Спиллерс превращает эти нежные бутоны в замысловатые узоры среди ветвей, пробираясь сквозь самые корни мангрового дерева; ее рассказ о насилии и бесполой плоти усложняет промежуточный переход гораздо больше, чем пережитые переживания боли и утраты в психическом смысле, но и нанесение увечий субъективности и этике. Ибо в этом контексте и только в этом контексте может быть полностью понята чернокожая женственность, полностью учтена ее инаковость в отношениях со всем

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГСУ-МССА

Reconstructing Ruin as Future: Rethinking the Spatiotemporality of Race and Gender in Glissant...
Реконструкция руин как будущего: переосмысление пространственно-временной принадлежности...

Yiyang Chen
Иян Чен

мангровым лесом, полностью реализованы ее потенциальные возможности на просторах Вселенной. Мангровые заросли колышутся под ласковыми ветрами и разрушительными ураганами Карибского моря, мягкими течениями и проливными волнами, живые.

Стэнфорд, 2022
 Перевод Александра Панюкова

Литература:

1. Кон, Р. (2009, 03 марта). Гибель рабов в Среднем проходе: Журнал экономической истории. Проверено 01 августа 2020 г. по адресу <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-economic-history/article/deaths-of-slaves-in-the-middle-passage/29A728FC6E348ACECB6EF98BAB480BD3>
2. Делез Г., Гваттари Ф. и Массуми Б. (2019). Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Лондон: Блумсбери.
3. Драбински, Дж. Э. (2019). Глиссант и средний отрывок: Философия, Начало, бездна. Миннеаполис, Миннесота: Издательство Университета Миннесоты.
4. Глиссант, Э., и Винг, Б. (2010). Поэтика отношения. Энн-Арбор, Мичиган: Издательство Мичиганского университета.
5. Литтл, Б. (2018, 31 августа). Обнаружены подробности жестоких первых рейсов рабов. Проверено 01 августа 2020 г. по адресу <https://www.history.com/news/transatlantic-slave-first-ships-details>
6. Апулия, Дж. (1980, 01 сентября). Йельский педагогический институт в Нью-Хейвене. Проверено 01 августа 2020 г. по адресу <https://teachersinstitute.yale.edu/curriculum/units/1980/5/80.05.11.x.html>
7. Grigoryev, S. L. Screen culture ontology: towards the problem statement / S. L. Grigoryev // *Communicology*. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – P. 57-68. – DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-2-57-68. – EDN FDCFPI.

Современная зарубежная философия
 Выпуск 1
 Москва, 2023
 Кафедра философии РГАУ-МСХА

Gender Theory vs. Pragmatism: A Point of Diversion Between Judith Butler's Gender Performativity...
Гендерная теория против прагматизма: точка соприкосновения гендерной перформативности...

Melissa Padron
Мелисса Падрон

Gender Theory vs. Pragmatism: A Point of Diversion Between Judith Butler's Gender Performativity and the Psychosocial Limitations of Gender Construction

*Melissa Padron
graduated in 2021 with a Bachelors degree in Psychology
from Florida International University in Miami, FL.*

KEYWORD: Gender Feminism, Behavioral Psychology, Judith Butler, Gender Theory

ABSTRACT

The question of what it means to be a gendered individual has been left unanswered in light of its variants. The feminist movement proceeding the Industrial Revolution propelled philosophical and literary works, such as Simone de Beauvoir's *The Second Sex*, challenging the traditional perception of man and woman and concomitantly advancing the foundation for gender theory. Judith Butler's Gender Performativity theory proved to be one of the most salient works of the rather unexplored realm of philosophy. This paper confronts Butler's theory of gender as an individual act and analyzes its limitations outside the western world. In response, Sally Haslanger's constructionist accounts of gender and principles of behavioral psychology are presented to illustrate the loopholes in Butler's individualistic gender constitution, redirecting the focus towards a pragmatic comprehension. As the interest in gender metacognition continues to escalate, the psychosocial determinants and limitations are sine qua nons for the future of gender theory if it ought to provide a generalizable understanding of the gestalt of gender construction and attribution.

Гендерная теория против прагматизма: точка соприкосновения гендерной перформативности Джудит Батлер и психосоциальных ограничений гендерного конструирования

*Мелисса Падрон
окончила в 2021 году Флоридский международный университет в Майами,
штат Флорида, со степенью бакалавра психологии.*

Ключевые слова: Гендерный феминизм, Поведенческая психология, Джудит Батлер, Гендерная теория

Аннотация.

Вопрос о том, что значит быть гендерным индивидом, остался без ответа в свете его вариантов.

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Gender Theory vs. Pragmatism: A Point of Diversion Between Judith Butler's Gender Performativity... Гендерная теория против прагматизма: точка соприкосновения гендерной перформативности...

Melissa Padron
Мелисса Падрон

Феминистское движение, последовавшее за промышленной революцией, способствовало появлению философских и литературных произведений, таких как «Второй пол» Симоны де Бовуар, бросающих вызов традиционному восприятию мужчины и женщины и одновременно продвигающих основы гендерной теории. Теория гендерной перформативности Джудит Батлер оказалась одной из наиболее выдающихся работ в довольно неисследованной области философии. В этой статье рассматривается теория Батлера о гендере как индивидуальном действии и анализируются ее ограничения за пределами западного мира. В ответ на это представлены конструктивистские взгляды Салли Хаслангер на гендер и принципы поведенческой психологии, чтобы проиллюстрировать лазейки в индивидуалистической гендерной конституции Батлера, перенаправляя акцент на прагматическое понимание. Поскольку интерес к метапознанию гендера продолжает расти, психосоциальные детерминанты и ограничения являются неперенными условиями для будущего гендерной теории, если она должна обеспечить обобщенное понимание гештальта гендерного конструирования и атрибуции.

Философский анализ идентичности, пробужденный ранними работами Симоны де Бовуар, еще не дал ответа на конфликты, связанные с гендерным опытом людей. А именно, выдающееся предложение Джудит Батлер о гендерном конструировании, сделанное вслед за «Пьесой сопротивления второго пола» Бовуар, вызвало интерес современных академических кругов, в то время как новые вопросы отходят от старых ответов. Батлер утверждает, что гендер является перформативным. В книге «Перформативные акты и гендерная конституция: эссе по феноменологии и феминистской теории» она утверждает, что это социально сконструированный дефолт пола, созданный благодаря социальной активности индивида в соответствии с гендерными нормами общества (Батлер, 520). Хотя общий консенсус удостоил эту теорию положительного признания, стоит отметить, что аспекты гендерной перформативности Батлера не позволяют анализировать гендер прагматично. Анализ человеческого опыта в любой из его областей должен учитывать прагматическую направленность, поскольку он должен быть сосредоточен на реалистичном улучшении повседневного функционирования людей. Давать двусмысленные ответы существам, об-

ладающим уверенностью, - это прерогативы гендерной перформативности, которые слишком широки, чтобы дать что-либо достаточно конкретное для переопределения социальной концепции гендера в каком-либо абсолюте.

Тем не менее, несомненно, что утверждение Батлера о гендере как о перформативном, возможно, включает в себя индивидуальное выражение гендера, наиболее понятное на сегодняшний день. Однако даже гендер как индивидуальное выражение является отражением коллективной концепции гендера. По этой причине индивидуалистическая теория гендерной конституции Батлера поднимает вопросы относительно ее прагматического применения к индивиду в социальном мире, в котором он/она функционирует. Является ли гендер когда-либо действительно действием индивида? Является ли гендерное конструирование и экспансия роскошью, феноменом первого мира? В свете этих вопросов Батлер оставляет много возможностей для того, чтобы ее гендерная теория выжила на практике, поскольку гендер, возможно, не является индивидуальным действием.

Индивид против. Окружающая среда

Важность индивидуальных притязаний на идентичность человека не предполагает праг-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

**Gender Theory vs. Pragmatism: A Point of Diversion Between Judith Butler's Gender Performativity...
Гендерная теория против прагматизма: точка соприкосновения гендерной перформативности...**

**Melissa Padron
Мелисса Падрон**

матической направленности, с которой следует относиться к гендеру. Батлер представляет гендер как консолидирующийся посредством повторяющихся «телесных действий» или поведения, которые обычно ассоциируются с женщинами или мужчинами. Эта точка зрения утверждает, что гендер исполняется и устанавливается посредством «стилизованных повторения действий», которые формируются прототипами того, что культурно ожидается и внушается биологической женщине или мужчине (Батлер, 519). Таким образом, гендер является не только перформативным, но и трансформирующим, поскольку он осуществляется:

Поскольку нет ни «сущности», которую гендер выражает или экстернализует, ни объективного идеала, к которому гендер стремится; поскольку гендер не является фактом, различные акты гендера создают идею гендера, и без этих актов гендера вообще не было бы. Таким образом, гендер - это конструкция, которая регулярно скрывает свой генезис. (Дворецкий 522)

Заявив, что гендер социально сконструирован, она излагает это понятие как параллель театральному акту: если зрители верят выступлению актера, актер будет продолжать исполнять тот же номер (Батлер, 521). Представление о гендере изначально является предрефлексивным и реактивным, но может быть преобразовано посредством рефлексивных и обдуманых модификаций поведения индивидом, принадлежащим к гендеру. Посредством рефлексивных действий Батлер намекает на идею о том, что гендер обладает способностью к индивидуальному контролю, как идентичность, обладающая способностью трансформироваться и, следовательно, изменять реакцию, вызываемую средой, в которой он осуществляется. Разумно предположить, что переживаемый человеком гендер в значи-

тельной степени влияет на его/ее человеческое функционирование, делая индивидуальный подход к гендерной идентификации необходимым фрагментом гендерной конституции. Однако среда, в которой индивид выражает свой гендер, предполагает наличие социальных факторов, необходимых для понимания гендерной идентификации. В то время как гендерная теория Батлера поведенчески признает роль социального подкрепления в аналогии с театральным действием, она пренебрегает существенным влиянием социальных детерминант на гендерную идентификацию, даже следуя рефлексивному поведению.

Чтобы проиллюстрировать эту лазейку, я привожу рассказ Салли Хаслангер о гендерном теле. Ее конструктивистская точка зрения в книге «(Что) это такое? (Какими) мы хотим, чтобы они были?» утверждает, что гендер реален и социально сконструирован (Хаслангер, 51). Она стремится построить социальную модель, которая определяет, как общество диктует социальное распределение индивидов по полам с целью подчинения или привилегий (Хаслангер, 39). Эта гендерная теория бросает вызов идее индивидуальной идентичности Батлера как первичной для гендерной идентификации, особенно в отношении социального восприятия, подчеркивая минимальный эффект индивидуальной идентичности при социальной категоризации. Интерес Хаслангера заключается не в понимании индивидуальной ассоциации человека с полом, а скорее в социальной категоризации, которая происходит с этим человеком вне его индивидуального контроля. Эта теория гендера как социально детерминированного аспекта чье-либо идентичности подчеркивает прагматизм, отсутствующий в теории Батлера. Это обеспечивает практическую концептуализацию гендера в социальной среде, где индивидуальная идентичность существа, будь то дорефлек-

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

**Gender Theory vs. Pragmatism: A Point of Diversion Between Judith Butler's Gender Performativity...
Гендерная теория против прагматизма: точка соприкосновения гендерной перформативности...**

**Melissa Padron
Мелисса Падрон**

сивная или отражающая, не будет препятствовать его/ее навязанной извне категоризации по гендерам, как это воспринимается в обществе. Таким образом, вряд ли можно сказать, что гендер является перформативным и преобразующим посредством рефлексивных актов, даже если это может быть точным, поскольку при этом игнорируется неизбежное социальное разделение по признаку пола, с которым сталкивается каждый индивид. В этом смысле индивидуальная гендерная идентичность прагматически пренебрежимо мала.

Гендерная идентичность — это не индивидуальный акт, даже если он следует рефлексивному выбору. Теория Батлера оценивает идею о том, что гендерное поведение становится привычным для индивида. Если общество поверит этому поступку, он будет продолжаться. Это отражает социальное подкрепление, квинтэссенцию принципа бихевиористской психологии, как утверждает философ бихевиоризма Джон К. Джей Мур (Moore, 47). Трансформирующий атрибут гендерной теории Батлер напрямую связывает ее концепцию предрефлексивного и рефлексивного выбора с бихевиоризмом, противопоставляя прагматическую трансформирующую ценность рефлексивных действий. Хотя выбор, основанный на предварительном размышлении, встречается чаще, трансформация гендерного представления у индивида зависит от сознательного осознания своего гендерного поведения и рефлексивной модификации поведенческого выбора. Однако на поведение человека сильно влияет то, что общество принимает или отвергает. По словам психологов Натана К. Дьюолла и Брэда Дж. Бушмана, «Социальное принятие приятно [и] вознаграждает...», в то время как «социальное отвержение переживается как «горькое»... мотивировать людей избегать негативного состояния, в котором они

не получают преимуществ инклюзивности» (DeWall and Bushman, 257). С точки зрения бихевиористов, рефлексивный выбор, сделанный индивидом для изменения своего гендерного представления, не может быть отделен от социальной реакции, которую он вызывает, и, таким образом, не может быть по-настоящему индивидуальными действиями в соответствии с. Это означает, что индивид вернется к первоначальному гендерному поведению, которое соответствовало принятому до рефлексии выбору, если это приведет к избеганию социального отторжения и когнитивного диссонанса — психологического дискомфорта.

Стоит отметить, что это не было бы патологизацией нормального поведения, как утверждают некоторые, чтобы опровергнуть психологические аргументы, это просто понимание человеческой природы. Точно так же перформативный аспект гендера сталкивается с его прагматическим применением, что еще больше подтверждает идею о том, что гендерная идентичность никогда по-настоящему не является индивидуальным актом. Утверждение о гендере как о перформативном акте накладывает ограничения на гендерную идентичность, которые могут привести к конфликту в рамках его собственной философии. Недостаточно рассматривать гендер как перформативный, если индивид не «проходит» как исполняемый гендер, то есть если он социально не воспринимается и не концептуализируется как этот гендер. Деннис Шеп в книге «Пределы перформативности: критика гегемонии в гендерной теории» иллюстрирует один недостаток гендерной теории Батлера, поскольку она пытается «объяснить всю гендерную динамику, нетерпеливо исключая возможность внешнего, к которому она не может быть применена» (Шеп 873). Это не означает делегитимизации гендера, с которым сталкивается индивид.

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Gender Theory vs. Pragmatism: A Point of Diversion Between Judith Butler's Gender Performativity... Гендерная теория против прагматизма: точка соприкосновения гендерной перформативности...

Melissa Padron
Мелисса Падрон

Вызов теории заключается не в идентичности индивида как существа, а скорее в социальной концепции о нем, которая непосредственно повлияет на социальную реакцию по отношению к индивиду. Следовательно, прагматическое применение индивидуальной гендерной идентичности человека, определяемой в первую очередь социальной концепцией, а не индивидуальными действиями, неизбежно.

Свобода против свободы

Гендерная перформативность ограничивается феноменом первого мира. Частью руководства по западным идеологиям является свобода делать что-то просто потому, что они могут, потому что у них есть выбор. Свобода - это неоспоримое право, которое охраняют те, у кого нет зависти, и те, у кого никогда не было недостатка. Указанная свобода привела к созданию общества, руководствующегося индивидуалистическими идеалами, которое в первую очередь думает за себя и как личность. Таким образом, логично, что гендер - это вопрос, к которому подходят с аналогичной индивидуалистической точки зрения, адаптированной к культуре, породившей его. Тем не менее, теория Батлера о гендере как о перформативном и преобразующем факторе, по видимому, ограничена западными культурами. Не из-за неспособности академических кругов из разных культур взаимодействовать, а скорее из-за главной озабоченности удовлетворением основных человеческих потребностей. Патрик А. Гамбрел и Ребекка Чيانчи ссылаются на иерархию потребностей Абрахама Маслоу, чтобы объяснить уровни благополучия, которых должно быть достаточно для того, чтобы стало возможным абстрактное и систематическое мышление (Гамбрел и Чيانчи, 145).

Модель ранжирует физиологию, безопасность, чувство принадлежности, самоуваже-

ние и самоактуализацию как шаги, необходимые для насыщения, соответственно, для перехода к следующему (Гамбрел и Чيانчи, 145-146). В контексте социальной свободы это означало бы, что как только социальная группа получает гарантии безопасности, доступного питания, жилья, гигиены и экономической устойчивости, другие социальные проблемы, независимо от индивидуализма или коллективизма, выносятся на обсуждение в целях улучшения. Гендерная перформативность предполагает, что мысль о гендере как о чем-то большем, чем просто «то, что есть», является жизнеспособным вариантом для размышления, доступным каждому человеку, однако Верена Штольке утверждает, что теория не имеет культурного подтекста в книге «Женщина - это чистая история: Культура гендера»:

Батлер не уделяет никакого внимания социально-политическим обстоятельствам, которые благоприятствуют или препятствуют людям и/или социальным группам, бросающим вызов гетеросексуальной норме. Несомненно, на планете есть только одно небольшое привилегированное меньшинство, которое пользуется полной свободой в реализации своих сексуальных желаний. В работе Батлера снова остается нерешенным, кроме того, сомнение в том, какие последствия это имеет тогда в игре идентичностей, секса и сексуальности, в которой люди имеют разнополюсные тела двух разных типов. (Запас 100 штук)

Стокп проливает свет на последствия, которые делают гендерную теорию, ориентированную на личность, такую как гендерная перформативность, недоступной для культур, где проблемы далеки от развития или даже постановки под сомнение идентичности, противоречащей гендерным нормам. Кроме того, дефицит универсальности теорий, основанных на индивидуальности, из-за высокой вари-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

**Gender Theory vs. Pragmatism: A Point of Diversion Between Judith Butler's Gender Performativity...
Гендерная теория против прагматизма: точка соприкосновения гендерной перформативности...**

**Melissa Padron
Мелисса Падрон**

тивности бытия индивидуальностью самой по себе подтверждает прагматизм как необходимый компонент, который должен быть реализован в гендерной теории.

Теория гендерной перформативности Батлера предложила новую интерпретацию, которая продвинула современные представления о гендерном конструировании. Похвальное видение, тем не менее, его недостатки предполагают, что вопросы, касающиеся гендерного развития, поддержания и реформы, являются слишком широким морем, чтобы сказать что-либо, кроме того, что о его существовании известно. Индивидуалистический подход и

культурные вопросы, которые я установил, направляют разговор о гендере в связи с теорией Батлера в столь необходимую прагматическую плоскость. Понимание гендерного конструирования через прагматическую призму в сочетании с ролью социального поведения и ожидаемого поведения, возможно, могло бы пролить свет на необходимый вопрос, чтобы прийти к более обобщаемой гендерной теории.

Майями, 2022
Перевод Вадима Кортунова

Литература:

1. Дворецкий, Джудит. «Перформативные акты и гендерная конституция: эссе по феноменологии и феминистской теории». Театральный журнал, том 40.4, 1988, стр. 519-531.
2. Дьюолл, К. Натан и Брэд Дж. Бушман. «Социальное принятие и отвержение: сладкое и горькое». Современные направления в психологической науке, том 20.4, 2011, стр. 256-260.
3. Гэмбрел, Патрик А. и Р. Чианчи. «Иерархия потребностей Маслоу: применима ли она в коллективистской культуре». Журнал прикладного менеджмента и предпринимательства, том 8, 2003, стр. 143.
4. Хаслангер, Салли. «Пол и раса: (что) это такое? (Какими) мы хотим, чтобы они были?». Ноус, том, 34.1, 2000, стр. 31-55.
5. Мур, Джей. «Основные принципы бихевиоризма». Философское наследие бихевиоризма. Спрингер, Дордрехт, 1999, стр. 41-68.
6. Шеп, Деннис. «Пределы перформативности: критика гегемонии в гендерной теории». Гипатия, том 27, № 4, 2012, стр. 864-880., www.jstor.org/stable/23352299.
7. Исторические типы философии : Учебно-методическое пособие / А. А. Мамедов, К. И. Ромашкин, С. Л. Григорьев, Д. В. Котусов. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательские решения», 2018. – 250 с. – ISBN 978-5-4490-3626-1. – EDN NZGAVY.
8. Столк, Верена. «Женщина в чистом виде: Культура Мужчин / The Woman Is Pure Story: Культура гендера». Феминистские исследования, том 12, № 2, 2004, стр. 77-105. ДЖСТОР, www.jstor.org/stable/43596615. Чикаго, 2022 год
9. Grigoryev, S. L. Screen culture ontology: towards the problem statement / S. L. Grigoryev // Communicology. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – P. 57-68. – DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-2-57-68. – EDN FDCFPI.

*Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА*

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
 Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
 Эстебан А. Санчес

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible

Esteban A. Sanchez
graduated in 2023 with a Bachelors degree in Mathematics and Computer Science
from Amherst College in Amherst, MA.

KEYWORD: Virginia Woolf, English Literature, Literary Theory, Hannah Arendt, Plato

ABSTRACT

Woolfian Scholars regularly denote the moments where Woolf's characters feel inexplicably connected and inseparable from one another as representing the spiritual and mystic beliefs of their author. I want to reframe this notion, considering Woolf's moments of unity, not as a metafictional tool, but as a rebellion against the insensitive and inaccessible natural world. Wittgenstein's refutation of the linguistic contentions in Plato's Cratylus will outline language's relationship to reality and how Woolf rejects Platonic Forms. Woolf along with Hannah Arendt will consider thought's relationship to language and the will. In concert, these notions will demonstrate an epistemological disconnect between our self and reality. The radical form of The Waves will reveal how matter stabilizes human life and how groups of humans can create, share and suspend common illusion. Arendt, relating the self to the stories our actions create, will explore reflection's formative characteristics. All together, Woolf's moments of unity take the form of a decision to act against a reality that is insensitive and inaccessible to us.

Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Эстебан А. Санчес
окончил в 2023 году Амхерстский колледж в Амхерсте,
штат Массачусетс, со степенью бакалавра математики и компьютерных наук.

Ключевые слова: Вирджиния Вулф, Английская литература, Теория литературы, Ханна Арендт, Платон

Аннотация.

Вулфианские исследователи регулярно отмечают моменты, когда персонажи Вулфа ощущают необъяснимую связь и неотделимость друг от друга, как представляющие духовные и мистические убеждения их автора. Я хочу переосмыслить эту концепцию, рассматривая «Моменты единения» Вулфа не как метафорический инструмент, а как бунт против бесчувственного и недоступного мира природы. Оп

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вулф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

ровержение Витгенштейном лингвистических утверждений в «Кратиле» Платона описывает отношение языка к реальности и то, как Вулф отвергает платонические формы. Вместе с Ханной Арендт Вольф исследует связь мышления с языком и волей. Взятые вместе, эти концепции продемонстрируют эпистемологический разрыв между нашим «я» и реальностью. Радикальная волновая форма покажет, как материя стабилизирует человеческую жизнь и как группы людей могут создавать, разделять и приостанавливать общую иллюзию. Арендт, соотнося «я» с историями, которые создают наши действия, исследует формирующие характеристики рефлексии. Все вместе моменты единения Вулфа принимают форму решения действовать вопреки реальности, которая нечувствительна и недоступна для нас.

Какими бы ни были их методы, используют ли они традиционные литературные приемы, обобщают своих любимых философов или научно анализируют, как бы они использовали набор данных или математическое доказательство, ученые-вулфианцы, похоже, не могут избежать общего вывода о том, что работа Вирджинии Вулф пытается отразить отношения между нашим «Я» с помощью языка - и с внешним миром. С их точки зрения, Вулф пытается осуществить своего рода лингвистическую овеществление опыта. Однако мне кажется, что этот вывод является упрямым и всепроникающим побочным эффектом гораздо более масштабного процесса, которому в первую очередь посвящены ее романы. Рассматриваемый процесс, одновременно признаваемый и игнорируемый критиками как мистический и иррациональный, похоже, очаровал Вулф со времен ее первого романа «Выход», где Рэйчел представляет мистеру Дэллоуэю краткую аллегорию о старой вдове из Лидса. В то время как акты парламента затрагивают материальное имущество вдовы, остается «разум вдовы - ее привязанности»; те, кого вы оставляете нетронутыми» (57). Здесь Вулф рассматривает внутреннюю частную жизнь отдельных людей как нечто отдельное от политической системы. Внутреннее «я» недоступно человеческим действиям;

ни один другой человек не может претендовать на то, чтобы быть нами, понимать нас во всей полноте - одним словом, человеческие отношения дискретны. Преодоление дистанции между отдельными существами продолжает мучить Вулфа в «Миссис Дэллоуэй», когда Кларисса размышляет: «Высшая тайна... все было именно так: здесь была одна комната, там была другая. Решила ли это религия или любовь?» (127). «Высшая тайна» представлена Лили в более определенной и острой форме в книге «К маяку».

Какое искусство, известное как любовь или хитрость, с помощью которого можно было проникнуть в эти тайные покои? Каков способ стать, подобно воде, налитой в один кувшин, неразрывно единым целым с объектом обожания? Может ли тело или разум достичь этого, незаметно перемешиваясь в запутанных проходах мозга? или сердце? Могла ли любовь, как ее называли люди, сделать ее и миссис Рамзи единым целым? (Волк, 51 год)

Отсылки к дискретной системе человеческих взаимоотношений и агонии изоляции в изобилии встречаются в работах Вулф, что делает одиночество человеческой жизни главной заботой для нее. Читая эти тексты, я надеюсь выйти за рамки лингвистической овеществленности опыта, чтобы прояснить процесс, с помощью которого Вулф пытается выйти за рамки этой дискретной системы. Вит-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вулф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

генштейн и «К маяку» ставят под сомнение роль языка в формулировании конечной реальности, отвергая платоновские формы. Концепция действия Ханна Арендт представит связь языка с мышлением, обеспечит основу для понимания того, как функционируют материя и время в романе Вулфа, и продемонстрирует формирующее качество рефлексии и борьбу человека за передачу историй.

Прежде всего, важно отвергнуть слишком распространенное утверждение о том, что эти моменты единства или всеведения являются метафигионными инструментами, с помощью которых Вулф пытается донести определенные идеи. Дэвид Нил Миллер в книге «Точка зрения автора в романе Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй»» попадает в эту распространенную ловушку:

Безусловно, верно, что стиль и тон излагаемой мысли (мысли, не связанной с прямым дискурсом) на удивление постоянны для всех персонажей; однако я бы предположил, что это скорее сигнал, чем упущение: читателя предупреждают, что языковая поверхность не полностью принадлежит персонажу, чей излагаются мысли. записано, но, по крайней мере, частично для записывающего сознания. Таким образом, повторное появление групп слов и образов в мыслях более чем одного персонажа не кажется невероятным. (125)

Миллер ссылается на повторение морских образов и шекспировского «Не бойся больше солнечного жара» не только как на отождествление Септимуса и Клариссы, но и как на «авторский сигнал о важности отрывка, который он сопровождает» (126). Одержимый поиском точки зрения автора, Миллер сочетает общие черты между персонажами в качестве рассказчика от третьего лица, общающегося непосредственно с читателем. Забывает ли он, что миссис Дэллоуэй, словно в раздумье, читает эти строки из книги в витрине магазина

(Вулф, Дэллоуэй, 9)? Или что Септимус [влюбился] в мисс Изабель Поул, которая читала лекции о Шекспире на Ватерлоо-роуд» (Вулф, Дэллоуэй, 85)? Это не значит умалить важность замечания Шекспира в этом тексте или сказать, что общее сознание между Септимусом и Клариссой иллюзорно, создано случайным совпадением. Их общее сознание, основанное на общем опыте, указывает на роман - его содержание и составляющее действие - как на заключенный в нем самом. Метафигионный анализ переживаний персонажей кажется извращенным и совершенно неточным, как придание символического и эстетического порядка случайным действиям в сфере человеческих отношений. Какой бы тип анализа ни использовался, нет никаких сомнений в том, что и Кларисса, и Септимус чувствуют связь со всеми людьми и со всем, что существует:

Она была уверена, что была частью всех деревьев дома; этого дома, уродливого, разваливающегося на куски, каким он и был; частью людей, которых она никогда не встречала; она лежала, как в тумане, между людьми, которых знала лучше всего, которые поднимали ее на свои ветви, когда она была маленькой. она видела, как деревья рассеивают туман, но он распространялся все дальше и дальше, ее жизнь, она сама. (9)

Но они манили; листья были живыми; деревья были живыми. И листья, соединенные миллионами волокон с его собственным телом, там, на сиденье, обмахивали его вверх и вниз; когда ветви вытянулись, он тоже сделал это заявление. (22)

Зигмунд Фрейд в книге «Цивилизация и ее неудовлетворенность» предлагает две психоаналитические причины этого «чувства неразрывной связи со всем окружающим миром и принадлежности ко всему окружающему (Фрейд, 3)»: любовь, когда «граница между эго

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

и объектом находится под угрозой размытия» (4)., и младенец, который «поначалу не отделяет свое эго от внешнего мира» (4). Фрейд приходит к выводу, что эти чувства всеведения, вероятно, проистекают из остаточных ощущений мира, которые существовали до отделения эго. Сабина Соттер-Леджер в книге «Вызвано сводящей с ума причиной: переосмысление Септимуса Смита и его роли в «Миссис Дэллоуэй» Вирджиния Вулф диагностирует Септимуса как шизофреника и признает, что «шизофреники спорадически склонны к крайней интроверсии и закливаются на множественной или фрагментированной природе своего «я»» (11). Используя работу Луиса А. Сасса, она показывает, что симптомы шизофрении возникают «не из-за недостатка рационального мышления, а скорее из-за гиперрациональности и гиперрефлексивного осознания» (11). Она определяет «потребность потерять или рассеять себя, чтобы найти и более полно реализовать определенную идентичность» (19) как фундаментальное напряжение в миссис Дэллоуэй. С точки зрения неврологии и психоанализа, чувство всеведения хорошо задокументировано и является нормальным и продуктивным явлением для реализации индивидуальности. В свете этого метафизическое утверждение Миллера о том, что моменты всеведения устанавливают общее «прозрение Септимуса и Клариссы как точку зрения автора» за спинами «избранного сознания» (Миллер, 130), кажется излишне многословным. Скорее всего, Вульф просто пытается передать ощущение всеведения.

Харрисон объясняет:

Объекты действительно имеют длину; но невозможно определить длину как составляющую реальности без обращения к практике измерения. Таким образом, невозможно рассматривать длину как одну из многих категорий объектов, на которые, согласно точке

зрения Кратила, делится Реальность, предшествующая установлению какой-либо человеческой практики или лингвистической конвенции. (37)

Как следствие аргумента Витгенштейна, платоновские формы не могут быть конечной реальностью или вещью как таковой. Роберт Бейкер в книге «Что мы имеем в виду, когда говорим о трансцендентности? Платон и Вирджиния Вулф», размышления о тождестве форм:

Иногда они кажутся универсалиями, применимыми ко всему вообще, а иногда они кажутся стандартами, или нормами, или тем, что на обычном языке мы называем идеями... многие современные философы... я согласился с наблюдением Эрика Хэвелока о том, что такие универсалии были бы воплощениями синтетических суждений. (318-319)

Подобно Витгенштейну, Хэвлок идентифицирует универсалии Платона (естественные классификации объектов) как овеществления синтетических суждений - суждений, требующих восприятия внешнего мира. Эти универсалии создаются отношением нашего восприятия к реальности, а не самой реальностью.

Если мы предположим, что вещь сама по себе является Формой, как предполагал Платон, мы просто действовали бы в сфере человеческого влияния, не связанной с конечной реальностью; таким образом, даже представление о том, что существуют формы вне нашего восприятия, является продуктом человеческой практики. Иными словами, язык действует центробежно по отношению к самой вещи.

Приравнивание платоновских форм к высшей реальности кажется особенно уместным, учитывая их центральное положение в исследованиях мистера Рамзи. Его работа посвящена «субъекту, объекту и природе реальности» (Вульф, «Маяк», 23), и Эндрю советует

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арентд: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

Лили «подумать о кухонном столе... когда тебя там нет» (23). Предложение Эндрю, по-видимому, является классическим упражнением в формах. Представление кухонного стола без наличия физического стола означает, что человек представляет себе форму стола, размышляя о его характеристиках. Вульф демонстрирует свои симпатии к опровержению Кратила Витгенштейном в «Время проходит», где структурный сдвиг и отождествление рассказчика с морскими ветрами позволяют нам увидеть человеческие действия с примитивной точки зрения. Взаимодействие человека с природой сводится к техническому обслуживанию - заботе миссис Макнаб о доме - и созерцанию природы реальности, задаванию вопросов «к чему, и почему, и для чего» (Вульф, «Маяк», 128). Созерцатель в «Проходящем времени», подобно Платону, пытается прояснить более благородные силы посредством размышлений об объектах и природе. Вульф отвергает концепцию самой вещи в тех же терминах, что и Витгенштейн и Хэвлук:

С равным самодовольством [природа] наблюдала за его страданиями, его подлостью и его пытками. Эта мечта о том, чтобы поделиться, завершить, найти в одиночестве на пляже ответ, была тогда всего лишь отражением в зеркале, а само зеркало было всего лишь стеклянной поверхностью, которая образуется в состоянии покоя, когда под ней дремлют более благородные силы? (134).

Лингвистическая и эпистемологическая категоризация объектов и форм Платона, по-видимому, синонимична нашему созерцателю, поскольку оба предполагают, что универсалии существуют вне человеческих условностей и практики. Однако это созерцание, по словам Вульфа, является «отражением в зеркале». Природа, являющаяся стеклянной поверхностью, означает, что универсалии, которые, как мы верим, можно найти там, - это только то,

что мы могли бы найти внутри себя. Утверждение Вульфа о том, что это зеркало образуется в состоянии покоя, отражает язык Платона в аллегории пещеры, но происхождение этого состояния покоя является предметом спора между ними. Поверхностная стеклянность возникает не из-за компонента реальности, как утверждает Платон, а скорее в результате неспособности нашей рациональности, восприятия и языка адекватно объяснить реальность.

«Волны» вводят новую литературную форму и структуру, которая не только предполагает несуществование форм, но и удаляет из основного повествования внешний, воспринимаемый мир. Уточним, что «Волны» - это не монологи шести сознаний в пустоте, отделенные от всех представлений о внешнем мире. Скорее, форма романа заставляет нас сомневаться в составляющих реальность объектах. Повествовательная форма - это тонированное окно, за которым читатель может разглядеть лишь слабые темные очертания фигур на другой стороне. Если «Время проходит» показало свойства природы, не связанные с действиями человека, то «Волны» показывают свойства действий человека, не связанные с природой. Книга Ханне Арентд «Состояние человека» также рассматривает человеческую деятельность, в частности *vita activa* (активную жизнь), отличную от *vita contemplativa* (созерцательной жизни). Мы рассмотрим *vita activa* и *vita contemplativa* Арентд в контексте сознания, мышления и языка - единственных вещей, в которых мы можем быть уверены, когда внешний мир настолько скрыт. *Vita activa* состоит из трех видов деятельности: труд, работа и действие. Труд - это «биологический процесс человеческого организма» (Арендт, 7) и необходимые для него виды деятельности. Работа «соответствует неестественности человеческого существования» (7) или производству

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

физических объектов. Действие - это множественность людей. Как индивидуум, мы существуем вместе с другими людьми и отличаемся от всех остальных. Действие создает сеть человеческих взаимоотношений, структуру, которая представляет все человеческие взаимодействия и является «единственной деятельностью, которая осуществляется непосредственно между людьми без посредничества вещей или материи» (7).

Прежде чем перейти к действию и *vita activa*, я хочу рассмотреть мышление и *vita contemplativa*: деятельность человека, которая не вызывает никаких внешних последствий. Виктория Баэна в книге «Труд, мысль и авторская работа: Вирджиния Вульф и Ханна Арендт» пишет:

[Мысль] некогнитивна и неинтенциональна в смысле стремления к цели, но она остается связанной с миром посредством языка и метафор, которые делают очевидной работу мысли - даже если, как утверждает Арендт, метафоры никогда адекватно не описывают бесцельную, лишнюю мира природу мысли. «Мышление не в порядке, - по ее словам, - потому что поиск смысла не приводит к конечному результату, который переживет деятельность, который будет иметь смысл после того, как деятельность подойдет к концу» (88).

Некогнитивные и непреднамеренные качества мышления являются фундаментальной и неотложной реализацией. Айрис Мердок, подводя итог работе Стюарта Хэмпшира в книге «Идея совершенства», объясняет это же понятие по-другому:

«Мысль и вера отделены от воли и действия. «Мы действительно стараемся в обычной речи и мышлении проводить различие между мыслью и действием настолько четко, насколько это возможно». Мысль как таковая - это не действие, а введение в действие. «То, что я делаю, - это то, за что я несу ответст-

венность и что является своеобразным выражением меня самого. Для мысли важно, чтобы она принимала свои собственные формы и следовала своим собственным путям без моего вмешательства, то есть без вмешательства моей воли. Я отождествляю себя со своей волей. Мысль, когда она наиболее чиста, является самонаправляющейся. . . . Мысль начинает идти своим собственным путем, управляемая своими универсальными правилами, когда предварительная работа воли завершена. Ни один мыслительный процесс не мог бы прерываться волевыми актами, добровольными переключениями внимания и сохранять свой статус непрерывного мыслительного процесса» (5-6).

Арендт, утверждая, что язык связывает мысль с миром, представляет язык как нечто внешнее по отношению к мысли, силу, которая должна быть навязана ей. Взятая вместе, мысль может быть разделена на два момента: непреднамеренная, бессловесная мысль и мысль, преобразованная в язык. Последнее, которое происходит благодаря прямому вмешательству воли, прекращает процесс мышления, и это прекращение означает, что язык может попытаться установить его значение только после того, как мысль закончилась. Мысль предшествует языку и действует отдельно от нашей воли. Бернард, описывая предполагаемый опыт Сьюзен, описывает существование этих двух моментов:

Даже ваше желание обладать одной-единственной вещью, пока вы смотрите на жука (теперь это Луи), должно поколебаться, подобно свету, проникающему в буквые листья и выходящему из них; и тогда слова, смутно шевелящиеся в глубинах вашего разума, разомнут этот твердый узел, завязанный в вашем кармане. - носовой платок. (Вульф, «Волны», 15)

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

Вот пример вмешательства воли в некогнитивный, непреднамеренный процесс. По мнению Сьюзен, слова вмешиваются в ее желание, «смутно шевелясь в глубинах разума», чтобы разорвать ее мысль, «этот узел твердости». Невилл придает определенную остроту этому понятию, когда восклицает:

И все же эти ревущие воды... на которых мы строим наши безумные платформы, более устойчивы, чем дикие, слабые и непоследовательные крики, которые мы издаем, когда, пытаясь заговорить, поднимаемся; когда мы рассуждаем и выдергиваем эти высказывания: «Я есть это; я есть то!» Речь фальшива. (Вульф, Волны, 138)

Даже если кто-то утверждает, что мысль принимает форму слов по привычке, язык все равно выступает в качестве неадекватного средства для этого. Как утверждает Арендт, язык целеустремлен и никогда не сможет точно описать «бесцельную, лишенную мира природу мысли». Далее Невилл утверждает, что язык извращает мысль, объекты и реальность, одновременно создавая их: «Ничему не следует давать названия, чтобы тем самым мы не изменили его» (81). Мысль нелична, примитивна и всепроникающа. Хэмпшир, как замечает Мердок, заявляя: «Я отождествляю себя со своей волей», также заявляет о нашем отделении от мысли и ее нечувствительности к нам. Язык действует как надстройка, наложенная на реальность, «нечувствительная» материя которой включает в себя нас самих и которая содержит «бурлящие воды» мысли, которые наш язык должен осмыслить.

Язык, опирающийся на метафоры и сравнения, не в состоянии описать составляющие реальность объекты и конечную реальность. Язык также не в состоянии описать наше восприятие в той мере, в какой оно представляет собой мысли, когнитивно и намеренно выраженные в словах. Будучи связанными с ре-

альностью этими средствами, мы видим, что наше «я» дважды оторвано от реальности. Учитывая, что единство должно быть найдено в самой реальности, мы можем, следовательно, заключить, что мы эпистемически неспособны передать единство. Вульф ясно дает это понять в «К маяку», когда Лили восклицает: «Она желала не знания, а единства, не надписей на табличках, ничего такого, что могло бы быть написано на любом языке, известном людям» (51).. Возможно, именно поэтому Наремор склоняется к мистицизму и утверждает, что шесть сознаний, объединенных как один человек в Волнах, должны обитать в «своего рода духовном царстве» (Gami, 54), или почему Соттер-Леже признает всеведущие чувства Септимуса нормальными, но также в некотором роде иррациональными, необоснованными и аномальными. Мы никогда не сможем узнать о личной жизни других людей; мы не можем передать свои чувства единства со всеми людьми и всеми вещами; нет эпистемологического чувства единения; нет «способа стать, подобно воде, налитой в один кувшин, неразрывно одинаковыми, едиными с объектом обожания». Если *vita contemplativa* и эпистемологическое подвели нас, то, возможно, нам нужно обратиться к *vita activa* и онтологическому.

Описание романа и его овеществления опыта в эпистемологических терминах, возможно, оказало нам медвежью услугу, позволив слишком глубоко погрузиться в метафизику, игнорируя при этом невероятную способность романа описывать состояния бытия. Волны, отделяющие себя от объектов этого мира, служат идеальным инструментом для такого типа онтологического анализа. Не заботясь об отношении языка к реальности, мы можем сосредоточиться на способности языка описывать состояния бытия и посмотреть, сможем ли мы найти в этом единство.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

Не совсем ясно, что Арендт имеет в виду, когда определяет действие как происходящее «непосредственно между людьми без посредничества вещей или материи», особенно когда она ранее утверждала, что «вещи этого мира выполняют функции стабилизации человеческой жизни.... Люди, несмотря на их постоянно меняющуюся природу, могут восстановить свою одинаковость, то есть свою идентичность, находясь в родстве с одним и тем же стулом и одним и тем же столом» (137). Возможно, она имеет в виду, что в то время как материя стабилизирует человеческую жизнь, действие могло бы существовать и без нее. В этом случае, или как-то иначе, без материи сеть человеческих взаимоотношений была бы совершенно другого типа, а именно, она потеряла бы свою дискретность. Бернارد придает смысл и нюансы этому утверждению, когда говорит:

Нет, но я хочу погрузиться; побывать в глубоких глубинах; время от времени пользоваться своей прерогативой не всегда действовать, но исследовать; слышать смутные, родовые звуки - скрип ветвей, мамонтов, потакать несбыточным желанием, обнять весь мир руками понимания, невозможными для тех, кто действует. (Вульф, Волны, 114)

Бернارد, по-видимому, рассматривает не столько пространственную трансценденцию, сколько пространственный резонанс, более глубокий, чем сфера человеческих действий. Невозможность попасть в изменчивое пространственное царство, где можно исследовать и слышать звуки предков - сучьев и мамонтов, возникает из-за действия. Именно наши физические отношения с другими существами предполагают, что этот тип царства иллюзорен и воображаем. Эта взаимосвязь между сетью человеческих взаимоотношений и материей лучше всего видна в колебаниях Септимуса между первым и моментами его

всеведения. Сью Роу в книге «Влияние постимпрессионизма» объясняет: «Кларисса, хотя ее мысли выходят за рамки пространственных отношений, которые определяют ее, всегда может вернуться в эти пространства, в то время как Септимус никогда не сможет вернуться» (180). Неспособность Септимуса осознать свои ограничения, неспособность сохранить представление о том, что «здесь была одна комната, а там другая», особенно пронизательна, учитывая его кратковременное возвращение в космос перед самоубийством. Он просыпается после дневного сна «наедине с буфетом и бананами. Он был один, беззащитный на этом мрачном возвышении, распростертый - но не на вершине холма, не на утесе, а на миссис Диван в гостиной Филмера» (Вульф, 45 лет). Восприятие Септимуса здесь заметно отличается. Доктора Холмса и доктора Брэдшоу, ранее упоминавшихся как человеческая натура — «Короче говоря, человеческая натура была на нем - отталкивающее животное с кроваво-красными ноздрями» (92) - теперь упоминаются только по именам: «Холмс и Брэдшоу набросился на него! Зверь с красными ноздрями заглядывал во все потайные места!» (47). Возвращаясь от всеведения к пространственности, Септимус также возвращается в царство дискретных человеческих дел; там снова существуют индивиды, а не абстракции. В этом смысле Бернارد - полная противоположность Септимусу. Он покидает паутину человеческих отношений, чтобы «потакать невозможным желанием» пространства, в то время как Септимус покидает пространство, чтобы «потакать невозможным желанием» человека.

В то время как другие настроены враждебно по отношению к «невыполнимым желаниям» индивида, нам еще предстоит рассмотреть групповое сознание и то, как группы коллективно определяют один и тот же опыт. Это

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

довольно ясно видно в детской игре, когда группы детей могут создать общее воображаемое пространство. Без опоры на материю различия между этим общим воображаемым пространством и реальным становятся размытыми. Играя в детстве, Бернард говорит: «Сейчас мы находимся на болоте, в малярийных джунглях. Есть слон, белый от личинок, убитый стрелой, попавшей ему в глаз» (22). Форма этого романа не позволяет нам отличить это место действия от букового леса, где Сьюзен «бросается на корни под деревьями, где свет, кажется, проникает внутрь и гаснет, проникает и гаснет» (14). Мы можем лишь поспешно заключить, что действие романа определено происходит в Англии гораздо дальше, чем в малярийных джунглях, но у нас нет возможности подтвердить наше фактическое местоположение. Почему бы Бернарду не стать исследователем в малярийных джунглях, мечтающим стать маленьким мальчиком в Англии? Что характерно для случая детской игры, так это то, что при приостановке групповой иллюзии вовлеченные в нее индивиды становятся атомарными. В этом случае, если один ребенок признает, что уже темнеет и пора ложиться спать, иллюзия разрушается. Или, если другой ребенок уходит в свой собственный воображаемый мир, общая иллюзия может приспособиться к этому уходу. Возможно, это справедливо даже для группового сознания в целом. Когда Рода, во всей своей абстракции, увидит, как цифра восемь трансформируется на классной доске, мы, возможно, начнем понимать, что наш дискретный мир так же иллюзорен, как малярийные джунгли:

Смотрите, контур фигуры начинает заполняться со временем; в нем заключен весь мир. Я начинаю рисовать фигуру, и мир замыкается в ней, а я сам нахожусь вне петли; которую я теперь соединяю - вот так - и запечатываю, и делаю целостной. Мир цел, и я нахожусь за

его пределами, взывая: «О, спаси меня от того, чтобы меня навсегда унесло за пределы петли времени!» (Вульф, «Волны», 21-22)

Суммы на классной доске, преобразующиеся в их рациональные, математические и лингвистические представления, создают и заключают в себе целый мир. Лучше всего это видно из утверждения Бернарда о том, что реальность может быть описана только в метафорических терминах. Именно с помощью этих сравнений мы определяем и замыкаем наш мир; язык встает между нашей реальностью и недоступным и нечувствительным. Не зная результата умножения шести на семь, умноженного на восемь, Рода оказывается выброшенной за пределы рационального мира, и возникает намек на то, что именно созданный человеком мир настолько нечувствителен к человеческому опыту. Если и воображаемое, и реальное созданы по замыслу человека, совет Невилла становится особенно актуальным: «Зачем проводить дискриминацию?... Позволь этому существовать, этому берегу, этой красоте, и я на одно мгновение погрузился в наслаждение» (Вульф, «Волны», 81). Устойчивость дискретной системы человеческих взаимоотношений как реальной проистекает из стабилизации материи, но также, как утверждает Рода, и из времени.

Отношение человека ко времени, пожалуй, лучше всего проясняется Арендт, когда она рассматривает нас самих и истории, из которых мы состоим:

Сложность заключается в том, что в любой серии событий, которые вместе образуют историю с уникальным значением, мы в лучшем случае можем выделить агента, который привел весь процесс в движение; и хотя этот агент часто остается субъектом, «героем» истории, мы никогда не можем однозначно указать на него как на автора о его конечном результате. (185)

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

Рассматривая это отсутствие авторства, Арендт ловко признает, что мы часто неверно истолковываем автора, дергающего за ниточки своих вымышленных персонажей, в нашей совершенно не вымышленной жизни. Вместо того, чтобы наши истории были, как утверждает Платон, «своего рода игрушкой бога» (Арендт, 185), «причина, по которой каждая человеческая жизнь рассказывает свою историю и почему история в конечном счете становится сборником рассказов человечества, со множеством действующих лиц и ораторов, но без каких-либо реальных авторов, заключается в том, что и то, и другое являются результатом действия» (184). Арендт имеет в виду, что каждым своим поступком индивид уникальным образом влияет «на жизненные истории всех тех, с кем он вступает в контакт» (184). Неразличимый гигант действий, которые влияют на нас, как прямо, так и косвенно, является квазиавтором истории нашей жизни, а не мы сами, другие люди или какой-либо всеведущий Бог. Когда Бернард чувствует себя единым целым со своими друзьями, он в первую очередь мыслит в терминах действия, паутины человеческих взаимоотношений и неотличимости своих действий от действий тех, кто его окружает:

Я не могу найти никакого препятствия, разделяющего нас. Между мной и ними нет разделения. Пока я говорил, я чувствовал: «Я - это ты». Это различие, которому мы придаем такое большое значение, эта идентичность, которую мы так лихорадочно лелеем, была преодолена. ...Вот здесь, на моем лбу, след удара, который я получил, когда Персиваль упал. Здесь, на моем затылке, остался поцелуй, который Джинни подарила Луи. Мои глаза наполняются слезами Сьюзен. Я вижу вдалеке, трепещущую, как золотая нить, колонну, которую видела Рода, и чувствую порыв ветра ее полета, когда она прыгнула. (289)

Этот тип союза в некоторой степени иллюзорен, поскольку он не реализуется в настоящем. Чтобы различать и понимать настоящий момент, человек должен понимать прошлые действия и то, как сеть человеческих взаимоотношений трансформировалась в настоящее. Значение встречи двух незнакомцев на улице происходит из осознания того, что когда-то они были любовниками, разлученными эгоизмом, временем и обманом. Вот почему Бернард, пытаясь осознать смысл, постоянно рассказывает предыстории людям, которых он видит в настоящем. В этом смысле союз Бернарда может быть только ретроспективным, реализованным посредством прямого вмешательства воли, чтобы придать смысл истории жизни, которая хаотична, парадоксальна и непонятна настолько, что мы не являемся ее авторами. Пока проходит время и происходят действия, мы постоянно гонимся за настоящим, размышляя о прошлом. Жить настоящим и пожинать его плоды - как это пропагандировалось на протяжении всей истории многими культурами, религиями и философиями - значит преодолеть антагонистическую временность человеческого существования.

Итак, чтобы обрести хоть какое-то чувство единения, нам нужно выйти за пределы как пространства, так и времени. Это ужасно похоже на смерть. С самого начала кажется, что Вульф, по сути, рассматривал смерть как основной способ осознания единства. В «Путешествии» Хьюит после смерти Рэйчел думает: «Теперь у них было то, чего они всегда хотели, - союз, который был невозможен, пока они были живы» (334). Возможно, именно поэтому самая значительная связь между Септимусом и Клариссой возникла после смерти Септимуса. Или почему миссис Рамзи, кажется, преследует заключительную часть «К маяку», существуя как единое целое с Лили и экстралингвистически присутствуя в самом чувстве и

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

сознании самого повествования. Однако, как и в пропозициональном исчислении, где ложное утверждение может подразумевать что угодно, как истинное, так и ложное, смерть - это инструмент, который позволяет нам легко делать выводы, какие нам заблагорассудится. Мне очень удобно заявить, что после смерти мы выходим за пределы дискретной системы человеческих взаимоотношений, потому что в живых нет никого, кто мог бы доказать обратное. В этой связи г-жа «Трансцендентальная теория¹» Дэллоуэя, согласно которой «невидимая часть нас, которая распространяется широко, невидимое может выжить, быть восстановлено, каким-то образом привязано к тому или иному человеку или даже посещать определенные места после смерти» (153), приобретает своего рода наивность. Ее теория, по-видимому, касается не образа жизни, а способа умереть.

Вулф, похоже, осознает это, меняя свой взгляд на смерть с умиротворяющей силы на врага, с которым должна бороться человеческая жизнь: «Смерть - это враг... Против тебя я брошусь, непобедимый и непреклонный, о Смерть!» (Вульф, «Волны», 297). И Арендт, классифицируя *vita activa*, и Вульф, создавая радикально новую повествовательную структуру в «Волнах», пытаются прояснить состояние человека, уменьшая отвлекающие факторы и рассматривая нас самих в наших самых примитивных действиях и способностях. «Волны» завершаются восторженным чувством радости и триумфа, когда Вульф обнаруживает свое единение с этими самыми примитивными действиями человека. Бернад, приближающийся к смерти, задает вопросы:

Как называется Луна? А фраза, обозначающая любовь? Каким именем мы должны называть смерть? Я не знаю. Мне нужно немного языка, которым пользуются влюбленные, односложных слов, которые произносят

дети, когда входят в комнату и застают свою мать за шитьем... Мне нужен вой, плач... Ничего аккуратного. Ничего такого, что опускается всеми своими лапками на пол. Ни одного из тех резонансов и прелестных отголосков, которые разбиваются и звенят от нерва к нерву в нашей груди, создавая дикую музыку, фальшивые фразы. Я покончил с фразами. (295)

Похоже, что союз, которого желает Вульф, находится в руках тех, кто связан через него. Не имея надлежащих инструментов для различения и определения реальности, тогда, возможно, естественно определять ее самим. Столкнувшись с великим увековечиванием одиночества языком, влюбленные создают маленький язык, как это делают Хьюит и Рэйчел, чтобы перестать «быть маленькими отдельными телами» (Вульф, «Путешествие наружу», 298). Налицо «триумф» миссис Рамзи, когда она выражает любовь к своему мужу, оборачиваясь и глядя на него; «она этого не говорила, но он знал» (Вульф, «Маяк», 124). Существует необъяснимый союз матери и ребенка через односложные слова и крики, раздающиеся в ночи. Именно ненасытное желание Лили сублимировать дистанцию позволяет ей разделить сознание с мистером Кармайклом, «отдохнуть в крайней неизвестности человеческих отношений» (Вульф, «Маяк», 171), наблюдая за белым парусником в синем море. Именно желание миссис Дэллоуэй преодолеть одиночество и страх Септимуса перед рациональным и человеческим создают у них ощущение всеведения. Отделение языка и восприятия от реальности означает, что мы должны бороться с бесчувственной материей; создавать желаемый опыт; чувствовать себя единым целым, сохранять опыт и демонстрировать его всем этим антагонистичным индивидуумам в паутине человеческих отношений; бросать им вызов разделить нас; окутывать и овеществлять единое я в романе. Это одно-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГГУ-МСХА

Unity in Virginia Woolf and Hannah Arendt: Creating Reality in the Insensitive and Inaccessible
Единство у Вирджинии Вульф и Ханне Арендт: создание реальности в бесчувственном и недоступном

Esteban A. Sanchez
Эстебан А. Санчес

временно самый примитивный и высший акт человеческого бунта.

Амхерст, 2022 год
 Перевод Вадима Кортунова

Литература:

1. Арендт, Ханна. Состояние человека. Издательство Чикагского университета, 1958.
2. Баэна, Виктория. «Труд, мысль и авторская работа: Вирджиния Вульф и Ханна Арендт». Диакритические знаки, том 48, номер 1, 2020, стр. 82-105.
3. Бейкер, Роберт. «Что Мы имеем в виду, когда говорим о Трансцендентности? Платон и Вирджиния Вульф.» Философия и литература, Том 43, номер 2, октябрь 2019 г., стр. 312-335
4. Фрейд, Зигмунд. Цивилизация и ее недовольства. Перевод Дэвида Маклинктока, Penguin Modern Classics, 2002.
5. Гами, Лоран. «Дуалистическое видение в «Волнах» Вирджинии Вулф». Американские, британские и канадские исследования, 2021, Том 36 (1), стр.49-66
6. Харрисон, Бернард. «Воображаемые миры и реальный: Платон, Витгенштейн и Мимесис». Философия и литература, 1993, том 17, с.26-46.
7. Мамедов, А. А. Историзм и свобода личности / А. А. Мамедов, А. А. Мамедов // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 6. – С. 251-262. – EDN MYJAQM.
8. Миллер, Дэвид Нил. «Авторская точка зрения в романе Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй». Журнал теории повествования, том 2., № 2, 1972, стр. 125-132.
9. Мердок, Айрис. «Идея совершенства». Верховенство Добра. Классика Рутледжа, 2001.
10. Роу, Сью. «Влияние постимпрессионизма». Кембриджский компаньон Вирджинии Вульф. Издательство Кембриджского университета, 2000, стр. 164-190.
11. Соттер-Леже, Сабина. «Вызван по сводящей с ума причине: переосмысление Септимуса Смита и его роли в «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вулф». Статьи по языку и литературе. Том 53, выпуск 1, 2017, стр. 3-31,98.
12. Вульф, Вирджиния. Выход в море. Классика пингвинов, 1992.
13. Вульф, Вирджиния. Миссис Дэллоуэй. Харкорт, 2002.
14. Вульф, Вирджиния. К маяку. Харкорт, 1989 год.
15. Вульф, Вирджиния. Волны. Сборники урожая, 1978.
16. Grigoryev, S. L. Screen culture ontology: towards the problem statement / S. L. Grigoryev // Communicology. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – P. 57-68. – DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-2-57-68. – EDN FDCFPI.

Примечания:

1.) Важность трансцендентальной теории миссис Дэллоуэй подчеркивается и далее исследуется Сабинной Соттер-Леже в книге «Вызванный сводящей с ума причиной: переосмысление Септимуса Смита и его роли в «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вулф» (21).

Современная зарубежная философия
 Выпуск 1
 Москва, 2023
 Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Dilthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Dilthey's Historiography

Youngdahl Kaylee
graduated in 2021 with a Bachelors degree in English
from University of Winnipeg in Hadashville, Canada.

KEYWORD: History, Materialism, Idealism, Relativism, Philosophy of History

ABSTRACT

The transformation of the philosophy of history reveals how and why methodological systems change over time. Methodological systems engage in contemplative action, and strive to assemble a distinguishable pattern of historical study. Though structure develops its own epistemology, without a shared notion of collective human experience there would be no collective history to reflect upon. This study maps the changes of philosophic methodology, within the context of historical study, from 1800-1850, but maintains that the action of reflective contemplation remains. The methodological systems of Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Karl Marx, and Wilhelm Dilthey, will reveal the discourse of these changes.

Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Янгдал Кейли
окончила в 2021 году Виннипегский университет в Хадашвилле,
Канада, со степенью бакалавра английского языка.

Ключевые слова: История, Материализм, Идеализм, Релятивизм, Философия Истории

Аннотация.

Трансформация философии истории показывает, как и почему методологические системы меняются с течением времени. Методологические системы предполагают созерцательное действие и стремятся создать различимую модель исторического исследования. Хотя структура развивает свою собственную эпистемологию, без общего представления о коллективном человеческом опыте не было бы коллективной истории, над которой можно было бы размышлять. Это исследование отображает изменения философской методологии в контексте исторического изучения с 1800 по 1850 год, но утверждает, что действие рефлексивного созерцания остается. Методологические системы Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Карла Маркса и Вильгельма Дильтея раскроют дискурс этих изменения.

Раскрытие универсальной причины истории может навсегда остаться открытым вопросом. Но ради

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Dittthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

сохранения человеческих связей мы должны рассматривать каждую методологическую систему как отдельное и необходимое отражение целого. Когда методологические системы становятся диалектически противоположными друг другу и не могут увидеть структуру почвы, которая питает оба семени истины, можно предсказать социальный переворот, революцию и дезинтеграцию. Объединяющий принцип созерцательного действия, или «самопознающая идея» (Гегель, 10), не является позицией абсолютной истины, но служит инструментом для рефлексивного действия.

История - это часть гуманитарных наук, которая занимается изучением человеческой природы. Философия традиционно является фундаментом, из которого проистекают все предметы, изучаемые человечеством. Философия - это изучение знаний и человеческого сознания. Историография является важной философской традицией в гуманитарных науках и основой для изучения истории. Историография - это изучение того, как история развивает истину и знания с течением времени. Структуры истины и знания определяются как историческая методология, или системы и наука об истории. Историограф может определить философскую позицию письменного исторического материала и определить, какая эпистемология встроена в повествовательную позицию. Изменения, произошедшие в структуре человеческого мышления, формируют не только события, установки и поведение человеческого рода, но и интерпретацию и переживание истины и знаний. Методологические системы предполагают созерцательное действие и стремятся создать различимую модель исторического исследования. Хотя структура развивает свою собственную эпистемологию, без общего представления о коллективном человеческом опыте не было бы коллективной истории, над которой можно было бы размышлять. Однако раскрытие универсальной причины истории может навсегда остаться открытым вопросом. Но ради сохранения человеческих связей мы должны рассматривать каждую методологическую систему как

отдельное и необходимое отражение целого. Это важный акт познания, сопереживания и социального прогресса. Когда методологические системы становятся диалектически противоположными друг другу и не могут увидеть структуру почвы, которая питает оба семени истины, можно предсказать социальный переворот, революцию и дезинтеграцию. Объединяющий принцип созерцательного действия, или «самопознающая идея» (Гегель, 10), не является позицией абсолютной истины, но служит инструментом для рефлексивного действия. Это исследование отображает изменения философской методологии в контексте исторических исследований с 1800 по 1850 год, но утверждает, что на протяжении всех этих исследований сохраняется действие рефлексивного созерцания. Я рассмотрю методологические системы Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Карла Маркса и Вильгельма Дильтея и покажу, как они трансформировали историографию и реагировали на дискурс друг друга с течением времени.

Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) в своей книге «Философия истории» представляет основополагающую структуру подхода к истории. Он начинает с «Первоначальной истории» (1). Оригинальная история - это «повторное изложение» событий и переживаний, свидетелем которых является отдельный человек. Это запись о том, что произошло, похожая на запись в дневнике. Сюда не входят баллады или легенды той или иной культуры, которые являются отдельной категорией. Оригинальный историк стремится зафиксировать

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Dittthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

точные события, свидетелями которых он был, с помощью «жизнеописаний» (2). Это включает в себя литургии, речи и политические комментарии. «Дух автора» (2) является частью событий и речей, свидетелями которых он становится и которые читает, они «одно и то же» (2). То, как автор воспроизводит впечатления, свидетелями которых он стал, становится записью. Гегель связывает сознание (мышление) и исторические впечатления со словом «дух». По своей сути он был христианским философом.¹ Дух, согласно методологии Гегеля, исходит от Бога и единоклубен с Ним.² Работа историка состоит в том, чтобы осознать созданные Богом структуры, которые формируют человеческую деятельность и методологию.³

Второй вид истории, который вводит Гегель, - это рефлексивная история. Рефлексивная история «выходит за рамки настоящего» (4). Историк смотрит на коллективную историю страны, нации или народа, которая записана. Это повествование проникнуто «духом» его времени и «совершенно отличается от того времени, о котором он рассказывает» (5). Рефлексивная история - это не точное представление о том, что произошло. Она пронизана силой рефлексивной мысли индивида, отличной от впечатления. Историк «приносит с собой свои категории и видит явления, представленные его мысленному взору» (11). Прошлое может быть сформировано через настоящее повествование индивида и становится «дидактическим» (6). Гегель быстро настаивает на том, что такое представление истории часто оказывалось недостаточным, и «бледные тени памяти тщетно борются с жизнью и свободой настоящего» (6). Он использует пример историков, которые переосмысливают историю в целях просвещения, обладая индивидуальной прерогативой. Вместо того чтобы делиться впечатлениями, историк

предлагает перспективу и мнение. Это была бы форма сконструированной истории. Но каждый размышляющий историк «настаивает на своем собственном духе» (6) и просто удовлетворяет свои собственные потребности.

Окончательная форма рефлексивной истории адресована критике. Гегель отмечает, что преобладающей исторической школой в Германии было изучение «истории истории» (7). Исторические критики обнаруживают то, что упустили историки, или факты, которые не были представлены. Они создают критические замечания, основанные на дезинформации или недостающих фактах. Гегель критически относится к такому способу «ведения» (7) истории. Он замечает, что «эта высшая критика послужила предлогом для представления всех антиисторических чудовищ» (7), с которыми приходится сталкиваться. Критическая история выявляет идеи, предубеждения, интерпретации или истории авторов, которые не заслуживают доверия и не основаны на историческом исследовании, а вытекают из их собственной критики исторического исследования. Критически настроенный историк не обязательно представляет исторические данные, но деконструирует старые нарративы, чтобы прийти к интерпретации.

История идей - это окончательная система рефлексивной истории, и она изучает искусство, юриспруденцию и религию. Это не наблюдаемые события, а творения или проявления идей. Гегель утверждает, что «идея, по сути, является лидером народов и мира; а Дух, рациональная и обусловленная необходимостью воля этого проводника, является и был руководителем событий мировой истории» (8). Идеи гуманизма приведут историка к «руководящей душе» (8) народов, мест или взглядов того времени. Идея 4 - это универсальная субстанция, через которую протекает история; это то, что связывает людей с Универсальной

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Dittthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

историей. Воля духа порождает эту деятельность, а не воля человека; потому что Идея, субстанция мышления, исходит из Духа и создается им, а не материальной деятельностью человека. Гегель отделяет идею от субъекта посредством созерцательного действия. Созерцательное действие подвергает ум умственной гимнастике, чтобы прийти к чистой мысли, а не к субъективной интерпретации или впечатлению. Гегель подготавливает способности мышления к тому, чтобы они стали рефлексивными, так что объекты и структуры мышления могут быть изучены. Он тренирует ум наблюдать за самим собой, чтобы смысл не был привязан к материальным проекциям. Именно благодаря этой способности, предназначенной для созерцания нематериального, обретет форму истинная история, Всеобщая история. Когда разум размышляет над идеями, он развивает способности, которые позволяют индивиду созерцать Дух. По сути, он работает как нейробиолог над сознанием читателей и тренирует способности мышления для созерцательного действия и рассуждения, или осознания истины. Это приводит к его философской истории.

Гегель описывает философию как деятельность, которая «обитает в области самопроизвольных идей, без привязки к действительности» (8). Философия - это инструмент, который используется для созерцания истории; это инструмент разума. Разум - «властелин мира» (9). Разум позволяет нам понимать историю как «рациональный процесс» (9). Разум - это субстанция мышления. Разум - это имя собственное, не только вещь, но и субстанция, обладающая «своим собственным материалом» (9) и «подчиняющаяся своей собственной активной энергии» (9). Разум - это субстанция, которая не основана на материальном объекте и принадлежит языку. Разум руководит всеми исследованиями. Гегель

утверждает, что разум - это единственное, что истинно, «абсолютно» (9). Она проявляется не только в способностях разума, которые работают над пониманием естественного и исторического порядка, но и в силе, которая развивает «явления природы» (10). Та же самая причина, по которой растут растения, - это та же самая причина, по которой мы размышляем об истории. Если бы не было Причины, управляющей деятельностью человека, или естественного порядка вещей, не было бы цели существования, не было бы концепции времени и истории. Настоящий момент был бы непрерывным откровением без прошлого. Наше мышление наделено тем же Духом, который существует в мире природы. Гегель, по сути, утверждает, что мир - это Бог, а Бог - это Мир.⁵ Существует причина и «резон» для ума и мышления. И эта причина заключается в том, чтобы открыть Бога, или духа. Созерцательное действие привносит Дух в творение через откровение. Эту причину мышления можно обнаружить только с помощью созерцательного мышления. Для того чтобы изучать сколько угодно истории, нужно верить в это убеждение. Бог доступен для познания человеческими существами только с помощью Разума, который является инструментом, предназначенным для познания Бога с помощью. Разум активизируется созерцательным действием, то есть размышлением о мышлении. Это развивает «самосознающую идею» (10) - способность, которая осознает свою собственную функцию и, следовательно, наделена истиной Духа.

Когда историк разработает «самосознающую идею», он может приступить к формулированию истории. 6 История - это раскрытие Духа, или раскрытие осознания Духа. История - это «проявление Духа в процессе выработки знания о том, чем она потенциально является» (18). А потенциальность мысли описыва-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Dittthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

ется понятием Свободы, к которой стремится весь человеческий потенциал.⁷ Перевод воли Бога на язык мысли был априори Гегеля для философии истории. Это основа идеализма. Рациональная вселенная Гегеля была разобрана на части многими критиками, которые полагали, что иерархии мышления, которыми обладал дух старых религий, должны были быть свергнуты с трона. Карл Маркс горячо поддержал критику духа Гегеля.

Карл Маркс (1818-1883) был выдающейся личностью, радикально изменившей исторический дискурс. В трудах молодого Маркса о философии и обществе он представляет свою систему исторического материализма, являющуюся прямым ответом на «немецкий идеализм» Гегеля (404). Его критику Гегеля и введение в его историческую систему можно найти в разделе «Немецкая идеология: критика новейшей немецкой философии, представленной Фейербахом, Б. Бауэром и Штирнером» (403). Маркс прямо обращается к философским методам Гегеля. Он начинает с критики людей, которые «связали себя друг с другом в соответствии со своими представлениями о Боге» и что «фантомы их воображения стали слишком большими для них» (404). Новый историк должен «восстать против господства мыслей» (404) и стать свидетелем «разложения абсолютного духа» (405). Чтобы историк по-настоящему понял нынешнюю ситуацию, он должен «рассмотреть все это зрелище с точки зрения, находящейся за пределами Германии» (506). Позиция Маркса начинается извне и описывает эмпирическое, основанное на фактических данных наблюдение за его миром.

Маркс начинает свою философскую систему с критики. Он утверждает, что все исследования его нации «были основаны на одной философской системе - системе Гегеля» (406). Он критикует философское подтрунива-

ние гегельянцев, которые превыше всего поклоняются идее, мышлению, рациональности и сознанию, которые «просто нападают на фразы» (406) этого мира. Фразы, идеи и методология, заложенные в традиции Гегеля, не являются реальными или существенными. Это приводит к разделению «немецкой философии и немецкой действительности» (408). Историю формируют «реальные индивиды, их действия и материальные условия жизни» (409), которые «подтверждаются чисто эмпирическим путем» (409). Условия для исторического изучения должны быть проверены опытом, и это делает их истинными. Идеи нереальны. Они не существуют в мире и не могут быть доказаны доказательствами, поэтому не имеют отношения к изучению. История - это относительное наблюдение за эмпирически наблюдаемым миром. Вопрос в следующем: как человек выжил до сих пор и как выглядят эти способы выживания? И «вся историография должна исходить из этих естественных оснований» (409), потому что человек - естественное существо. Таким образом, человека определяют по тому, как он относится к своим естественным обстоятельствам. Единственное, что отличает человека от других животных, - это то, что они создают предметы и «производят [свои] средства к существованию» (409). Они сами выращивают себе пищу, изготавливают свои собственные инструменты и строят свои собственные дома. Человек создает свое материальное существование, поэтому его материальная деятельность непосредственно влияет на его природу и мышление.

Материальная методология утверждает, что сознание культивируется в результате нашего взаимодействия с материальным миром.⁸ То, как люди организуют и разделяют свой труд и производство, формирует отношение, культуру и традиции наций и госу-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Diltthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

дарств. Отношения между отдельными лицами и государством определяются собственно-стью на материалы и, по сути, полномочиями контролировать производство материалов. История - это трансформация власти собственности.⁹ Благодаря изучению социальных и политических структур власти и собственности происходит логическое развитие исторических событий. Фундаментальный аргумент Маркса в пользу структуры истории состоит в том, что «производство идей, концепций, сознания непосредственно переплетено с материальной деятельностью и материальными отношениями людей; это язык реальной жизни» (414). Если человек меняет свои материальные условия, он меняет и формирует свои ментальные устремления, принципы и формирование общества.¹⁰ Этот подход подпитывает революционного «коммунистического материалиста, который видит необходимость и в то же время условие преобразования промышленности, а также социальной структуры» (419). Человек видит свою собственную силу через свои действия. Основа системы Маркса основана на потребности человека в «еде и питье, крове, одежде и многих других вещах» (419). Индивид строит свою собственную ментальную и социальную активность путем взаимодействия с окружающим миром. Язык и сознание проистекают из необходимости взаимоотношений. Маркс описывает, что «всякая борьба внутри государства, борьба между демократией, аристократией и монархией, борьба за избирательные права и т.д., и т.п., являются не чем иным, как иллюзорными формами, в которых осуществляется реальная борьба различных классов друг с другом» (425). Истинный исторический процесс - это классовая борьба за получение контроля и власти над материальной деятельностью индивидов.

Всем историкам, следовавшим за Марксом, приходилось сталкиваться с этой мощ-

ной преобразующей логикой, которая отрицала феноменологию, метафизику, теологию, религию и идеализм, но прежде всего отрицала существование Божественного Духа. Он не только преобразовал структуру философской традиции, но и его идеи мотивировали и вдохновляли социальную и производственную деятельность миллионов людей. Многие историки, последовавшие за Марксом, откликнулись на его могучий материализм. Одной из заметных попыток соединить идеализм Гегеля с материализмом Маркса был Вильгельм Дильтей. Он поэтически сохранил и возродил традицию философского идеализма, которую Маркс так страстно стремился разрушить.

Вильгельм Дильтей (1833-1911) представляет в истории образец и значение «исторического бытия» (Dilthey, 66), которое конструируется историческим процессом. Человеческая натура формируется с течением времени под воздействием языка, места и событий. Настоящий момент является кульминацией этих взаимодействий. На индивидуальный запрос влияют относительное время и место. Их положение является причинно-следственной связью с предшествующими условиями. Следовательно, индивид «историчен». Условия и рамки, формирующие настоящий момент, проистекают из «связей в мире, подверженном влиянию разума» (67). Разум генерирует и продуцирует структуру для восприятия мира, а затем наблюдает за созданной структурой. Эта линия рассуждений является основой знания Дильтея, которая берет свое начало в рефлексивной истории Гегеля. Историческое познание начинается с изучения взаимосвязанных систем, которые создают основополагающие предположения о природе человека. Историк должен понимать те части разума, которые генерируют «построение исторического хода событий» (67). Субъект, присутствующий в этом анализе, обнаруживает не только свое

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Dilthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

место в системе методологического исследования, но и переживает причины, влияющие на исторический коллективный опыт. Индивид становится «единым целым со своим объектом, который остается одним и тем же во всех состояниях его объективации» (Дильтей, 68). Исторический объект изучения становится не только коллективным историческим объектом, но и изучением индивидуального «я», причин и устройства разума.

Знание истории формируется из внутренней интерпретации, которая «недоступна чувствам и может быть пережита только внутренне» (69). Для Дильтея это внутреннее повествование обеспечивает согласованность внешнего опыта и является наиболее важным объектом для изучения. Например, книги законов, библии, священные Писания, гроссбухи, картины, артефакты - все это выражения ума. Эти внешние объекты сравниваются по отношению друг к другу. Они изучаются в связи с коллективным договором, который определяет его ценность. Это означает, что ценность объекта связана с коллективным соглашением о знаниях. Здесь мы находим сочетание идеи самопознания Гегеля и отношения ценности Маркса.

Когда историк рассматривает историю, он рассматривает два процесса мышления: ценность и взаимоотношения.¹¹ Дильтей использует пример поэта. Поэт пишет слова на странице. Критика или история не имеют отношения к тому, о чем пишет поэт. История связана с тем, как письменность соединяется с уже созданным рисунком и структурой и формирует смысл стихотворения. Структура и смысл уже были разработаны с течением времени. То, что пишет поэт, по своей сути связано с этим ранее существовавшим шаблоном. Историк использует эти структуры для размышления об их нынешней исторической идентич-

ности. Это создает смысл. Они называются «структурами, созданными разумом» (70).

Дильтей ясен в своем неприятии определения человека только как продукта его материальных, объективных восприятий. Если бы история, которая связана с человеческими структурами, была только физическим представлением или объективным исследованием, она принадлежала бы естественным наукам. Дильтей показывает, что «человечество становится предметом изучения человека только потому, что существует связь между опытом, выражением и пониманием» (71). Таким образом, история - это изучение отношений, которое создается функцией разума и активностью тела. Исторический анализ Дильтея основан на взаимосвязи опыта, памяти, событий и настоящего момента. Переживания, события и виды деятельности не имеют смысла без оценки «структур, созданных разумом». Разум создает «реконструкцию хода событий в памяти, которая воспроизводит не конкретное событие, а систему связей и этапы ее развития» (73). Эта ментальная способность создает исторический процесс, и она влияет на материальную деятельность и заставляет ее происходить.

Однако Дильтей не упускает из виду реальность материального существования. Он признает, что «жизнь - это фундаментальный факт, который должен стать отправной точкой для философии» (73). Функция истории состоит в том, чтобы связать опыт, восприятие и жизненные события индивида в повествовательную структуру. Это работа историка. Структура - это методология исторического повествования. Смысл возникает из связи, которую методология имеет с настоящим временем. Это считается релятивизмом. Дильтей примирил идеализм Гегеля с материализмом Маркса. Он раскрывает важность рассмотрения диалектического действия истории и реф-

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Dilthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

лексивных качеств мышления. Если бы не было предшествующей субстанции или шаблона, в который можно было бы поместить нашу текущую перспективу, значение не было бы относительным. Релятивизм предлагает субъекту рамки, с помощью которых можно рассматривать историческую закономерность, тем самым раскрывая его текущее положение. Этот разговорный аспект истории может быть перенесен на изучение всех предметов.

Работы Гегеля, Маркса и Дильтея показывают, что историческая философия претерпела радикальные созерцательные сдвиги за небольшой промежуток времени, примерно в 1800-1850 годах, когда эти люди писали. Философия перешла от созерцания Бога к материальным доказательствам и, наконец, к конструктивным способностям рефлексии и индивидуальному релятивизму. Однако существуют основополагающие сходства, на которых построена каждая структура. Система Маркса может быть проанализирована с помощью методологии Гегеля и выявляет определенные ошибки парадигмы Маркса. Чтобы понять Маркса, человек должен уже обладать ранее существовавшими способностями к «самопознанию», которым его система фундаментально противостоит. Полное неприятие Марксом идеализма, религии, теологии и рациональных достижений человека, возможно, является его риторическим падением, в котором он теряет свою человечность. Как указывает Гегель в своей критической рефлексивной истории¹², критический метод Маркса и полное неприятие идеализма занимают диалектически противоположную Гегелю позицию. Эта позиция порождает круговой спор, и на самом деле к ней обращается Гегель в своем описании «материи».¹³ Возможно, в конце концов Маркс непреднамеренно оправдывает позицию Гегеля. В конце концов, Маркс работает в абсолютных материальных терминах. Маркс

переворачивает структуру Гегеля и называет «материал» «духом», который движет «Разумом» истории. Его логика следует той же схеме, которую развивает Гегель, но меняет риторический акцент. Он не читит, а фактически игнорирует и полностью отвергает метафизические и созерцательные тайны, которые заложили основу для этой методологии. Вместо этого он утверждает, что фундаментальной причиной или движущей силой человеческого поведения является власть. Сила становится движущим принципом, стоящим за сознательной деятельностью. Это вызывает глубокую тревогу, но, возможно, предсказывает неизбежный упадок морали и этического поведения с позиции абсолютного материализма. Если мы продолжим с обратной логикой Гегеля, структура Маркса не видит, «что человек, как таковой, свободен» (Гегель 18), но требует полного господства над человеком посредством материальной власти. Хотя многие не смогли увидеть сходства Гегеля и Маркса, Дильтей в своей спокойной поэтической манере предложил оливковую ветвь, чтобы преодолеть эту методологическую пропасть.

Вильгельм Дильтей написал «Предложение», чтобы подтвердить ценность философской созерцательной деятельности, но прочно укоренил эту структуру в материальном мире и человеке. Дильтей построил систему, в которой индивид использует способности идеализма и наблюдения материализма. Дильтей возвращает субстанцию мысли к объекту истории. Но он оставляет без ответа вопрос о том, существует ли что-то за пределами индивидуального человеческого познания, что движет и конструирует эту субстанцию. Дильтей определяет сконструированный исторический анализ, который не предопределен Божественным Духом, но является относительным и рефлексивным по отношению к воле

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Dilthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

индивидуального существа и связан с его нынешними материальными условиями.

Вопрос о том, определяется ли история Божественным Разумом, материальной деятельностью человека или относительными построениями индивида, является неубедительным. Что можно наблюдать, так это то, что новые мыслительные структуры создаются в процессе «делания истории». Эти структуры формулируют и направляют нашу жизнедеятельность, самоидентификацию и исторические знания; они влияют на нашу интерпретацию материальной деятельности и стимулируют наше стремление к активности. Что движет активностью мышления и откуда «берется» эта активность, возможно, ответ будет получен только по ту сторону жизни. Способы человеческой интерпретации, которые проходят через структуры мышления, столь же разнообразны, как впечатления от сна. Исторические существа попадают в ловушку материальных и социальных условий, когда они верят, что эти процессы фиксированы, застойны

и недоступны воле к преобразованию. Язык и мышление оказывают глубокое влияние на структуру Вселенной, и каждая «мысль создает эпоху в анналах человеческого интеллекта» (Гегель, 12). Понимая это, историографы могут подходить к своему предмету с помощью инструментов познания и создавать «самосознающую идею». Были ли Маркс, Гегель или Дильтей «правы» или «неправы», несущественно. Каждый человек в процессе исторического созерцания пережил свое собственное время и влиял на результаты и методологию истории на протяжении более двух столетий. Каждая методология позволяет индивиду «видеть чистый свет истины только в различных преломленных лучах»¹⁴; но в совокупности они вносят свой вклад в смысл и обоснование истории.

Хадашвилль, 2022 год
 Перевод Сергея Григорьева

Литература:

1. Дильтей, Вильгельм. Закономерность и значение в истории: размышления об истории и обществе. Под редакцией: Х.П. Рикмана. Нью-Йорк: Harper Torch Books, 1962.
2. Дильтей, Вильгельм. «Мечта». Философия истории в наше время. Под редакцией: Ханса Мейерхоффа. Нью-Йорк: Doublday Anchor books, 1959. Стр. 35-43.
3. Гегель, Георг, Вильгельм. Философия истории. Под редакцией Чарльза Хегеля. Транс, Джей Сибри. Китчнер: Batoche Books, 2001.
4. Маркс, Карл. Труды молодого Маркса по философии и обществу. Отредактировано и переведено: Лойд Д. Истон и Курт Х. Гуддат. Нью-Йорк: Anchor Books, 1967.
5. Grigoryev, S. L. Screen culture ontology: towards the problem statement / S. L. Grigoryev // *Communicology*. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – P. 57-68. – DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-2-57-68. – EDN FDCFP1.

Современная зарубежная философия
 Выпуск 1
 Москва, 2023
 Кафедра философии РГАУ-МСХА

The Self-Cognizant Idea and the Methodological Transformation of Hegel, Marx, and Diltthey's Historiography
Идея самосознания и методологическая трансформация историографии Гегеля, Маркса и Дильтея

Youngdahl Kaylee
Янгдал Кейли

Примечания:

- 1.) Вильгельм Георг Гегель, *Философия истории*. Под редакцией Чарльза Хегеля. Сибри (Китченер: Batoche Books, 2001) К.Дж. Фридрих, введение.
- 2.) Там же, 16.
- 3.) Там же, 16.
- 4.) Идея здесь пишется с заглавной буквы, потому что система Гегеля рассматривала Идею как имя собственное, наделенное «духом».
- 5.) Там же, 14.
- 6.) Там же, 15.
- 7.) Там же, 19.
- 8.) Карл Маркс, *труды молодого Маркса по философии и обществу*. Отредактировано и переведено: Лойд Д. Истон и Курт Х. Гуддат (Нью-Йорк: Anchor Books, 1967) 419.
- 9.) Там же, 421.
- 10.) Там же, 419.
- 11.) Вильгельм Дильтей, *Закономерность и смысл в истории: размышления об истории и обществе*. Под редакцией Х.П. Рикмана. (Нью-Йорк: Harper Torch Books, 1962) 70.
- 12.) Вильгельм Георг Гегель, 7.
- 13.) Там же, 17.
- 14.) Вильгельм Дильтей, «Мечта», *Философия истории в наше время*. Под редакцией: Ханса Мейерхоффа (Нью-Йорк: Doubleday Anchor books, 1959) 41.

Современная зарубежная философия
Выпуск 1
Москва, 2023
Кафедра философии РГАУ-МСХА

**Тяньхао Хоу, Аади К. Кришна, Натаниэль Пьютерер,
Анна Л. Питерс, Иян Чен, Мелисса Падрон,
Эстебан А. Санчес, Янгдал Кейли**

**Современная зарубежная философия.
Сборник переводных статей.
Выпуск 1.**

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано к использованию 07.10.2023.

Объем Мбайт. Электрон. текстовые дан. Заказ 919.